

ГЕНЕРАЛ МАРГЕЛОВ

Олег СМЫСЛОВ

ВЕЛИКИЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПЕРСОНЫ

SHOUT
SHARE IT

Annotation

Вся его жизнь — это достойный пример служения своему Отечеству человека сильной воли, огромной энергии, целеустремленного и преданного своей профессии офицера и военачальника. У него была подлинно солдатская душа, благодаря которой сама жизнь выдвинула его на высокие ступени военной иерархии. Василий Филиппович Маргелов — единственный из командующих ВДВ, чье имя в истории этих войск останется навсегда: ведь он олицетворял целую эпоху их развития и становления.

- [Олег Смыслов](#)
 - ☐ [От автора](#)
 - ☐ [Глава 1](#)
 - ☐ [Глава 2](#)
 - ☐ [Глава 3](#)
 - ☐ [Глава 4](#)
 - ☐ [Глава 5](#)
 - ☐ [Глава 6](#)
 - ☐ [Глава 7](#)
 - ☐ [Глава 8](#)
 - ☐ [Глава 9](#)
 - ☐ [Глава 10](#)
 - ☐ [Глава 11](#)
 - ☐ [Глава 12](#)
 - ☐ [Глава 13](#)
 - ☐ [Глава 14](#)
 - ☐ [Глава 15](#)
 - ☐ [Приложения](#)
 - ☐ [Список источников и литературы](#)
- [notes](#)
 - ☐ [1](#)
 - ☐ [2](#)

Олег Смыслов

Генерал Маргелов

*Моему другу у сыну
ветерана-десантника,
суворовцу и комбату —
Владимиру Алексеевичу
Таранову посвящаю...*

От автора

Вся его жизнь — это достойный пример служения своему Отечеству офицера, командира и военачальника, человека сильной воли, огромной энергии, целеустремлённого и преданного своей профессии — защищать родину!

У него была подлинно солдатская душа, благодаря которой сама жизнь выдвинула его на высокие ступени военной иерархии.

Командуя в годы войны полком морской пехоты, Василий Филиппович познал их особое состояние духа и, видимо, от «чёрной смерти» (так называли морпехов немцы) перенёс в «пехоту крылатую» их некоторые традиции.

Василий Филиппович Маргелов — единственный из командующих ВДВ, чьё имя в истории этих войск останется навсегда, ведь он олицетворял целую эпоху их развития и становления.

Что тут говорить, только Маргелов смог посадить десантников на броню. Именно Маргелов придумал для десантников тельняшку с голубыми полосками и голубой берет. Это он назвал пагубным удержание захваченного десантом района до подхода наступающих войск и убедительно отверг методы жестокой обороны.

Это Василий Филиппович убедил в том, что в современных операциях успешно действовать в глубоком тылу противника смогут только высококомобильные, способные к широкому маневру десанты.

Главным качеством в профессии десантника Маргелов называл дерзость и говорил: «Такую, когда человек готов сражаться против десяти врагов».

В ВДВ он вложил всю свою душу, весь свой опыт и талант, создав современные Воздушно-десантные войска как элиту Вооружённых Сил СССР.

В 1999 году, в период моей службы в Санкт-Петербурге, я написал стихотворение под названием «Советскому офицеру». Образ в нём изначально был собирательный. Но только теперь, перелистав страницы насыщенной военной биографии В. Ф. Маргелова, я понял — эти строки были написаны и про него:

Ты был всегда, все войны впереди —
И взводным, и комбатом, и комдивом;
И рвали пули гимнастёрку на груди,
Но лишь за то, что был ты командиром.

Ты был всегда батяней для своих,
За храбрость и бесстрашие — примером,
Почти святым для павших и живых,
Краскомом и советским офицером.

Ты знал нужду, страдания, приказ
И Родины великой уваженье.
Ты не в боях Россию тоже спас —
Её ты защищал и на ученьях.

Ты в форме жил и в ней же умирал,
В традициях ковалась твоя вера,
Ты жизнь свою на службе прожигал,
Но то была судьба, а не карьера.
Ты водку пил и знал, как дворник, мат, —
Увы, в казармах не было балета,
Ты грубостью берёг своих солдат,
Порою возвращая с того света.

Ты в генералы вышел боевым,
За мужество — заслуженная мера,
А всё служение — твой памятник живым
Сегодняшним российским офицерам...

Василий Филиппович Маргелов при жизни стал символом
времени и человеком-легендой.

Глава 1

Есть такая профессия — защищать свою Родину

Когда известного советского и российского писателя Бориса Васильева спросили, почему он так и не написал роман о современной российской армии, то он с грустью заметил:

«Моя любимая Красная Армия изменилась на глазах. Большинство выходцев из царской армии погибло в 1941–1942 годах. И тогда офицеров стали готовить из крестьян. Как результат, нравственный ценз моментально снизился. Да, они герои, они победили. Честь им и хвала! Но строить мирную армию они уже не могли. Мне кажется, эта картина пользуется популярностью потому, что «Офицеры» — романтическая мелодрама. Её герои безукоризненны. Представить только: Иван Варавва был влюблён в жену своего друга, а потому сам так и не женился. Такой любви больше нет! Поэтому женщины и ревут. Между прочим, в фильме «Офицеры» я придумал лишь вторую серию. Да и её сильно сократили. Я там писал про лагерь. Помните, встречаются два генерала и восклицают: «Ты жив?..» Подумайте, где они были столько лет? Да они сидели! Так вот. Недавно у меня в гостях была дочь Кирилла Рапопорта, с которым мы и придумали «Офицеров», и задала тот же вопрос, что и вы. Я ответил ей, что не могу, потому что не знаю современную армию».

И всё же повесть «Офицеры» давным-давно стала классикой, а фильм с одноимённым названием — культовым.

Помните, когда на вышке Алексей Трофимов, облачённый в «красные революционные шаровары», установил пулемёт и к нему туда поднялся командир эскадрона, ещё из старых офицеров?

«Молча проверил прицел, просмотрел пулемётные ленты. Поймав весёлый взгляд Алексея, усмехнулся:

— Какого года?

— Второго, товарищ командир.

— Значит, сразу — на курсы?

— Так комсомол приказал.

— А жениться вам тоже комсомол приказал?

— Это мой личный вопрос, — нахмурился Алексей.

— Ваш личный? Ошибаетесь, взводный. Женидьба — дело чести вашей, а не вопроса.

Алексей растерялся настолько, что, поморгав, совсем не по-

уставному протянул:

— Чего-о?..

— Когда вы просите женщину вручить вам руку и сердце, вы внутренне даёте самому себе слово чести, что всю жизнь будете служить ей щитом и опорой. Что в любых несчастьях, болезнях, горестях вы не покинете её и никогда не предадите. Никогда.

— Ну это — само собой, — рассудительно сказал Алексей.

— На всю жизнь — слово чести, взводный. А жизнь может оказаться длинной. Даже при нашей с вами профессии.

— Какая же это профессия? — с ноткой превосходства удивился Алексей. — Военный — это никакая не профессия. Это просто служба такая.

— И долго же вы просто служить собираетесь?

— До победы мировой революции, — чуть запнувшись, но твёрдо сказал взводный.

— А потом?

— Когда — потом?

— После победы мировой революции?

— После победы? — Алексей смущённо улыбнулся. — После победы я учительствовать пойду. Вот учитель — это настоящая профессия, товарищ командир эскадрона.

— А я, представьте себе, всю жизнь гордился своим делом, — комэк вздохнул. — И отец мой им гордился, и дед. Другие знатностью гордились или богатством, а мы — профессией.

— Что же это за профессия такая?

— Родину защищать. Есть такая профессия, взводный: защищать свою родину.

И застеснявшись патетики, поднял к глазам бинокль.» (Б. Васильев. Офицеры. М., 2003 г.).

Как и Алексей Трофимов, Василий Филиппович Маргелов связывать свою судьбу со службой в армии и не собирался. Но в 1928 году именно по комсомольской путёвке, которую он получил в райкоме, его направили учиться на красного командира в Объединённую Белорусскую военную школу имени ЦИК БССР в городе Минске.

Свою роль в будущей судьбе Маргелова сыграло его семилетнее образование, которое имели тогда ещё немногие призывники. Было ему тогда всего двадцать лет от роду...

Родился Василий Филиппович Маргелов 27 декабря 1908 года в городе Екатеринославе (Днепропетровск) на Украине, в семье выходцев из Белоруссии. Когда маленькому Василию было всего пять лет, вся семья вернулась на родину Филиппа Ивановича в местечко Костюковичи Климовичского уезда

(Могилёвская губерния).

По рассказу сыновей В.С. Маргелова, «семья была большой: трое сыновей — Иван, Василий, Николай и дочь Мария, порой сильно бедствовала, а потому и приходилось его отцу, Филиппу Ивановичу Маргелову, гнуть спину на капиталиста от зари до зари. Только благодаря своей богатырской силе и огромной выносливости мог он работать в горячем литейном цехе лицом к лицу с испепеляющим огнём расплавленного металла по 16 часов в сутки, пока не выгнали его с завода за «политическую неблагонадёжность». Давно хозяева хотели избавиться от неудобного им вожака рабочих. А тут и повод подвернулся: заступился он за соседскую бабку Матрёну. Дело было так — прицепились к ней трое подвыпивших хулиганов, мол, плати три копейки за право торговать семечками, не то их заберём. А откуда же ей, горемычной, такие деньги взять? А те пристали к ней, как банный лист к телу:

— Дай, да дай!

Старушка в слёзы, а им всё нипочём, только смеются. В это время проходил мимо Филипп Иванович. Ну и врезал он им как следует. Выплёывая зубы, разбежались как зайцы — попробуй ответить тем же здоровенному металлургу. А потом нажаловались городовому, дескать, избил их пьяный громила ни за что ни про что. Вот так и лишился дед Филипп работы — убрали его подальше от коллектива беспокойных рабочих. С трудом удалось устроиться на шахту горным рабочим, но на работу, где условия труда были ещё невыносимее и где он быстро завоевал авторитет среди шахтёров».

В Екатеринославе Маргеловы жили достаточно скромно. Небольшая комната в рабочем бараке, где мама Василия вела домашнее хозяйство, отличалась чистотой и порядком. И тем не менее Маргеловы не бедствовали.

Покинув, что называется, насиженное место в Екатеринославе, они поселились в Костюковичах. Говорят, это был «неказистый домишко на Муравильской улице, доставшийся в наследство супруге». Но уже через год он «вполне мог соперничать со строениями, в которых жили именитые граждане Костюковичей».

Однако семейное счастье длилось недолго. Началась война.

«В 1914 году призвали деда Филиппа на военную службу, и ушёл он на германскую войну защищать Отечество, — пишут сыновья В. Ф. Маргелова. — Два «Георгия» свидетельствуют о его мужестве и отваге. В одном из боёв в наступлении герой-богатырь лично заколол штыком десяток немцев. Но третьего «Георгия» ему не дали за то, что однажды он выступил против

несправедливости, за права солдат. В 1917 году он был избран членом полкового комитета. Потом были бурные годы Гражданской войны. Филипп Иванович взял в руки винтовку и пошёл на фронт защищать молодую советскую республику, твёрдо веря, что борется за лучшую жизнь именно трудового народа. Служил он сначала в Красной Гвардии, а потом — в Красной Армии.

Когда отгремели залпы Гражданской войны, Филипп Иванович Маргелов вернулся в 1920 году домой, где сначала работал на своей земле, уходя зимами на побочные заработки, в 1931 году вступил в колхоз «Парижская Комуна», а позже перебрался на лесопильный завод, с 1936 года работал в Леспромхозе.

Семья окончательно вернулась в город Костюковичи, что в Могилевском уезде в Белоруссии, где Маргеловы жили и работали в летнее время. Здесь же была и многочисленная родня. Родственники хоть и сами жили бедно, но всегда помогали друг другу. В 1921 году второй сын Филиппа Ивановича Василий закончил школу. Сын рос в отца и был не по годам высоким, сильным парнем. В те времена в таком возрасте многие подростки начинали свою трудовую жизнь. Не минула эта чаша и сына екатеринославского пролетария.

Начинал свою трудовую деятельность Василий Филиппович, помогая матери по хозяйству. Затем были мелкие заработки: «то почту возил, то грузчиком подрабатывал, то плотником».

Когда стукнуло тринадцать, работал учеником в кожевенной мастерской, очень скоро став помощником мастера. А в пятнадцать он поступает чернорабочим в местный «Хлебопродукт».

История о том, как Василий Филиппович вступал в комсомол, любопытна: «Секретарь комсомольской ячейки предложил Василию вступить в комсомол. Старательно изучив Устав и изрядно волнуясь, пришёл он в назначенное время на комсомольское собрание. Всё шло нормально, пока заместитель секретаря комсомольской организации Изя, которого Василий терпеть не мог за его зазнайство и верхоглядство, не спросил: «Как вы, товарищ Маргелов, относитесь к еврейскому вопросу?»

Ну, Василий и объяснил, что он думает о тех руководителях и идейных вдохновителях, которые сами не знают, что такое труд, а других пытаются поучать. Имел он в виду именно этого Изю, не вдаваясь глубоко в каверзный смысл вопроса. Вернулся он домой расстроенным — отказали ему по предложению Изя в доверии.

— Что, моего Васеньку в комсомол не приняли? — возмутилась глубоко набожная Агафья Степановна. — А

говорили, что туда только лучших принимают.

Двоюродный брат Иван, секретарь партийной организации института, спросил:

— В чём дело, Вася?

— Не знаю, — честно признался Василий — на все вопросы ответил, работу мою хвалили, а как Изьку лентяем и крикуном назвал, предложили в следующий раз прийти подготовившись, и ещё назвали каким-то «антисемитом».

— Не переживай, брат, я переговорю, с кем следует.

Через несколько дней тот же Изя, заискивающе улыбаясь, приглашал его:

— Васька, почему ты в комсомол не приходишь? Приходи. Не обижайся.

Скоро его приняли в комсомол, но неприятный осадок остался надолго. Шёл 1924 год...

Словом, с характером был юноша. Да ещё каким! Но именно такой характер останется у Василия Филипповича до конца его дней. Потому всю свою дальнейшую жизнь он будет всегда считаться суровым, но справедливым человеком. Сильный характер — сильная личность. Именно таким воспитали его отец и мать. Несомненно, приложила к этому свою руку и окружающая среда — улица. Пройдёт много лет, прежде чем один из партийцев высокого ранга за упорство Маргелова, с которым он всегда отстаивал свою точку зрения, назовёт его «бульбашом».

«Я и бульбаш, и хохол, и великоросс. Одним словом — потомственный славянин», — с достоинством ответит Василий Филиппович.

В шестнадцать Маргелов по комсомольской путёвке отправляется всё в тот же Екатеринослав на шахту имени М. И. Калинина, где сначала будет обыкновенным чернорабочим, а затем коногоном. Работая лишь с кайлом и лопатой, порой на пределе физических сил, он именно в шахте получит первые уроки мужества. Уроки, которые будут им опробованы на собственной шкуре.

«Однажды, когда бригада, в которую входил Василий, пробивала новый штрек, произошёл завал. Забойщики оказались отрезанными от внешнего мира толстым слоем земли. Кое-кто упал духом, кое-кто уже молился Богу. Но Василий Маргелов и ещё несколько его товарищей упорно раскапывали завал. Более трёх суток они без пищи и воды боролись со стихией, и она отступила. На четвёртые сутки после удара кайлом в «стену» завала шахтёры увидели свет и, помогая друг другу, выбрались на волю.

Однако те дни и ночи, проведённые в тёмном забое без

свежего воздуха, воды и пищи, не прошли даром. Василий по состоянию здоровья уже не мог работать на шахте, и его направили лесником в Леспромхоз, в родную Белоруссию». (А. Маргелов, В. Маргелов. Василий Маргелов. Десантник № 1.)

Но и эта работа не прошла даром. Десятки километров восемнадцатилетнему парню приходилось преодолевать на лошади — летом и на лыжах — зимой, чтобы осмотреть лесные уголья. Преследуя браконьеров, Василий Филиппович очень скоро научился читать «лесную книгу»: «Умел он находить едва заметные следы в лесу, маскироваться, терпеливо выжидать в засаде, не зная, конечно, как пригодятся эти качества ему в будущем».

В 1927 году его выбирают председателем рабочего комитета Леспромхоза, а в 1928-м — членом местного Совета и председателем налоговой комиссии. Тогда же Маргелов станет уполномоченным по комсомольской линии по работе среди батраков и по военной работе. Тогда же вступит в партию, но пока всего лишь кандидатом.

Согласно послужному списку, который аккуратно подшит в личном деле В. Ф. Маргелова, в Объединённой белорусской военной школе ЦИК БССР он учился с сентября 1928 года по апрель 1931-го. То есть целых два с половиной года Василий Филиппович был курсантом, постигая совершенно новое, неизведанное для себя военное дело, следуя ленинским словам, настоящим образом. Правда, как до службы в армии, так и во время её периодически буква «г» в его фамилии в различного рода документах, менялась на букву «к». А ведь до получения партийного билета Василий Филиппович Маргелов был Маркеловым. Но именно этот документ окончательно утвердил букву «г» в его фамилии навсегда. Говорят, сам обладатель красивой фамилии по этому поводу никогда не расстраивался...

У военно-учебного заведения, в которое был принят Василий Филиппович, уже была своя небольшая история. Известно, что 5 февраля 1921 года по приказу Реввоенсовета Республики в Минске были организованы краткосрочные 81-е пехотные курсы командного состава, которые расположились в здании бывшей Минской духовной семинарии. В том же году курсы переименовывались дважды: сначала в курсы Совнаркома БССР, а затем в Минские пехотные курсы РККА.

В 1924 году на базе этих курсов была организована 7-я Объединённая военная школа имени ЦИК БССР с трёхгодичным сроком обучения.

Его специфику отражало само название: «Объединённая». То есть на трёх отделениях готовились кадровые командиры для

родов войск РККА: кавалерии, артиллерии и пехоты.

В перечне военных дисциплин значились: топография, история Гражданской войны, военное искусство, тактика, огневая подготовка, инженерное дело. Тактика пехоты и кавалерии (курсанты постигали джигитовку и приёмы езды) изучалась в них с учётом применения артиллерийского огня. Почти треть учебного времени отводилась на общеобразовательные предметы. В течение учёбы курсанты проходили стажировку: на втором курсе — в должности командира отделения, на третьем — командира взвода.

Военная школа представляла собой один батальон трёх- или четырёхротного состава. Первоочередной задачей ОВШ имени ВЦИК БССР была подготовка для 2-й Белорусской стрелковой дивизии Западного военного округа (Белорусского военного округа).

За годы работы в училище было подготовлено около 3,5 тысячи командиров Красной Армии.

Здесь и предстояло учиться курсанту Маргелову.

Физически подготовленный к суровой военной жизни, Василий Филиппович непременно стремился и к знаниям. Он как-то сразу же втянулся в новый для себя режим или по-военному — распорядок: в 6 часов 30 минут подъём, затем зарядка и занятия до обеда. В классах курсанты первого года первоначально изучали историю, географию, русский язык, литературу, химию, физику, немецкий язык, Конституцию СССР и усваивали марксистско-ленинскую подготовку.

Как пишет Б. Костин: «после обеда — отдых. Мёртвый час с 14.40 до 15.40 непременно соблюдался и при выходе школы в летние лагеря, на три месяца боевой учёбы. [...]».

Курсанты полностью обеспечивали себя дровами, картофелем, до блеска драили полы в школе, но особое положение занимал столовый блок — он радовал не только глаз.

И хотя Белоруссия тогда жила не слишком богато, о своих защитниках государство заботилось: курсантские щи никогда не бывали постными, а в добротном обмундировании воспитанники школы выглядели щёголями.

Василия Маргелова с первого курса отличали дотошность и упорство в освоении военной науки. Теоретические занятия в ОБВШ подкреплялись хорошей армейской практикой — в течение учёбы курсанты должны были пройти стажировку: на втором курсе — в должности командира отделения, на третьем — командира взвода».

Благодаря своему характеру, а также существенному жизненному опыту (для своих лет) Василий Филиппович уже с

первых месяцев учёбы «вошёл в число отличников по огневой, тактической и, конечно же, политической подготовке. Никто не мог сравниться с ним по меткости стрельбы из револьвера «Наган», винтовки «трёхлинейки», пулемёта «Максим». За эти успехи он был зачислен в группу снайперов и получил личный пистолет ТК (Тульский, системы С. А. Коровина, калибра 6,35 мм). Этот маленький пистолет в начале 30-х годов очень любили командиры Красной Армии». (А. Маргелов, В. Маргелов. Василий Маргелов. Десантник № 1.)

На втором курсе Василия Филипповича назначают старшиной роты. Показывая пример своим товарищам в освоении военного дела, он немало времени уделял их физической закалке.

В 1929 году его переводят из кандидатов в члены партии, а в 1930-м избирают членом бюро ячейки ВКП(б).

Сегодняшней молодёжи это уже ни о чём не говорит, а тогда это считалось значительными успехами в каждой личной биографии. Ими непременно гордились, причём гордились совершенно искренне.

В начале 1931 года Минская военная школа готовилась организовать лыжный пробег в Москву. Он был связан с пятидесятилетним юбилеем наркома по военным и морским делам К. Е. Ворошилова. Тогда это было модно. А с 6 по 21 февраля 1931 года десять курсантов, совершив 800-километровый бросок, доставили К. Е. Ворошилову «Рапорт о достижениях и недочётах» ОБВШ и лично поздравили наркома в столице.

Генерал-лейтенант И. И. Лисов был одним из участников этого пробега. В своей книге мемуаров он рассказывает об этом так: «...Тогда у нас не было спортивных лыж, хорошего крепления, одежды и обуви, хоть приблизительно похожих на нынешнее снаряжение спортсменов. Шли мы на армейских лыжах-досках, с плохим креплением, в сапогах и «будёновках» на голове.

Февраль был снежный и морозный. Шли мы вдоль железной дороги по обочине. Был случай, когда курсанта Володю Котова, крепенького паренька небольшого росточка, порывом сильного ветра сорвало с насыпи под откос в глубокий снег и тут же занесло. Он шёл в группе последним, и в пургу никто не заметил этой потери.

Уже прошли порядочно от места исчезновения курсанта, и Маргелов, пропуская мимо себя цепочку ребят, обнаружил «недостачу» в строю и, доложив курсовому командиру, старшему нашего перехода, тут же повернул всех нас назад на поиск «самовольщика», оставившего без разрешения строй. Долго мы искали его в этой метельной круговерти, рассыпавшись по всей

насыпи, и только случайно перед наступлением темноты по торчащей из сугроба лыже нашли его. Видимо, от усталости Володя нечаянно уснул, укрыв лицо подшлемником.

После этого случая Маргелов не шёл по старшинству впереди за курсовым командиром, а по своей инициативе стал замыкающим. Больше до самой Москвы у нас не было отстающих. В столицу пришли без обмороженных или исхудавших, крепкими, загорелыми. Только лыжи наши превратились действительно в гладкие доски, даже продольные борозды стёрлись до основания, но задачу мы свою выполнили, в Москву прибыли вовремя.

Мы не раз вспоминали с Василием Филипповичем этот далёкий поход тридцатых годов и нашу курсантскую жизнь, отправляясь на лыжную прогулку, уже будучи в больших чинах и званиях».

К слову, только в один день курсанты проходили по 60–70 километров. Шли они с раннего утра до позднего вечера. А в самый последний день преодолели более ста километров.

За этот переход Маргелов получил свою самую первую награду — золотые именные часы — «луковицу».

В этот поход очень рвался будущий маршал И. И. Якубовский, учившийся вместе с Маргеловым. Но его не взяли из-за огромного роста. Побоялись, что не выдержит длительного перехода на лыжах. Пройдёт много лет, и Иван Игнатьевич в разговоре с однокашником однажды обронит:

— А помнишь, Василий Филиппович, как не взял ты меня в лыжную команду?

— Зато вы маршалом стали, — отшутился Маргелов.

Весной 1931 года, выдержав серьёзные испытания, старшина Маргелов окончил Минскую школу с отличием. Кто знает, о чём думал он, стоя в парадном строю в новенькой с иголочки форме, прощаясь с Боевым знаменем? Но торжественный марш, завершающий ритуал, не мог не тронуть его душу, прикипевшую за эти несколько лет к военной службе. У Василия Филипповича было достаточно времени понять и принять профессию защищать свою родину...

Но пройдут десятилетия, и 26 июля 1971 года состоится премьера художественного фильма «Офицеры». По сюжету фильма внук Трофимовых — Иван выберет службу в ВДВ.

Дело в том, что сам автор Борис Васильев служил в годы войны в воздушно-десантном полку. В заключительной части повести он напишет: «На военном аэродроме в трюмы огромных транспортных самолётов вползают танки.

В самолёты садятся десантники в полной боевой выкладке. У трапа стоит в такой же выкладке капитан Трофимов и пропускает

мимо себя своих солдат».

Но в фильме есть небольшие дополнения. Говорят, их внесли в сценарий по рекомендации В. Ф. Маргелова...

А тогда, в 1931 году, красный командир Маргелов получил назначение в 99-й полк 33-й стрелковой дивизии, дислоцирующейся в Могилёве.

Глава 2

Становление командира

Первая должность Маргелова в стрелковом полку была, с одной стороны, обычной для его рода войск — командир взвода. И необычной, ответственной, значимой, с другой — командир пулемётного взвода полковой школы.

Однако с самых первых дней «молодой краском» зарекомендовал себя в глазах командования полка и дивизии как грамотный, волевой и требовательный начальник. Вместе с личным составом взвода он буквально сутками пропадал на полигонах и стрельбищах, досконально отрабатывая с подчинёнными все боевые задачи и упражнения. При этом большое внимание Василий Маргелов уделял физической подготовке, и в особенности — лыжам. И вполне закономерно, что его взвод за рекордно короткое время вышел в передовые. Прошло некоторое время, и Маргелов стал командиром взвода полковой школы, в которой готовились младшие командиры РККА». (А. Маргелов, В. Маргелов. Василий Маргелов. Десантник № 1.)

И здесь Маргелов добивается несомненных результатов. Однако в 1932 году его зачислят в Оренбургскую школу лётчиков и лётнабов.

К слову, к этому шагу в его жизни мог подтолкнуть IX съезд ВЛКСМ, состоявшийся в 1931 году. Съезд призывал комсомольцев идти в авиационные школы, приняв шефство над Воздушным флотом страны. И надо сказать, на призыв Ленинского комсомола молодёжь Советского Союза откликнулась горячо. Только в 1931–1936 годах в авиационные школы было принято 30 тысяч коммунистов и комсомольцев. Комплектование школ шло за счёт гражданской молодёжи и военнослужащих. Из числа последних комплектовались подразделения слушателей с годичным сроком обучения. При этом теоретическая и лётная программы требовали от курсантов и слушателей больших усилий.

Например, в 1932 году на вооружение Оренбургской школы поступили самолёты Р-1 и У-2. Весь лётный и технический состав напряжённо осваивал теорию и практику эксплуатации новой авиационной техники без лётных происшествий.

В 1932 году в части и соединения РККА стали приезжать «покупатели» из ВВС, отбирая наиболее грамотных и годных к лётной работе бойцов и командиров. Вот только возраст абитуриентов ограничивался двадцатью пятью годами.

Поступив в эту школу, Василий Филиппович сразу же стал на два года моложе. Есть данные, что Маргелов в действительности родился в 1906 году. Тогда, в 1932 году, ему было уже 26 лет. Следовательно, причина такого «омоложения» вполне объяснима.

Но всё-таки судьбе было угодно не дать Маргелову завершить обучение... Случилось непредвиденное...

Сидел как-то слушатель в учебном классе и с энтузиазмом, а может, и по отработанной привычке чистил пистолет. При этом полголоса напевал довольно распространённую шуточную курсантскую песню про первых лиц Красной Армии и героев Гражданской войны на мотив песни о Конной армии:

Сидел бы ты, Будённый, на коне верхом,
Держался с Ворошиловым за хвост вдвоём.
Сидеть вам на кобыле,
Не летать на «Либерти»,
Зануды вы, зануды, вашу мать ети.

И надо было такому случиться, в класс незаметно вошёл комиссар. Говорят, шуму было много, «разобрали» Маргелова по партийной линии, но не пожурили, а наказали, объявив выговор.

В полк он уже не вернулся, получив назначение командиром взвода в родное Минское военное училище. Состоялось оно в январе 1933 года.

Когда спустя почти полвека журналисты поинтересуются у генерала Маргелова, почему он выбрал воздушно-десантные войска, Василий Филиппович ответит не без юмора: «Когда пулемёт мне надоел, решил стать лётчиком...» И пусть это желание не осуществилось, всё же какое-то представление об этой профессии он получил. Бывает так, что в жизни могут пригодиться и не самые удачные её моменты. Как опыт...

Оказавшись в училище, в котором ещё несколько назад учился, Маргелов ещё раз подтверждает свои командирские знания, умения и навыки, постепенно превращаясь в прекрасного педагога. Уже в феврале 1934 года его назначают помощником командира роты, а в мае — командиром пулемётной роты.

Б. Костин в своей книге приводит обычный рабочий распорядок Василия Филипповича: «Огневая подготовка. Темы: «Управление огнём. Приборы управления огнём. Внутренняя и внешняя баллистика» — на каждую 3 часа, преподаватель Маргелов. Тактическая подготовка. Темы: «Пулемётный взвод в наступлении и обороне. Взаимодействие со стрелковыми подразделениями» — на каждую по 6 часов, преподаватель Маргелов. Строевая подготовка. Тема: «Парадные строи» —

старший лейтенант Маргелов. Физическая подготовка. Темы: «Упражнения на гимнастических снарядах. Трамплины и лыжи» — преподаватель Маргелов».

При этом даже ленинский уголок 4-й роты был одним из лучших в училище.

В очередной аттестации на командира 4-й курсантской роты будет указано: «Старший лейтенант Маргелов, командир пулемётной роты (Приказ НКО № 878 от 21.05.1936 г.), с должности помощника ком. роты, 1906 г.р., рабочий из крестьян, русский, закончил нормальную военную школу в 1931 году. Политически подготовлен хорошо. В партийной жизни активен. Парторг, член бюро. В училище с 1933 года. Военная подготовка хорошая. Энергичный, подвижный. Выдержанный и напористый в работе, растущий командир. Занимаемой должности вполне соответствует. Может быть выдвинут помощником комполка по строевой части».

Как всегда дружен был Василий Филиппович и со спортом: «Спортивная жизнь в столице Белоруссии с введением комплекса ГТО обрела как бы второе дыхание, — пишет Б. Костин. — И на всех соревнованиях честь училища непременно защищал Василий Маргелов. После первой пробы сил в августе 1937 года семнадцать офицеров и курсантов должны были предстать перед проверочной комиссией, приехавшей из Москвы. О результатах проверки свидетельствует заметка в газете:

«Приказом Комитета по делам физкультуры и спорта при Совнаркоме СССР от 29.08.1937 года за № 285 награждается значком ГТО 2-й степени:

1. Маргелов Василий Филиппович...»

Всего в списке было десять человек».

Осенью 1938 года капитан В. Ф. Маргелов в порядке выдвижения был назначен командиром 2-го батальона 23-го стрелкового полка 8-й стрелковой дивизии и в декабре прибыл к новому месту службы.

В аттестации, утверждённой в новой должности, говорится: «Над повышением своего политического уровня работает. С беспартийной массой связан. За короткий период завоевал авторитет среди бойцов и командиров. В своей практической работе искривлений партийной линии не имел...

Тактически развит хорошо. Технические средства борьбы знает. Стрелковое дело знает хорошо и сам хороший стрелок. Хороший методист.

Требовательный к себе и подчинённым. Обладает твёрдой волей. В проведении в жизнь принятого решения настойчив...

Физически развит, в походах вынослив. Батальоном

командует несколько дней, но быстро сколотил и мобилизовал красноармейскую массу на выполнение поставленных задач путём развития социалистического соревнования и ударничества...

Вывод: Должности командира батальона вполне соответствует. Растущий, энергичный, старательный командир.

Подлежит присвоению военного звания в очередном порядке «МАЙОР».

Но до майора нашему герою было ещё далеко, ведь «капитана» ему присвоили только недавно, всё в том же 38-м году.

Зато 1 сентября 1939 года в 11 часов дня в наркомат иностранных дел СССР явился советник германского посольства в Москве Г. Хильгер и сообщил о начале войны с Польшей. 3 сентября германское посольство получило задание министра иностранных дел И. Риббентропа прощупать намерения СССР относительно возможного вступления Красной Армии в Польшу. Однако советское правительство пока только думало...

7 сентября 1939 года И. В. Сталин всё-таки выразил своё отношение к начавшейся в Европе войне так: «война идёт между двумя группами капиталистических стран (бедные и богатые в отношении колоний, сырья и т. д.) за передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если руками Германии будет расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии). Гитлер сам этого не понимая и не желая, расстраивает, подрывает капиталистическую систему... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались. Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии. Следующий момент — подталкивать другую сторону».

При этом советский лидер охарактеризовал Польшу как фашистское государство, угнетающее другие народности, заявив: «Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше! Что плохого было бы, если в результате разгрома Польши мы распространим социалистическую систему на новые территории и население».

Поэтому уже 2 сентября на советско-польской границе был введён режим усиленной охраны в связи с германо-польской войной.

3 сентября нарком обороны СССР маршал К. Е. Ворошилов просил ЦК ВКП(б) и СНК СССР утвердить задержку увольнения красноармейцев и младших командиров на 1 месяц в войсках

Ленинградского, Московского, Калининского, Белорусского и Киевского особых и Харьковского военных округов (310 632 человека) и призыв на учебные сборы приписного состава частей ПВО в АВО, КалВО, БОВО и КОВО (26 014 человек).

4 сентября согласие правительства было получено, и Ворошилов отдал соответствующий приказ.

6 сентября, ближе к ночи, в семи военных округах была получена директива о проведении скрытой мобилизации или «Больших учебных сборов»...

В этих «сборах» приняли участие управления 22 стрелковых, 5 кавалерийских, 3 танковых корпусов, 98 стрелковых, 14 кавалерийских дивизий, 28 танковых и 3 мотострелковые бригады. Всего же было призвано 2 610 136 человек, 634 тыс. лошадей, 117 439 автомашин и 18 900 тракторов.

В преддверии кампании по освобождению западных областей Белоруссии и Украины, утерянных по условиям Брестского мира большевиками, Маргелова назначают начальником 2-го отделения штаба стрелковой дивизии, а по совместительству ещё и начальником разведки.

«7 сентября штаб дивизии был поднят по тревоге, — пишет Б. Костин. — Комдив полковник Фурсин и полковой комиссар Бурылин были вызваны к командарму 4-й армии В. И. Чуйкову. В этот же день В. Маргелов получил приказ вскрыть конверт. Распоряжение гласило: поднять войсковые части на большие учебные сборы по литеру «А», что соответствовало проведению скрытой мобилизации. Слово «мобилизация» категорически было запрещено употреблять как в устных, так и в письменных приказах, что вовсе не меняло сути процесса приведения дивизии в полную боевую готовность. [...].

10 сентября 8-я стрелковая дивизия, доукомплектовываясь, начала погрузку в эшелоны. Для переброски соединения к государственной границе их требовалось ни много ни мало 48 единиц. Сразу выяснилось, что железная дорога не способна выдержать такого напряжённого графика работы. И всё же к исходу 14 сентября части дивизии сосредоточились в районе Большая Раевка — Дубровичи — Конотоп — Пруссы. К этому времени их общая численность, которая по штатам военного времени должна была составлять 16 126 человек, достигла 15 011».

11 сентября на базе БОВО были сформированы и развёрнуты управления Белорусского фронта (командующий — командарм 2-го ранга М. П. Ковалёв). Витебская, Бобруйская и Минская армейские группы БОВО были 15 сентября 1939 г. развёрнуты соответственно в 3-ю (командующий — комкор В. И. Кузнецов), 4-

ю (командующий — комдив В. И. Чуйков) и 11-ю (командующий — комдив Н. В. Медведев) армии. «Кроме того, из управления МВО согласно приказу Генштаба от 9 сентября выделялось управление 10-й армии (командующий — комкор И. Г. Захаркин), передававшееся в состав Белорусского фронта, куда оно передислоцировалось 11–15 сентября, и в составе фронта формировалась Конно-механизированная группа (КМГ) (командующий — комкор В. И. Болдин)». (М. И. Мельтюхов. Упущенный шанс Сталина.)

В состав 4-й армии входили: 31-й батальон охраны, 8-я, 55-я, 143-я стрелковые дивизии, 29-я и 32-я танковые бригады, два батальона связи и части армейского подчинения.

К вечеру 16 сентября войска Белорусского фронта были развёрнуты в исходном районе для наступления, а 17-го в 5.00 передовые и штурмовые отряды Красной Армии и пограничных войск перешли границу...

Как сообщает М. И. Мельтюхов: «На фронте 4-й армии к исходу первого дня наступления 29-я танковая бригада заняла Барановичи и расположенный здесь же укреплённый район, который не был занят польскими войсками, а 8-я стрелковая дивизия продвинулась до Снува. К исходу 18 сентября 29-я и 32-я танковые бригады вышли на р. Щара южнее Слонима, а 8-я стрелковая дивизия прошла Барановичи. К исходу 19 сентября 29-я танковая бригада вошла в Пружаны, 32-я танковая бригада — в Миньки на шоссе Барановичи — Брест, 8-я стрелковая дивизия достигла р. Щара, а подошедшая 143-я стрелковая дивизия совершала марш южнее Барановичей. К вечеру 20 сентября 29-я танковая бригада находилась западнее Пружан, 32-я танковая бригада — в Кобрине, 8-я стрелковая дивизия — в Ружанах, 143-я стрелковая дивизия — в Ивановичах».

К слову сказать, это была самая первая война Маргелова. А всего их будет пять...

На первой войне было и первое боевое задание...

Рассказ об этом записал со слов самого Василия Филипповича автор биографической книги о нём Б. Костин:

«— Василий Филиппович, — обратился ко мне комдив. — Ни о том, какой в Ляховичах гарнизон, ни об обороне полевых сводений нет. Дерзости тебе не занимать. Бери броневик, отделение автоматчиков. Но только прошу, не лезь на рожон и действуй аккуратно. Город мы должны взять малой кровью. Задача ясна?»

— Так точно! — ответил я.

— На знакомство с группой и подготовку к выполнению боевой задачи даю один час, а затем — вперёд.

— Есть, — козырнув, ответил я.

Водитель и автоматчики были не новичками в Красной Армии, и долго объяснять им суть предстоящего не пришлось. На мой вопрос, есть ли у них какие-либо предложения или просьбы, они попросили разрешения взять побольше боеприпасов.

Убедившись в надёжности своих бойцов, я проверил, как они подготовились к выполнению боевой задачи, после чего доложил командованию о том, что через пять минут отправляемся на выполнение задания.

Получив «добро», мы двинулись в путь. Дорога была длинной. Спустя некоторое время увидели скелет сгоревшей легковушки, а через несколько километров — взорванную танкетку. Остановились, огляделись. Мост через речушку был свободен. Пролетев его на бешеной скорости, въехали на окраину. Заглушили двигатель. На улицах — ни единой души. Казалось, город знал, что скоро штурм. Жители попрятались, как перед бурей, магазины были закрыты.

Вдруг, откуда ни возьмись, к броневику подбежал мальчонка лет двенадцати.

— Вы советские? — спросил он.

— Да. А ты кто такой? — спросил я.

— Советские — значит наши. А я местный, — ответил паренёк, — зовут Янко.

— Ладно, Янко, раз ты местный, то и показывай дорогу к ратуше.

Мальчонка проворно вскарабкался на переднее сиденье, и спустя некоторое время броневик подскочил к ратуше. Поблагодарив хлопчика и пожав ему на прощание руку, я с автоматчиками направился к входу в здание, условившись с водителем о том, чтобы минут через десять он дал из пулемёта очередь в воздух.

Возле входной двери стояли два полусонных полицейских, которые, завидев нас и броневик со звездой на башне, стали изумлённо протирать глаза. Сообразив, что это не сон, они бросили оружие и пустились наутёк.

Путь в ратушу был свободен, и мы смело шагнули в здание. На первом этаже никого. На втором — тоже. На третьем путь нам преградили два польских жандарма, но направление дула автоматов поумерили их пыл. Я понимал польский и уяснил, что сейчас у бургомистра идёт совет, решавший, как и чем предстоит оборонять городок.

Связав на всякий случай перепуганных до смерти жандармов, мы ворвались в большую комнату: «Руки вверх! — громко скомандовал я. — Шановне панове! Вы арестованы.

Соппротивление бесполезно. Наши войска уже заняли все подходы к городу. Вам, полковник, советую прямо сейчас связаться со своим полком и распорядиться о сдаче частям Красной Армии».

И тут, в подтверждение моих слов, прогремела длинная пулемётная очередь. Эффект её был впечатляющим. Трясущимися руками командир полка польских жолнежей взял телефонную трубку и слово в слово повторил в неё мой ультиматум. Мы вывели из ратуши городскую голову, начальника полиции, полковника, дав ещё для острастки вверх несколько очередей, отправились в обратный путь. Город был занят нашей дивизией без единого выстрела».

Соответственно за такое образцовое выполнение боевого задания вся группа была представлена к правительственным наградам. Но этому событию помешал, как всегда, случай.

«На радостях мои друзья-сослуживцы собрались вечером в ресторане городка, уже занятого к тому времени без единого выстрела нашими войсками. Отметив мою удачу, которую боевые друзья единодушно назвали подвигом, обильными возлияниями, мы захотели потанцевать с местными панёнками, оставшимися в городке. Девушки с удовольствием танцевали с молодыми статными офицерами и с не меньшим удовольствием присаживались за наш стол выпить и закусить в весёлой компании.

Веселье наше расстроили, судя по всему, зажиточные местные граждане еврейской национальности, также находившиеся в ресторане и праздновавшие что-то.

— Вася, — сказал один из моих товарищей, — над тобой жида смеются.

Действительно, за одним из столов еврейская компания показывала на мою перевязанную щёку и легкомысленно между собой пересмеивалась.

Офицеры схватились за пистолеты, а я — за свой «маузер», который направил вверх. Выстрел прозвучал неожиданно — люстра, висевшая под потолком, разлетелась вдребезги. Насмешников как ветром сдуло. Зато почти мгновенно появились наши ребята из военной комендатуры и препроводили всех на гауптвахту, где оставили нас отдохнуть до утра на свежем сене.

Утром при разборе происшествия я взял вину на себя. Боевую награду мне не дали, но зато для моих друзей всё закончилось без последствий», — вспоминал десятилетия спустя Василий Филлипович.

За время боевых действий дивизия, в которой служил Маргелов, потеряла убитыми 9 человек и ранеными — 21. Потом был выход на демаркационную линию, определённую

договорённостью с немецким командованием. А 3 октября 1939 года восьмая стрелковая дивизия начала закрепляться на ней.

Как пишет Б. Костин: «Это были блаженные дни. Более двух недель Маргелов не снимал гимнастёрку, недосыпал и недоедал, проделав с бойцами трёхсотверстный путь. И вот теперь — жаркая баня, чистое бельё и обильное хлебосольное застолье».

Но служба продолжалась и тем более для капитана Маргелова...

Второе боевое задание было ещё более ювелирным: добыть у немцев, пока ещё «союзников», секретный противогаз. Приказ поступил в разведуправление Белорусского фронта аж из самой Москвы. Соответственно оттуда по нисходящей вниз до соединений...

Вот как об этом рассказывают сыновья Василия Филипповича со слов отца: «Поскольку времени на подготовку к выполнению задания не было и зная о том, что к немцам собираются выезжать начальник штаба и начальник особого отдела дивизии, отец, тщательно всё продумав, доложил командиру дивизии своё решение.

— Задача деликатная, для её выполнения требуется один человек, но с хорошим «прикрытием», — задумчиво сказал он. — У меня, конечно же, есть дерзкие, хорошо подготовленные разведчики, но тем не менее прошу разрешить выполнение задания мне лично. Выезжаю вместе с начальником штаба и начальником особого отдела дивизии. А там в расположении немецких войск действую по обстановке. Одновременно в своём батальоне ставлю задачу подчинённым по отработке операции.

Командир дивизии задумался, глядя в глаза капитану: «Велика ответственность», — но, не заметив ни тени сомнения, пожал руку и сказал:

— Машина будет через полчаса. Там никто помочь вам не сможет. О вашем задании начальники будут знать. Вся ответственность — на вас. Удачи, капитан. Я буду ждать вашего возвращения, но, если попадёте немцам, рассчитывайте только на себя.

Ровно через полчаса Маргелов и его спутники были в пути. По дороге разговор был общий — о предстоящих переговорах с «союзниками», но временами отец замечал короткие напряжённые сочувственные взгляды собеседников. Командир известил их о боевой задаче.

Наконец, приехали на место. Переговоры продолжались не один день, дело шло по намеченному плану. Появилась выпивка, закуска. Провозглашались тосты, о которых отец вспоминал потом, через пару лет, с горькой усмешкой. Пока «союзники»

изошрялись в красноречии, разведчик незаметно наблюдал за тем, что происходит вокруг.

Заметил, как мимо открытой из-за жары во двор двери прошли два немецких солдата с нужными ему противогазами. Притворяясь слегка пьяным и изобразив смущённую улыбку, отец попросил разрешения у начальника штаба выйти «до ветра». Присутствующие заулыбались, отпуская шутки в адрес «слабака», и позволили ему идти. Изображая нетвёрдую походку, капитан, зорко оглядываясь по сторонам, направился в сторону походного сортира, где заметил «своих» немцев. Один из них скрывался за дверьми, другой ожидал своей очереди. Отец, покачиваясь и улыбаясь, подошёл к немцу и, как бы не удержав равновесия, упал в его сторону... ножом вперёд. Срезав противогаз, он прикрываясь убитым, ввалился к его приятелю. Там быстро покончил и с ним... Трупы сбросил в отхожее место и, убедившись, что они затонули, вышел наружу.

Забрав оба противогаза, он незаметно добрался до своей машины и надёжно спрятал их. Затем вернулся к «столу переговоров» и выпил свой стакан водки. Немцы одобрительно загудели и стали предлагать шнапс. Однако наши командиры, поняв, что разведчик своё дело выполнил, стали прощаться. Вскоре они уже катили обратно.

— Ну что, капитан, добыл?

— Целых два, — похвалился отец.

— Но ты ж не забудь, что мы тебе помогали... как могли, — сказал «особист». Начальник штаба промолчал. Нарушая воцарившееся внезапно молчание, отец, закулив папиросу, сказал, обращаясь к водителю:

— Гони, боец, быстрее.

За окнами машины быстро проносились деревья, впереди — речушка. Машина въезжает на мост и... вдруг взрывает.

Что ж война есть война! Машина, в которой ехали советские командиры, подорвалась на mine. А это значит — засада! Тут же из леса показались фигуры всадников, стреляющих на ходу и приближающихся к машине... Капитан Маргелов, «превозмогая боль, пристыковал пистолет Маузер к деревянной кобуре и стал отстреливаться. Вот он сбил первого всадника, затем — следующего... Кровь заливала глаза, мешая вести прицельную стрельбу. И тут немцы, услышав стрельбу, пришли на помощь. Отбив атаку, они взяли русского капитана с собой, отвезли его в госпиталь, где немецкий хирург прооперировал ему переносицу. Шрам же на левой щеке остался памятью о тех днях на всю жизнь...»

Судьба словно хранила Василия Филлиповича для будущих

дел, ведь в этот раз, кроме него, погибли все: и шофёр, и начальник штаба, и «особист»!

А тем временем вовсю шла подготовка к войне с Финляндией. В конечном итоге 17 ноября 1939 года Генеральный штаб РККА отдал директиву за номером 0205/Оп о переходе в наступление против финских войск...

Следующая директива, № 4715, отданная Военным советом Ленинградского военного округа 21 ноября, указывала день и час наступления.

О начале войны возвестят залпы артиллерийской подготовки в 8 часов утра 30 ноября 1939 года, чтобы через час после её окончания войска 7-й армии пересекли границу на Карельском перешейке. В наступление перейдут также 8-я, 9-я и 14-я армии. Но пока никто ещё не будет знать, что эта, наскоро подготовленная, война примет затяжной характер. Она будто специально круто повернёт судьбу Маргелова, ибо там, на заснеженных просторах, понадобится много опытных лыжников.

Капитан Маргелов назначен командиром Отдельного разведывательного лыжного батальона 596-го стрелкового полка 122-й стрелковой дивизии.

«30 ноября в 8.00 утра передовые лыжные отряды перешли финскую границу. Встретило их злобное завывание вьюги, бездорожье и редкие автоматные очереди, которые жалили лыжников, словно осы, — читаем в книге Б. Костина «Маргелов». — 596-му стрелковому полку при поддержке 285-го артполка предстояло овладеть местечком Юликуртти — Алакуртти и в дальнейшем наступать в направлении реки Куалаикки, перейти её и занять городок Кайрала.

Тактика финнов такова: мелкие группы внезапно вылетают на лыжах из леса, ведут огонь из автоматов и пулемётов и так же внезапно исчезают. Погоня напрасна. Попытались разведчики догнать нападавших — угодили в засаду.

Вечером капитан Маргелов с отрядом ворвался в Юликуртти. Стычка была короткой, но когда городок оказался в руках разведбата, в нём не осталось ни одного целого дома. Спалив их дотла, жители бросили всё, бежав от «зверств кровожадных оккупантов». Такими финская пропаганда рисовала бойцов и командиров РККА. Но вот и первый пленный. Достался он маргеловцам в бою и, дрожа от страха, поведал не слишком многое. [...].

В одном из боевых донесений командира 596-го полка говорится: «Разведка ведётся непрерывно. 2-й батальон выполняет особую задачу». В разведывательной роте, которой командовал лейтенант Петров, вместо 80 человек к этому времени в строю

находилось 42 бойца. Маргеловские лыжники выходили в дозоры на пределе сил — без них бы полк не продвинулся и на километр.

Между тем вся 122-я дивизия, к слову, не имевшая ни одного танка, едва ли не ползла по единственной проходимой дороге. Для вездесущих шюцкоровцев, которые совершали рейды по тылам, дезорганизуя снабжение войск, — благодатная нажива.

Заняв Алакуртти, передовой отряд полка тронулся в путь. Преградил его сильный огонь. В том, что финны засели в прочных укреплениях, Маргелов сомнения не имел, как не сомневался он и в том, что противник уготовил огневую ловушку для главных сил. Риск был велик (связь комполка осуществлялась только посыльными), к тому же финны оказались предусмотрительными и вырубили напрочь лес у себя в тылу — обход был бесполезен. Однако Маргелов принял решение на разведку боем.

Поставив задачу командирам рот, комбат вместе с начальником штаба выбрали позицию, с которой стали наблюдать за ходом боя. Первая, а затем и вторая атаки батальона были отбиты. По разведчикам били миномёты, несколько раз ухнули пушки. Укрепрайон ожил и тем самым раскрыл себя. А тут ребята Петрова, разведчики-ползуны, приволокли пленного.

На следующий день полк, поддержанный артиллерией, шёл в атаку не вслепую. И всё же бой был упорным и продолжался почти двое суток. Исход его решил подошедший 273-й полк с гаубичным дивизионом».

В своём достаточно аргументированном исследовании Советско-Финляндской войны профессиональный историк П. Аптекарь подчёркивает: «Основная же масса финских войск, входивших в армию «Карельский перешеек», с самого начала войны заняли позиции на главной полосе сопротивления — «линии Маннергейма», которая располагалась значительно дальше, чем предполагали разведчики штаба Ленинградского ВО. Уже эти первые бои с противником, значительно уступавшим и в численности, и в вооружении, ясно показали большинство недостатков в организации войск и боевой подготовке наших бойцов и командиров. Ввиду скверного использования лыж (неумения ходить на них), а зачастую и их отсутствия части и подразделения Красной Армии вовсе не применяли обходных маневров и атаковали финнов в лоб, что вело к излишним потерям. Плохо была поставлена служба разведки и боевого охранения, что позволяло финским разведывательно-диверсионным группам довольно вольготно чувствовать себя в тылу 7-й армии.

Документы говорят также о плохом взаимодействии родов войск: пехота не умела идти за танками, встретив даже слабый

заградительный огонь противника, стрелки залегали и предоставляли решение исхода боя танкистам. Известен случай, когда командир танковой роты 20-й танковой бригады даже возвратился под огнём противника к подразделениям стрелков и попытался уговорить их пойти за танками, но пехотинцы не сделали этого. Лишь в 70-й сд пехота шла за боевыми машинами и закрепляла их успех. Танкисты не всегда грамотно увязывали свои действия с артиллеристами, которые не всегда вовремя поддерживали их наступательный порыв подавлением огневых точек противника. В первые дни боёв нередко были и случаи артобстрела своих передовых стрелковых подразделений. Часто артиллеристы, не имея достоверных разведывательных данных, вынуждены были выбрасывать тонны боеприпасов по площадям, а пехота после артиллерийской подготовки натывалась на огонь неподдавленных пулемётов и миномётов».

Так и воевали...

Солдат и непосредственный участник той войны А. Деревенец вспоминая её, напишет: «Схватка и правда была жестокой, ухватки не было. Было тупое исполнение тупых приказов тупых военачальников и тупых стратегов.

В своих воспоминаниях один из офицеров в период «оттепели», когда можно было сказать правду, писал о своём разговоре с маршалом Малиновским.

— Какова наша стратегия? — спрашивал офицер маршала.

— Какая стратегия? Прогрызай оборону противника — вот и вся стратегия, — ответил маршал.

И наша пехота прогрызала оборонительные линии предполья и железобетонные доты линии Маннергейма, устилая свой путь трупами в лобовых атаках. За просчёты мудрых политиков и стратегов армия и народ заплатили кровью».

Но вернёмся к рассказу Б. Костина.

«На Кандалакшское направление, которое считалось не менее важным, чем линия Маннергейма, был переброшен шведский экспедиционный корпус. Спротивление противника нарастало. Об этом говорят и выдержки из боевых донесений:

«8 декабря противник сжёг Куомиярви. Жаркий двухчасовой бой. Засады».

«9 декабря. Вылазки в тылу».

«15, 16, 17 декабря. Противник отбил все атаки наших частей».

«23 декабря. Полк начал отход. Противник, активно действуя на флангах и тылах, нападал на обозы и портил линии связи.

«25 декабря. В налёте на штаб и тылы дивизии принимал участие 1-й Сальский батальон».

Проникнувшие в тыл финны не гнушались ничем и вырезали до последнего человека весь медсанбат, не пощадив ни раненых, ни медсестёр. Трудно представить, какие чувства испытывали комдив Шевченко и комиссар Лисицын, глядя на гору трупов, застывших в страшных предсмертных позах. Увиденное вызвало к возмездию. Приказ командира дивизии Маргелову был коротким:

— Действуй, капитан.

Прежде чем отправиться в рейд, Маргелов построил лыжников и без слов повёл к медсанбату, подвергнувшемуся нападению извергов. Картина, представшая перед глазами, была ужасающей, кровь стыла в жилах. Поиск привёл разведчиков в глубокий тыл 4-го армейского корпуса финнов. Под ударами штыков и ножей пал весь банно-прачечный отряд, беззаботно отдыхающий после дневных трудов. Разведчики разбросали листовки: «Мсть сальцам за русский медсанбат». Откровенно говоря, не любил В. Ф. Маргелов вспоминать о войне с Финляндией. Всё на ней шло как-то не так, не по привычной логике, и порой трудно было определить, где передний край, где фланги, где тыл. Приноровиться к такой обстановке мог лишь тот командир, который имел особое чутьё, мгновенную реакцию и, конечно, отменные физические данные. Отмахать сотню вёрст по тылам врага незамеченным и вернуться с отрядом в полном составе удавалось немногим.

Зато в ходе последующей кампании попыток нападения на медицинские учреждения советских войск отмечено не было.

К слову сказать, в батальоне Маргелова служили и воевали выпускники спортивных институтов из Ленинграда и Москвы имени Лесгафта и имени Сталина, отличные спортсмены-лыжники. Именно они совершали дерзкие рейды по тылам противника, устраивали засады, нанося противнику большой урон.

Об одном из таких рейдов батальона рассказывают сыновья В. Ф. Маргелова: «Однажды, углубившись на финскую территорию километров на десять, бойцы обнаружили свежую лыжную противника. «Устроим засаду», — объявил своё решение командир батальона: «Первая рота — направо, вторая — налево, третья рота проходит на двести метров вперёд и отрезает противнику путь к отступлению. Взять в плен несколько человек, желательно офицеров», — отдал он боевой приказ.

Возвращавшиеся по своей лыжне вражеские лыжники не заметили наших замаскировавшихся бойцов и попали под их шквальный огонь. В ходе короткого и яростного боя комбат успел разглядеть, что у некоторых солдат и офицеров странная форма, непохожая на финскую. Никто из наших бойцов не мог даже

подумать, что здесь возможна встреча с солдатами нейтральной страны. «Раз не в нашей форме и вместе с финнами, значит — противник», — решил командир и приказал взять в плен, в первую очередь, врагов, одетых в эту странную форму. Были, к сожалению, и убитые с нашей стороны. Доставить их через линию фронта в расположение наших войск делом было весьма сложным. Мало того что пленных надо было тащить буквально на себе, нельзя было при этом допустить, чтобы они замёрзли. При стоявших тогда суровых морозах в условиях неподвижности или даже малоподвижности, например в случае тяжёлого ранения, смерть наступала очень быстро. Линию фронта удалось преодолеть без потерь. В ходе боя 6 человек были взяты в плен, но не финны, а... шведы. Их сразу отправили в Москву.

Но это было позже. Когда же добрались до своих, комбат опять получил «на всю катушку». Опять НКВД, опять допросы. В ходе допросов Василий Филлипович и узнал, кого он взял в плен — шведских офицеров, изучавших возможность участия в войне на стороне Финляндии шведского Экспедиционного добровольческого корпуса, уже прибывшего в конце января — начале февраля на Кандалакшское направление. Приписали тогда комбату что-то вроде политической близорукости, мол, «нейтралов» не распознал, не тех в плен взял, припомнили оставление своих убитых на поле боя, в общем, не избежать бы ему скорого военно-полевого суда и, скорее всего — расстрела, да командующий армией взял храброго командира под защиту.

В очередной раз оставшись без боевой награды, Маргелов, судя по всему, не расстроился.

— Зато Швеция осталась нейтральной, — частенько будет шутить Василий Филиппович.

Война с Финляндией была для него своего рода табу. Слишком много там было неоправданных потерь...

Но несмотря на эти трагические ноты, комбат лыжного разведбата огромное внимание уделял экипировке своих бойцов в ходе подготовки к очередному рейду во вражеский тыл. Он обращал внимание на все мелочи, считая это основой успеха в бою. И, конечно же, берёг своих подчинённых...

Кстати сказать, вот что пишет историк П. Аптекарь о состоянии 122-й стрелковой дивизии, в которой воевал батальон Маргелова: «122-я стрелковая дивизия до «Больших учебных сборов» в сокращённом составе дислоцировалась в Белорусском Особом ВО. Она приняла участие в «Освободительном походе» в Западную Белоруссию, а в октябре 1939 года была переброшена в район Кандалакши. Две трети личного состава поступили из военных комиссариатов Витебской и Могилёвской областей. Но,

судя по дальнейшему ходу боевых действий, командованию дивизии удалось создать боеспособное соединение, значительная часть которого овладела искусством боевых действий на лыжах. Поэтому при контрударе противника в районе Сала дивизия не поддавалась панике, как это случилось с 44-й и 163-й дивизиями». Весомый аргумент!

И тем не менее каждый день этой войны обходился Советскому Союзу в 1200 убитых бойцов и командиров, 6 сбитых самолётов и 23 подбитых танка...

Только 12 марта 1940 года был подписан мирный договор, а 13-го марта военные действия были прекращены.

Буквально через семь дней капитану Маргелову присвоят очередное звание «майор» (21-го) и назначат на должность помощника командира 596-го стрелкового полка...

Глава 3

Командир дисбата и создание ВДВ...

В октябре 1940 года майора Маргелова назначают командиром 15-го отдельного дисциплинарного батальона. Это новый поворот судьбы и совершенно новый опыт. Такое складывается впечатление, что сама жизнь постепенно и ненавязчиво вела его в воздушно-десантные войска...

«Решением военного совета Ленинградского военного округа Муравьёвские казармы были признаны самым подходящим местом для размещения в них 15-го отдельного дисциплинарного батальона, — утверждает Б. Костин. — Командовать им был назначен майор Маргелов. Такой выбор нельзя назвать случайным. Во-первых, это было повышение по службе, а во-вторых, дисциплинарная часть находилась не только под пристальным вниманием командования и политуправления округа, но и военной прокуратуры и, конечно, НКВД. И только офицер с незапятнанной репутацией, пользовавшийся безусловным авторитетом у начальства, мог быть назначен на должность. Дисбат этот хотя и носил порядковый номер пятнадцать, но был, по сути, первым в Красной Армии. Майору Маргелову предоставлялось право отбора офицеров, только должность заместителя командира батальона по политической части находилась в ведении политуправления округа».

К слову сказать, дисциплинарный батальон — это особая воинская часть. Согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1940 года в дисциплинарный батальон направлялись военнослужащие рядового и младшего начальствующего состава, осуждённые военным трибуналом к лишению свободы на срок от шести месяцев до двух лет за самовольные отлучки.

О том, как Маргелов принимал этот дисциплинарный батальон, сам он рассказывал своим сыновьям следующее: «Отец вспоминал, как он принимал батальон. Прибыл он в его расположение с тремя офицерами, своими заместителями. Никто их не встречал. Остановил он одного бойца и спрашивает, где командование батальона. Тот как-то странно дёрнулся и указал на стоявший невдалеке блиндаж. Майор Маргелов приказал офицерам ждать его у входа, а сам смело шагнул внутрь. Он, конечно же, знал, что фактически заправляет батальоном какой-то уголовник, дисциплина в батальоне отсутствует напрочь, никакой боевой подготовки. В общем — сплошная анархия. При

этом в батальоне было немало боевых офицеров, в том числе старших, а также младших командиров и солдат, попавших под влияние бывших уголовников, пытавшихся установить в дисбате свои порядки, основанные на законах преступного мира.

Войдя в блиндаж, Маргелов увидел здорового верзилу и с ним нескольких человек, сидевших за столом, уставленным бутылками с самогоном и закуской.

— Чего тебе? — спросил недовольно «вожачок».

— Я новый командир батальона, — ответил отец.

В ответ он услышал непотребную брань, обозначающую пожелание убираться скорее подобру-поздорову в известном направлении. Удар тяжёлого отцовского кулака в ухо «вожачку», сразу вернул последнему память — кто он, где он и за что. Тот пулей вылетел из блиндажа и заорал:

— Братва, стройся! Новый командир прибыл!

После знакомства с личным составом батальона майор перед строем призвал своих новых подчинённых оправдать оказанное им доверие кровью, а если потребуется — жизнью, доказать свою преданность Родине. В конце он добавил, что в случае «бузы» пощады не будет».

Сложность командования таким батальоном заключалась не только в его особом контингенте, но и в особой численности. В дисбате Маргелова насчитывалось 2500 человек, что можно было приравнять лишь к стрелковому полку. Основной упор в части делался, безусловно, на воспитательную работу. Хотя и боевую подготовку никто не отменял. Пришлось Василию Филипповичу даже засесть за труды А.С. Макаренко. Вполне вероятно, что какие-то принципы этого советского первопроходца-воспитателя сформировали взгляды комбата.

«— Бойцы, — часто говорил Маргелов. — Пусть вам сегодня тяжело морально и физически, но в боях вы сможете показать, что вы настоящие воины. На вашей стороне будет умение побеждать и ненависть к врагу. И скоро вы снова займёте своё достойное место в жизни, я в это верю и сделаю всё от меня зависящее, чтобы помочь вам в этом!»

«Напряжённый служебный ритм Маргелова отражает книга приказов, — раскрывает специфику новой службы Василия Филипповича Б. Костин. — По частым его командировкам в Ленинград можно судить, с каким повышенным интересом в штабе ЛВО относились к нововведению. Характерно одно из донесений, подписанных Маргеловым: «Добиться полного исправления осуждённого дело чести ОДБ, вернуть его в свою часть, полностью заглотив вину перед родиной честной работой».

Сухие строчки, конечно, не передают сложной атмосферы, в

которой проходили будни дисбата. По прибытии новой группы все личные вещи, деньги и облигации складывались в индивидуальный чемодан. Пропажа, а тем более кража чего-либо из небогатого красноармейского скарба приравнялись к ЧП. «Вплоть до отдачи под суд», — гласил приказ Маргелова. Это в том случае, если неблагоприятный поступок совершался кем-либо из постоянного состава. Если на добро товарища по несчастью покушался отбывавший наказание, срок пребывания в дисбате увеличивался вдвое.

В оружейной комнате — идеальный порядок: ровные ряды винтовок, вещмешки, противогазы. Маргелов, имевший за плечами две войны, планировал время таким образом, чтобы хозяйственные работы никоим образом не доминировали в распорядке дня. Тактические учения, марш-броски на лыжах, действия в ночных условиях и стрельбы — вот далеко не полный перечень боевых предметов, без получения положительной оценки по которым немислим был перевод из «разряда проштрафившихся» в «разряд исправляющихся».

Прекрасно зная все статьи дисциплинарного устава, Василий Филиппович не только осуждал вольное обращение с ним, но порой весьма жестоко пресекал эти попытки.

«Однажды ему стало известно, что младший политрук Н.А. Корниенко избил красноармейца Симонтабова, при этом выхватил пистолет и выстрелил вверх. Другой политрук, И. Ф. Ромашко, вмешался в происходившее и добавил несколько тумачков насмерть испуганному дисбатовцу. Их действия комбат посчитал необоснованными и потребовал обсуждения политруков на партсобрании. Даже сухие строчки протокола собрания передают эмоциональный накал выступления Маргелова: «Я считаю, что этот выстрел был сделан не случайно, а с тем, чтобы запугать красноармейца. Наша Красная Армия воспитывается в духе сознательности, а не на мордобитии».

А поскольку таким делом занимаются политруки, то, без сомнения, на них глядя, и другим захочется испробовать силу в качестве такой методы. У меня такие сведения есть». Маргелов настоял на исключении ретивых политработников из партии. Лишённые партийных билетов, они продолжали службу, но уже командирами взводов». (Б. Костин. Маргелов.)

В воскресный солнечный день 22 июня 1941 года к командиру батальона, который находился до полудня на купальне, прибежал вестовой и передал записку. В ней было написано только одно слово: «Война!», но Маргелов понял гораздо больше...

Между тем труды Василия Филипповича не прошли даром.

Сам он неоднократно будет рассказывать, как «однажды во время артобстрела он вышел на открытое место — и тут его сбивают с ног и закрывают своими телами трое его бойцов — как бы осколок в Батю не попал!» Это и была та самая высшая благодарность за его честную службу...

* * *

Теперь уже можно смело сказать, что служба Маргелова в пехоте шла практически одновременно с рождением и развитием советских воздушно-десантных войск. Только он сам тогда ещё не знал и не мог думать об этом. Но, сопоставляя факты его биографии, невольно возникает именно такое ощущение... Воздушно-десантные войска шли словно за его спиной, то приближаясь, то удаляясь на расстояние, чтобы однажды столкнуться лицом к лицу, соединившись навсегда.

Мистика? Может быть и так. Но ничего случайного в нашей жизни не бывает...

Как известно, день воздушно-десантных войск был установлен 2 августа, в честь первого парашютного десанта. 2 августа 1930 года, во время учений Московского военного округа под Воронежем, с самолёта «Фарман-Голиаф» ВВС РККА был сброшен десант под командованием комбрига Леонида Минова.

Он же считается первым парашютистом Красной Армии. Как пишет Ю. Ненахов: «По заданию тогдашнего начальника ВВС РККА П. И. Баранова в 1929 году в составе Амторга (советской торговой делегации в США, занимавшейся, в частности, закупкой парашютов для нужд военной авиации) он побывал в Америке и совершил там три прыжка с парашютом (по сути, не имея специальной подготовки). Во время пребывания комбрига в Буффало, где находился завод компании «Irvin», изготавливавшей парашюты и снаряжение для военных лётчиков, ведущий представитель фирмы Форд (Ford) предложил ему самому опробовать качество предлагаемого товара, что Минов и сделал.

Пережитые ощущения настолько захватили его, что по прибытии в СССР комбриг развернул активную деятельность по пропаганде парашютного дела, в том числе неоднократно совершив показательные прыжки».

Леонид Григорьевич Минов (1898–1978) — советский лётчик, планерист и парашютист.

В 1916 году ушёл добровольцем на фронт, воевал в полковой разведке. С 1920 года в авиации. Окончил: школу лётчиков-наблюдателей в Москве (1920), военную школу лётчиков в

Зарайске (1921) и высшую школу военных лётчиков в Москве (1923). Был инструктором, начальником лётной части 1-й московской высшей школы красных военлётов. Занимался изучением методики слепого полёта, в процессе чего были разработаны кабины для слепых полётов и тренажное кресло для наземных тренировок.

Около двух лет проработал в торгпредстве СССР во Франции, где исполнял функции авиационного атташе.

В 1928 году на совещании руководящего состава ВВС РККА выступил за обеспечение всего лётного состава парашютами, после чего в 1929 году был командирован в США для ознакомления со спасательной службой авиации. 13 июля 1929 года совершил свой первый прыжок в Буффало. Второй прыжок совершил на Калифорнийских соревнованиях парашютистов, где занял 3-е место, приземлившись в 35 метрах от центра круга. После выполнения третьего прыжка получил диплом парашютиста.

«26 июля 1930 года участники сборов ВВС Московского военного округа собрались на воронежском аэродроме, — рассказывает Ж. Чайкина. — Л. Минову предстояло выполнить показательный прыжок перед лётным составом авиабригады. «Мой прыжок действительно удался. Приземлился легко, недалеко от зрителей, даже на ногах устоял. Встретили аплодисменты. Откуда-то взявшаяся девушка вручила букет полевых ромашек», — вспоминал позднее Минов. Прыжок 26 июля стал первым учебно-тренировочным прыжком с парашютом в СССР. Якову Мошновскому не повезло — его парашют снесло на строящееся здание — снимать пришлось с помощью пожарной лестницы. Эта неудача не отразилась на настроениях участников сборов. Многие лётчики, видя инструкторов целыми и невредимыми, тоже изъявили желание прыгнуть. Всего с двухмоторного самолёта «Фарман-Голиаф» было выполнено 59 тренировочных и показательных прыжков. Во время проведения сборов снимался документальный учебный фильм «Парашют», ставший надолго наглядным учебным пособием при подготовке парашютистов».

Об успешных прыжках доложили начальнику ВВС РККА П. И. Баранову «и тут же получили новое задание: за два-три дня подготовить десять — пятнадцать человек для группового прыжка. «Было бы очень хорошо, если бы оказалось возможным по ходу воронежского учения продемонстрировать выброску группы вооружённых парашютистов для диверсионных действий на территории противника», — прокомментировал своё задание Баранов.

Леонид Григорьевич Минов и Яков Давидович Мошковский с энтузиазмом восприняли предложение начальника ВВС. Из числа наиболее опытных курсантов, уже совершивших тренировочные прыжки, они отобрали десять добровольцев. В их число вошли Мухин, Филиппов, Пойдус, Фрейман, Черкашин, Кухаренко, Захаров, Коваленков, Поваляев.

Высадку десанта решено было произвести с самолёта «Фарман-Голиаф». В те дни он был единственным самолётом, освоённым для прыжков. Его преимущество перед имевшимися в авиабригаде бомбардировщиками ТБ-1 заключалось в том, что десантникам не требовалось вылезать на крыло — парашютисты выпрыгивали непосредственно в открытую дверь. При этом курсанты находились в кабине все вместе, что имело немаловажное психологическое значение для новичков.

Так как грузоподъёмность самолёта «Фарман-Голиаф» не позволяла брать на борт более семи человек, было принято решение произвести десантирование в два этапа, для чего группа была разбита на две подгруппы, одну из которых возглавил Минов, вторую группу возглавил Яков Мошковский. Длинноствольное оружие и боеприпасы было решено выбросить с трёх самолётов Р-1 на грузовых парашютах.

Подготовку к десантной операции закончили 31 июля. Каждый боец знал своё место в самолёте и свою задачу на земле. Снаряжение десантников, состоящее из основного и запасного парашютов, было уложено и тщательно подогнано по фигуре бойца, оружие и боеприпасы упакованы в подвесные мешки и коробка грузовых парашютов.

2 августа 1930 года в 9 часов утра самолёт «Фарман-Голиаф» под управлением лётчика Громова поднялся в воздух. На борту самолёта находилась первая группа десантников во главе с Миновым, а также Мошковский, вылетевший с целью уточнения места выброски десанта. В качестве места высадки было выбрано свободное от посевов поле размером 600 на 800 метров вблизи хутора Ключково, в двух километрах от Воронежа. Первая группа была десантирована с высоты 350 метров. Вся группа покинула борт в течение пяти секунд. Самолёт развернулся и лёг на обратный курс. Тем временем над площадкой на высоте 150 м. прошла тройка самолётов Р-1 и сбросила два мягких почтовых мешка и четыре полутяжёлых коробка конструкции Н. П. Благина, в которых находились винтовки и два ручных пулемёта, снаряжение и боеприпасы, необходимые для выполнения боевой задачи. Подбежав к ним, парашютисты приступили к распаковке грузовых мешков.

Вернувшийся на аэродром «Фарман-Голиаф» забрал

остальных участников десанта, и через несколько минут с высоты 500 метров выбросил вторую группу над площадкой десантирования. Приземление второй группы произошло в непосредственной близости от того места, где в это время находилась первая группа. Ещё через несколько минут оба подразделения собрались вместе, привели оружие в боевую готовность и выдвинулись в исходный район для выполнения боевой задачи. В исходном районе их ждал грузовик, который доставил парашютистов на аэродром. Задача первого воздушного десанта была выполнена». (А. Савченко. Первый воздушный десант.)

Следует отметить, что, несмотря на свои заслуги (мастер парашютного спорта — 1934 г. знак № 1, мастер советского планеризма — 1934), комбриг А. Г. Минов был репрессирован в 1940 году. В лагерях он провёл целых 7 лет, а затем ещё 7 лет в ссылке.

После возвращения он около 15 лет возглавлял Федерацию авиационного спорта Москвы.

А проведённый 2 августа 1930 года при его участии и под его руководством эксперимент доказал возможность парашютного десантирования вооружённого личного состава. Также была проверена техника выброски людей и грузов, определены величина рассеивания группы парашютистов в зависимости от высоты выброски, время сбора парашютистов и груза и время, необходимое для приведения группы в боевую готовность.

А. Савченко констатирует: «Выработанные правила и методические рекомендации по производству парашютных прыжков были опубликованы в 1930 году в «Бюллетене научно-технического комитета управления ВВС РККА» и в журнале «Вестник воздушного флота». Во время проведения сборов был снят документальный фильм — «Парашют». Этот фильм стал наглядным учебным пособием для подготовки парашютистов на многие годы. Собственно, само задание и работа по его исполнению положили практическое начало воздушно-десантному делу в нашей стране».

Сам по себе эксперимент позволил военным теоретикам увидеть перспективу преимущества парашютно-десантных частей, их огромные возможности, связанные с охватом противника по воздуху.

В связи с этим Реввоенсовет СССР одной из задач на 1931 год определял: «...воздушные десантные операции должны быть всесторонне изучены с технической и тактической сторон Штабом РККА с целью разработки и рассылки соответствующих указаний на места».

Первым же подразделением ВДВ стал сформированный в 1931 году на основании директивы от 18 марта 1931 года авиационный моторизованный десантный отряд в 11-й стрелковой дивизии Ленинградского военного округа и предназначался для исследования вопросов оперативно-тактического применения и наиболее выгодных организационных форм авиационных десантных (воздушно-десантных) подразделений, частей и соединений.

Отряд насчитывал 164 человека в составе: одной стрелковой роты (взводов связи, сапёрного и лёгких машин); тяжёлой бомбардировочной авиаэскадрильи (в составе 12 самолётов ТБ-1) и одного корпусного авиаотряда (в составе 10 самолётов Р-5).

На вооружении отряд имел: две 76-мм динамо-реактивные пушки (ДРП); две танкетки — Т-27; 4 гранатомёта; 3 лёгкие бронемшины; 14 ручных и 4 станковых пулемёта; 10 грузовых и 16 легковых автомобилей; 4 мотоцикла и один самокат.

Вскоре его численность была увеличена до 480 человек при 18 самолётах.

11 декабря 1932 года РВС СССР принял очередное постановление, в котором подчеркнул, что развитие авиационной техники, а также результаты, достигнутые в конструировании и сбрасывании с самолётов бойцов, грузов и боевых машин, требуют организации новых боевых подразделений и соединений РККА. Теперь на базе всё того же авиадесантного отряда ЛВО создавалась воздушно-десантная бригада, которая должна была готовить обученных инструкторов по воздушно-десантной подготовке, а также отрабатывать оперативно-тактические нормативы действий парашютистов.

Штат совершенно новой «Авиадесантной бригады» включал:

Управление — 49 (50); рота связи — 56 (46); музыкантский взвод — 11 (11); три воздушно-десантных батальона — 521 (381); школа младшего командного состава — 0 (115); обслуживания — 144 (135).

Всего в бригаде: 1823 (1500). Личный состав: командный — 107 (118); начальствующий — 69 (60); младший командный и начальствующий — 330 (264); рядовой — 1317 (1058).

Материальная часть бригады по штату включала:

45 мм пушка ПТО — 18 (19); ручные пулемёты — 90 (69); радиостанции — 20 (20); автоматические карабины — 1286 (1005); лёгкие миномёты — 27 (20); легковые автомобили — 6 (6); грузовые автомобили — 63 (51); специальные автомобили — 14 (14); автомобили «Пикап» — 9 (8); мотоциклы — 31 (31); тракторы ЧТЗ — 2 (2); тракторные прицепы — 4 (4).

К марту 1933 года предполагалось сформировать по одному

авиадесантному отряду в четырёх военных округах, которые были переименованы в авиационные батальоны особого назначения (БОН). Так 1-й БОН был сформирован в Приволжском ВО, 2-й в Белорусском, 3-й в Украинском и 4-й в Московском.

Теперь начинается резкий рост численности ВДВ. Если в 1934 году в маневрах Красной Армии приняли участие 600 парашютистов, то на знаменитых маневрах Киевского военного округа в присутствии иностранных военных представителей был сброшен воздушный десант из 1200 парашютистов. Захватив район высадки, они быстро подготовили посадочные площадки, на которые были приняты самолёты, доставившие ещё 2500 солдат с боевой техникой. Как пишет Ю. Ненахов: «Учения Киевского округа, проведённые 12–17 сентября 1935 года в районе Бердичева, Сквиры и Киева и получившие название больших Киевских маневров, были направлены на отработку основных положений теории «глубокой операции» и привлекли к себе внимание военных специалистов всего мира (на них присутствовали наблюдатели из Франции, Италии и Чехословакии). Помимо всего прочего, на учениях впервые в мировой практике была проведена выброска крупного парашютного десанта — бомбардировщики ТБ-3 десантировали в тыл «противника» парашютно-десантный полк (1188 человек) и после захвата площадок высадили посадочным способом два стрелковых полка (без одного батальона) с частью тяжёлого вооружения: станковыми пулемётами, плавающими танками Т-37, орудиями и автомобилями — всего 2500 человек. Приобретённый под Киевом опыт был развит во время сентябрьских маневров Белорусского округа в 1936 году. На них была осуществлена выброска 1800 парашютистов и высажено посадочным способом 5700 бойцов и командиров».

«Парашютно-десантные части являются действенным средством для дезорганизации управления и работы тыла противника. Во взаимодействии с войсками, наступающими с фронта, парашютно-десантные части могут оказать решающее влияние на полный разгром противника на данном направлении», — так определял роль и место воздушно-десантных войск в современной войне полевой устав РККА 1936 года издания.

В этом же году было принято решение сформировать на базе отдельных батальонов авиационные бригады особого назначения. Так в Белорусском и Киевском военных округах создавались по одной бригаде. На Дальнем Востоке формировали три авиационных полка особого назначения. Все они были преобразованы в воздушно-десантные бригады в 1938 году.

Таким образом, основной тактической единицей воздушно-десантных войск стала воздушно-десантная бригада. Число их пока ещё достигало шести (201-я, 202-я, 204-я, 211-я, 212-я, 214-я). Каждая такая бригада состояла из четырёх воздушно-десантных батальонов (по 700 человек каждый). Общая численность бригады равнялась 4000 человек.

Основной проблемой советских ВДВ того периода было отсутствие подходящего транспортного самолёта. По этому поводу В. Гончаров пишет: «Единственной машиной, способной нести парашютистов, являлся тяжёлый бомбардировщик ТБ-3 — в штатном варианте он поднимал 16 пехотинцев с оружием, специально переоборудованный транспортный вариант мог брать на борт 32 десантника. На внешней подвеске самолёт мог транспортировать боевую технику весом до 3 тонн — артиллерийское орудие, мотоцикл с коляской, автомобиль, лёгкий броневомобиль Д-8 или даже танкетку Т-27. Однако выброска тяжёлой техники с парашютом в то время представляла серьёзную проблему, поэтому танкетки, артиллерия и автомобили разгружались посадочным способом, хотя во второй половине 30-х годов проводились эксперименты по сбрасыванию лёгких плавающих танков Т-37А в воду с минимальной высоты.

Но самолётов ТБ-3 и более старых двухмоторных ТБ-1 в стране имелось не так много, а их транспортные модификации и без того напряжённо использовались в народном хозяйстве... Прочие же пассажирские и транспортные машины либо выпускались в минимальном количестве, либо вообще остались в опытных экземплярах. Поэтому параллельно велись поиски «альтернативных» средств транспортировки десантников. К примеру, авиаконструктор и известный изобретатель Гроховский предложил использовать фанерные ящики-«кассеты», разделённые на узкие длинные отсеки, в которых парашютисты располагались лёжа по несколько человек. Такие кассеты должны были подвешиваться под самолёт Р-5. Однако если для тренировки парашютистов подобное средство ещё как-то годилось, то транспортировка на большое расстояние вооружённых и экипированных десантников была весьма сомнительным мероприятием. В результате в боевых условиях советские воздушно-десантные части использовались в основном как наземные соединения, таким образом превратившись в род элитных войск...»

Один из первых десантников, генерал-лейтенант И. И. Лисов, об особенностях прыжков десантников тридцатых годов вспоминал: «Свой первый прыжок с парашютом я совершил летом 1934 года в Белорусском военном округе при подготовке к

осенним учениям. В то время я командовал легкопулемётным парашютным отрядом. По сравнению с тогдашними пулемётами (ДП) современные значительно легче и короче. Судите сами: пулемётчик ростом в 160–180 см считался «мучеником» — у такого солдата, когда он надевал пулемёт на плечо и готовился к прыжку, дульная часть ствола упиралась в землю, и он вечно цеплялся им за различные выступы в самолёте. Но главное было не в этом. У винтовок и пулемётов выпуска 30-х годов дульная часть далеко отходила в воздухе от тела человека и всегда могла служить причиной зацепки строп или кромки купола при раскрытии парашюта. Отделяться от самолёта нужно было очень аккуратно.

Несмотря на то, что ростом меня «бог не обидел», и я «поймал» стволом пулемёта кромку парашюта и вот при каких обстоятельствах.

В тридцатых годах у нас ещё не было специального десантного снаряжения, винтовки и ручные пулемёты крепились на парашютисте обычными ружейными ремнями и парашютными стропами, но так, чтобы десантник перед приземлением мог перевести оружие в горизонтальное положение на запасной парашют. Если этот приём он не успевал сделать в воздухе, то рисковал при приземлении получить приличный удар прикладом по голове и «взбучку» от старшины за плохое отношение к оружию.

Я уже прыгал с оружием и без оружия почти со всех точек отделения знаменитого в то время тяжёлого бомбардировщика ТБ-3. В этот раз мне предстояло выполнить прыжок с ручным пулемётом с левого крыла самолёта. Эта точка считалась самой тяжёлой для отделения, так как предстояло выйти из самолёта в дверь на правое крыло и, держась за наружные поручни, двигаться вдоль фюзеляжа к моторам, затем, держась за верёвку, взобраться на верхнюю часть фюзеляжа, потом осторожно опуститься на левое крыло и, держась за протянутую по крылу верёвку, проползти и лечь на своё место. И все эти поистине цирковые номера делались на большой высоте при встречном потоке воздуха, усиливаемом моторами. Малейшая неосторожность могла стоить жизни парашютисту.

...Сидят теперь десантники в свободных кабинах транспортных самолётов и каждый имеет своё персональное, можно сказать, плацкартное место и даже улыбается от удовольствия. Правда, не у всех бывает красивая улыбка. В такой кабине инструктору хорошо наблюдать за парашютистами, он может подойти к любому, кому-то что-то поправить, кого словом подбодрить. В кабине самолёта тепло, уютно... и не дует!

А нас располагали в ТБ-3 с большим трудом. Особенно тяжело было забраться в крылья самолёта за бензобаками. Попадали туда только по-пластунски и в темноте. Пока лежишь, чего только ни передумает, соседей своих почти не видишь, всё гремит, кругом сквозняк гуляет, а если полёт длительный, то бензиновых паров так нахватаешься, что потом неделю чихаешься и боишься закурить. Каждый ждёт не дожждётся, когда же прыгать будет.

Итак, я благополучно добрался до левого крыла. Улёгся набок, прижался в гофрированной поверхности и всё внимание сосредоточил на кабине штурмана. Сигнал «Пошёл» подавал красным флажком штурман из своей кабины, а так как она у него была, как у лётчиков, прикрыта только ветровым козырьком, то он становился спиной к ветру во весь рост и показывал нам одной рукой флажок, а второй, в зависимости от того, как мы прыгали, то кулак, то большой палец. Но нам уже после красного флажка было всё равно, какие он нам сигналы «выкладывал» — мы их не наблюдали.

Ещё на предпрыжковой подготовке наш инструктор Волков порекомендовал мне «пробежаться» по крылу до его конца, т. е. до консоли, а там прыгнуть, как с вышки в воду. Это лихо, красиво и на глазах у подчинённых! И вот, как только я заметил сигнал «Пошёл», быстро подтянулся и, подскочив, как пружина, побежал по крылу. Но почти в одном шаге от консоли крыла поскользнулся, упал, на какой-то миг зацепился стволом пулемёта за край крыла. Меня ударило, перевернуло, и я почувствовал, что падаю. Шелестел шёлк — меня всего спеленала «мануфактура». Левая рука оказалась закрученной куполом и вывернутой за спину.

В первые секунды положение показалось безнадёжным. Ничего не вижу, но чувствую большую скорость падения. В голове почему-то начали мелькать воспоминания, которые к парашютному спорту имеют весьма далёкое отношение: мать ждёт на обед, как буду отдыхать в отпуске, школьный учитель и прочее. Но всё это мелькало значительно быстрее, чем читается.

Вся свободная часть парашюта, видимо, представляла сплошной шлейф, и по свисту в ушах и шелесту шёлка можно было бы определить, что падение идёт со скоростью 30–40 м в секунду. Воспоминаниями заниматься некогда.

Правая рука и запасной парашют свободны, но затянуты снаружи полотном. Удалось нащупать привязанный стропой к «запаснику» кривой садовый нож, зубами открыл его и полоснул по туго натянутому полотну прямо перед собой. В образовавшуюся щель ворвался воздух. Ветром начало

расправлять над головой полотнище купола. С трудом вырвал из плена левую руку. Обеими руками ещё больше расширил отверстие, просунул в него голову, увидел свет и стремительно несущуюся на меня землю. Прижав головой край разорванного полотнища, рванул кольцо и с силой выбросил в образовавшуюся дырку купол запасного парашюта. И почти сразу же получил сильный удар по голове.

Сознание постепенно возвращалось. Я сидел на лугу, завёрнутый, как мумия, в погребальные полотна, весь потный. Вначале мне было непонятно, почему я нахожусь в таком положении, откуда взялись люди, ведь я, кажется, только что завтракал? Но медленно всё начало становиться на своё место, и я вспомнил детали «лихого прыжка».

Приехали комбриг, врачи, дежурные, инструкторы, и каждый приступил к своему делу. У меня оказалась немного «помятой» голова, шла кровь.

Инструкторы внимательно переходили от одного узла парашюта к другому, изучая причины ЧП. Только комбат Левашов молча стоял в стороне от всех. Затем подошёл — меня «в четыре руки» обрабатывали врачи — и сказал:

— Знаешь, Лисов, а до земли оставалось метров семьдесят, когда над тобой запасник вспыхнул, — он наклонился, похлопал по груди и добавил: — Ничего, мы ещё попрыгаем!

Уже в госпиталь пришёл мой друг Саша Цвион. Он рассказал некоторые подробности. Нижняя кромка купола зацепилась за ствол пулемёта, я стал беспорядочно падать и меня закрутило полотнищем, а удар на земле прикладом пулемёта я получил «по науке», поскольку не перевёл оружие в горизонтальное положение. Ружейный ремень лопнул, ствол пулемёта погнулся...»

Бывало и так. Но сам по себе прыжок с парашютом в тридцатые годы был чаще всего непростым. Требовалось время для его совершенствования и многое, многое другое...

Боевое крещение советские десантники получили в вооружённом конфликте на Халхин-Голе (212-я воздушно-десантная бригада), а затем осенью 1939 года, когда в составе вновь образованных фронтов приняли участие в походе на территории Западных областей Украины и Белоруссии. Только в ходе этой операции было высажено несколько тактических воздушных десантов.

Во время советско-финляндской войны вместе со стрелковыми частями сражались 201-я, 204-я и 214-я воздушно-десантные бригады. Они совершали рейды в глубокий тыл противника, наносили удары по опорным пунктам, штабам, узлам

связи, нарушали управление войсками.

«К июню 1941 года советские воздушно-десантные войска представляли собой самостоятельный род войск РККА, — пишет В. Гончаров. — Они имели своё командование, штаб и транспортную авиацию и подчинялись непосредственно Верховному Главнокомандующему. Командующим советскими ВДВ был генерал-майор В. Я. Глазунов, начальником штаба — генерал-майор авиации П. П. Ионов.

Всего в РККА насчитывалось десять воздушно-десантных корпусов. На стадии формирования находились ещё пять корпусов, кроме них имелось несколько отдельных парашютных бригад и батальонов. Каждый воздушно-десантный корпус имел по три бригады в каждом. Бригада в свою очередь состояла из четырёх парашютно-десантных батальонов, миномётного дивизиона и четырёх рот — зенитно-пулемётной, разведывательно-самокатной, сапёрной и роты связи. В парашютно-десантном батальоне имелось пять рот — три парашютно-стрелковые, миномётная и рота противотанковых ружей, а также четыре взвода — пулемётный, сапёрный, разведывательный и взвод связи. Численность личного состава батальона составляла по штату 546 человек. Всего в бригаде было около 3000 бойцов, в корпусе — 10 000 человек. Практически единственным транспортным самолётом ВДВ к началу 1941 года оставался ТБ-3, производство лицензионных машин ПС-84 (позже Аи-2) ещё только разворачивалось (до 22 июня 1941 года было изготовлено 74 самолёта этого типа).

В результате при общей высокой боеспособности воздушно-десантных частей РККА их парашютная подготовка из-за недостатка самолётов оставалась весьма слабой. К примеру, из состава 4-го ВДК лишь личный состав 9-й вдбр совершил по два парашютных прыжка. В 8-й вдбр 25 % бойцов не прыгали вообще и 65 % имели всего по одному прыжку, а в 214-й вдбр, сформированной позже других, 65 % бойцов вообще не имели ни одного учебного прыжка. Примерно такая же ситуация имела место и в других воздушно-десантных корпусах».

Мировой опыт в плане создания воздушно-десантных войск до начала Второй мировой войны богатым не назовёшь.

Например, в США в начале 1918 года некий полковник Уильям Митчелл, командир авиакорпуса, придумал использование авиации для высадки солдат в тылу противника. Он же предложил организацию сопровождения группы десантных самолётов истребителями, проведение предварительной бомбардировки места высадки и использование грузовых парашютов для сбрасывания пушек, миномётов и пулемётов.

По планам американского командования создание специальной парашютно-десантной дивизии должно было завершиться к началу 1919 года. Была разработана и первая операция — высадка десанта на франко-бельгийской границе зимой 1919 года. Но в связи с окончанием Первой мировой войны всё это так и осталось не реализованным.

Только в 1940 году американцы вернулись к работе по созданию воздушно-десантных войск.

Первое десантирование с воздуха 500 британских солдат из 14-го Его Величества сикхского полка было произведено в районе иракского города Киркук в 1923 году.

Говорят, что именно такая тактика использовалась британцами при ведении боевых действий в своих колониях регулярно. Однако такое применение воздушного десанта никак не отразилось на развитии воздушно-десантных войск.

Лишь в 1940 году в Великобритании был создан первый отдельный парашютный батальон.

В фашистской Германии ядром воздушно-десантных войск станет Отдельный полк Германа Геринга, переформированный из отдельного подразделения прусской полиции 1 октября 1935 года. В начале 1939 года все воздушно-десантные подразделения Германии были объединены всего лишь в одну воздушно-десантную дивизию, которая получила порядковый номер семь.

Первое боевое крещение немецкие десантники получили при захвате бельгийской крепости Эбен-Эмаэль в мае 1940 года. Считавшаяся неприступной, она была взята ими всего лишь за десять часов.

Но всё это пока ещё происходило в стороне от Василия Филипповича Маргелова...

Глава 4

На войне как на войне

22 июля 1941 года майор Маргелов прибыл в Ленинград. В Смольном его ждали в 18 часов. Побродив теперь уже по фронтовому городу, Василий Филиппович в назначенное время прибыл к начальнику штаба. Тот долго не разговаривал. Времени было в обрез. После коротенького вступления выдал предписание, в котором чёрным по белому было написано: «Майору Маргелову немедленно прибыть в райком ВКП(б) Невского района и приступить к формированию полка 1-й гвардейской дивизии народного ополчения».

А буквально через трое суток дивизия выдвинулась к Красному Селу. В полку Маргелова в наличии находилось всего трое кадровых офицеров, а бойцы были вооружены винтовками в расчёте: одна на двоих. Тем не менее такой полк с конца июля по октябрь 1941 года участвовал в боях в районе Луги, Ораниенбаума и, кроме того, дважды был в тылу противника под командованием своего командира.

О формировании этой дивизии в своей книге «Ленинградцы в годы Блокады» А.В. Карасёв написал следующее: «Формирование 1-й гвардейской дивизии началось 20 июля. Она состояла в основном из трудящихся Володарского и Куйбышевского районов. Партийные организации заводов «Большевик», имени В. И. Ленина, «Экономайзер» и других предприятий превратились в боевые штабы по комплектованию дивизии. 2-й стрелковый полк, например, был укомплектован исключительно из рабочих завода «Большевик». Комиссаром этого полка был назначен секретарь партийной организации 18-го цеха т. Климов, впоследствии павший смертью героя. Артиллерийский полк был скомплектован из ополченцев Володарского, Куйбышевского и Петроградского районов. Отдельный батальон связи состоял из студентов, преподавателей и научных сотрудников Института инженеров связи... Личный состав дивизии отличался высоким моральным уровнем, но боевая подготовка его была слабая. К концу формирования дивизии в ней ещё было много необученных бойцов, а среди командно-начальствующего состава кадровых командиров было лишь немногим более 10 %. Особенно слабо были подготовлены специальные подразделения дивизии. В составе дивизии был, например, сформирован отдельный противотанковый дивизион, позже ставший отдельным зенитным дивизионом. До 80 % бойцов этого дивизиона раньше в армии не

служили. Остальные 20 % хотя и прошли службу в Советской Армии, но среди них был всего лишь один зенитчик. До 10 августа дивизия находилась в Красном Селе, где проходила ускоренную боевую подготовку в полевых условиях. 11 августа дивизия выступила на фронт в район станции Волосово.

На следующий день она сходу вступила в бой в районе железнодорожных станций Волосово и Молосковицы. Обстановка была предельно сложной: советские войска в этот момент отходили с Лужского рубежа.

В ночь с 7 на 8 августа немецкая группа армий «Север» начала наступление на Ленинград. 41-й моторизованный корпус во взаимодействии с 38-м армейским корпусом нанесли удары по населённым пунктам Ивановское и Большой Сабек в сторону Кингисеппа и Волосово. Через три дня передовые части противника приблизились к шоссе Кингисепп — Ленинград, а 13-го захватили станцию Молосковицы и перерезали железную дорогу. Уже 14-го завязались ожесточённые бои. Авиация противника постоянно бомбила и обстреливала из пулемётов позиции ополченцев. Но, несмотря на это, бойцы не только держали оборону, но и поднимались в контратаки.

В этом районе первая дивизия оборонялась до 18 августа.

«Бойцы и командиры 218 с.п. 80-й с.д. с основания полка, организатором которого является тов. Маргелов, по праву гордятся званием маргеловцев, — будет написано в боевой характеристике на командира полка. — На всём протяжении боевых действий личный состав любил его как принципиального, отважного командира, зажигательного агитатора и как честнейшего товарища.

В период боёв у станции Молосковицы тов. Маргелов вместе с небольшой группой бойцов уничтожил 7 танков противника... В течение 7 дней т. Маргелов сковал и продержал с группой бойцов превосходящего по силе противника у посёлка Ропши. Дважды попав в окружение, он вывел оставшихся с ним бойцов.

Под его руководством полк организовал и оснастил неприступную для противника линию обороны...

Дважды раненный... тов. Маргелов уходил с поля боя тогда, когда получал строжайшее указание вышестоящего командования».

25 сентября 1941-го полк Маргелова получил порядковый номер 218-й, а стрелковая дивизия, в которую он входил — 80-й.

В сентябре дивизия была прижата к Финскому заливу в районе Петергофа и отошла в район Ораниенбаума...

Адъютантом командира 218-го полка служил Григорий Бабочкин. «Перед лавиной танков и самолётов ополченцы

оказались безоружными. Надежда на новенькие пушки не оправдалась — в зарядных ящиках не оказалось ни единого снаряда», — запишет с его слов корреспондент.

Зато о своём командире он говорит с душевной теплотой: «Навряд ли кому-то из нашего полка удалось бы уцелеть, не имей мы такого командира, как Маргелов. В безнадёжных, казалось бы, ситуациях, а было их немало и на Дороге жизни, и на Ораниенбаумском пяточке, сохранял хладнокровие и находил решение. От полка осталась горсточка, но и она стала силой, достаточной, чтобы вырваться из окружения, укрыться в лесах и болотах, где мобилизоваться для сопротивления, а затем и наступления. Уж этот жизнью солдата дорожил. [...]».

Дорожил он чужими жизнями. Не сидел бы я сейчас с вами, если бы в крутые моменты не только я заслонил Маргелова от пуль и осколков снаряда, но и он меня».

Супруга Бабочкина, Полина Степановна, тоже служила в 218-м. Её рассказ о командире звучит не менее трогательно: «Помню, во время бомбёжки подскочил на коне к нам, девочкам, плёткой размахивает, гонит в укрытие, кричит: «Не допущу, чтобы вы стали пушечным мясом». Раненых на этот раз выносили мужчины. Однажды в лютый мороз стою по колено в снегу в карауле и вижу две приближающиеся тени. Вскинула винтовку, щёлкнула затвором: «Стой, кто идёт?» Молчание. Изготовилась к выстрелу. И тут голос Маргелова: «Свои». А рядом с ним мой благоверный. Вошёл комполка в палатку, начальник санчасти — навытяжку, а Маргелов ему такой разгон учинил, что девчонку на часах поставил, приказал занять пост самому».

«Сложная обстановка на подступах к Ленинграду потребовала от командования оборонявших город войск создания специальных частей, способных выполнять тактические задачи в интересах фронта, — рассказывают сыновья В.С. Маргелова. — Одной из таких частей стал 1-й Особый лыжный полк моряков Краснознамённого Балтийского флота, командиром которого назначили майора Маргелова...

Первый лыжный полк моряков был сформирован в основном из добровольцев — моряков береговой обороны и других вспомогательных служб КБФ, направленных для формирования различных десантных отрядов. Формирование полка проходило в начале ноября 1941 года в Кронштадте, здесь же в состав полка влились недавние защитники острова Ханко. Моряков переодели в ватные брюки, сапоги, ватные бушлаты тёмно-зелёного цвета с одной красной звёздочкой на левом рукаве. Им выдали лыжи и шерстяные вязаные подшлемники-шапочки. Переписали адреса их родственников и каждого в отдельности сфотографировали.

При переодевании возникли проблемы: переодеваться в «пехоту» моряки категорически не хотели. Недовольство нарастало, грозя перерасти в прямое неповиновение приказу.

На построении полка после команды «Смирно!» он внимательно рассмотрел всех моряков, обратив внимание на множество хмурых лиц, и, как всегда, не растерялся...

— Здорово, клёшники! — поприветствовал командир бойцов и сам еле сдержался от смеха.

На одном из них «поверх ватных брюк были натянуты флотские клёши, напуском свисавшие из-за голенищ сапог. Из-под расстёгнутого бушлата на фоне тельняшки торчал наган и свисали ленточки от спрятанной бескозырки. Поверх масхалата — ремень и торчащие из-под него гранаты, а за голенищами сапог — финский нож».

И всё же знакомство получилось: хмурые лица осветили улыбки...

И лишь потом командир пояснил для тех, кто на «бронепоезде»:

— Я понимаю ваше недовольство и уважаю флотские традиции. Но сейчас вопрос стоит так: вы мне нужны живые... А в чёрной форме на фоне белого снега противник не позволит ступить и несколько десятков шагов...

Все всё поняли, малость поворчали и переоделись. Ведь речь шла о тяжёлом боевом походе...

«...Ночью полк собрался на берегу Ладожского озера, в районе посёлка имени Морозова, в месте нового сосредоточения дивизии, — вспоминает участник тех боёв Н. Шувалов. — На подготовку к наступлению даны одни сутки. На следующий день выясняется, что лёд на озере ещё тонок. Он плохо держит людей...

Наступление дивизии задержано на один день. Но и через сутки состояние льда не изменилось.

Наступление вновь отложено, опять на сутки.

Принято решение — орудия всех батарей артполка оставить на берегу. Командиры же батарей пойдут с пехотой и связь со своими батареями будут держать по радио.

Дубенецкому, командиру батареи, в которой находились самые дальнобойные орудия, приказано немедленно с несколькими разведчиками и связистами добраться до Бугровского маяка на южном побережье озера и оттуда вести корректировку огня по побережью».

Однако боевая операция всё срывалась, и каждый новый выход к побережью превращался командиром в проигрыш его штурма. И наверху уже начали сдавать нервы. Оттуда стали

сыпаться угрозы расстрела.

Но Маргелов всё ещё пытался решить вопрос по-хорошему:

— У меня приказ наступать после начала схватки пехотных полков с противником. Бросить в атаку одних моряков означает отправить их на верную смерть. Я должен с ними поговорить.

Затем он собрал всех командиров и объяснил сложность ситуации:

— Если вы откажетесь идти в атаку, я вас насильно не поведу, лучше сам пойду под расстрел.

27 ноября 1941 года всё началось... «С наступлением сумерек полк встал на лыжи и, в который уже раз, спустился на лёд Ладоги. Двигаясь вдоль проложенной через озеро дороги, моряки видели провалившиеся автомашины и санные повозки. В повозках как живые стояли запряжённые замёрзшие лошади. На острове Зеленец устроили привал. Боясь потерять внезапность штурма, полк в середине ночи покинул остров и прибыл к намеченному рубежу атаки. Пехотных подразделений не было. Ранним утром поступил приказ снять лыжи и развернуться фронтом вдоль побережья.

Где-то слева от полка должен был располагаться Бугровский маяк. Под ногами моряков глубокий снег, через него кое-где выступали сухие стебли какой-то прибрежной травы. Перед полком простиралось гладкое заснеженное пространство. Стояла звенящая тишина. 1-й батальон располагался в центре атакующего полка. Матрос Орлов находился в нескольких метрах левее капитана Петрищева, а чуть правее его впереди шёл майор Маргелов В. Ф.

По рядам вполголоса пролетела команда:

— Приготовиться к атаке! Гранаты — к бою!

Полк продвигался быстрым шагом, соблюдая полнейшую тишину.

Вдруг Орлов скорее увидел, чем услышал, капитана Петрищева с поднятой правой рукой, держащей автомат, и кричащего:

— За Родину! За Сталина! Вперёд! УРА!

Внезапно капитан упал, сражённый автоматной очередью. В сознании Орлова промелькнула мысль: «Надо было ещё ближе подойти. Рано бросились в атаку». Но лавина моряков, сбросив несвойственную им форму и оставшись в родных чёрных бушлатах, в тельняшках, сбросив каски и надев запряганные бескозырки, в полный рост рванулась чёрной волной на позиции врага с криками:

— УРА! Полундра! За Родину! За Сталина!

Бежали. Пали. Вставали и опять падали. Ползли. Только

вперёд! Не было такой силы, которая остановила бы наступательный порыв «братишек». Всё вокруг стонало от разрывов. Откуда-то справа с характерным свистом пролетели и разорвались с большим интервалом позади наступающих несколько одиночных снарядов. Тут же на наступающих посыпались мины. Несмотря на шквал миномётного и пулемётного огня, полк упорно продвигался вперёд. Раненые оставались в строю. Немцы, в панике выбегая из землянок, вели беспорядочную автоматную стрельбу...

Прошёл слух, что в начале атаки тяжело ранен командир полка, позже стало известно, что его на волокуше отвезли на баржу, вмёрзшую в озеро недалеко от берега.

А бой продолжался...»

Про этот бой корреспондент газеты запишет со слов адъютанта командира: «В ноябре 1941 года по приказу командующего фронтом был сформирован лыжный полк из моряков, перед которыми была поставлена задача прорвать окружение, в котором на Ладогe, в районе посёлка Липки, оказалась одна из наших частей... Лыжный десант выбил фашистов с их позиций с ходу, однако развить наступление из-за того, что не подоспело подкрепление, не смог, чем воспользовались, подтянув к полю боя танки, артиллерию и авиацию, фашисты. Немногим удалось уцелеть в том сражении. На волосок от смерти был раненый разрывной пулей и истекающий кровью Бабочкин...»

Что и говорить, если полк Маргелова был брошен в бой по приказу вышестоящего командира без артиллерийской поддержки и поддержки обещанной пехоты. Не были разведаны и силы противника. Следовательно, от смелой атаки мощного оборонительного рубежа противника, с артиллерией, пулемётами, проволочными заграждениями и минными полями, осталась не более чем горстка бойцов...

Самого командира, израненного и превозмогающего нестерпимую боль, тащили из самого пекла на волокуше двое моряков.

На показательный суд военного трибунала над командованием 80-й стрелковой дивизии Маргелова доставят буквально на костылях. В забитом до отказа помещении он попытается что-то понять ещё раз для себя, вглядываясь в лица командира и комиссара дивизии. А после вынесения смертного приговора они оба подойдут к нему, попросят прощения и напоследок поцелуют.

К слову, в 1957 году командира 80-й стрелковой дивизии Ивана Михайловича Фролова и комиссара дивизии Константина

Дмитриевича Иванова реабилитируют. «Приговор военного трибунала Ленинградского фронта от 2-го декабря 1941 года в отношении Фролова Ивана Михайловича и Иванова Константина Дмитриевича отменить и дело о них прекратить за отсутствием состава преступления», — говорится в определении Военной коллегии Верховного суда СССР.

Вот что пишет по этому поводу С. Глезеров: «...дело состояло в следующем: командир 80-й стрелковой дивизии Иван Михайлович Фролов и комиссар этой дивизии Константин Дмитриевич Иванов отказались выполнить приказ по прорыву блокады на одном из участков Ленинградского фронта, полученный 21 ноября 1941 года. Как отмечает историк Виктор Кунтарёв, «это был небывалый случай на Ленинградском фронте». Действительно, отказ комдива выполнить полученный сверху боевой приказ — событие из ряда вон выходящее. Чтобы пойти на такой шаг, надо было иметь более чем веские основания. Как же такое могло произойти? Чтобы понять это, необходимо из ноября 1941-го вернуться на несколько месяцев назад. **ВЫПОЛНИМА ЛИ ЗАДАЧА?** Фролов и Иванов командовали 80-й дивизией с самого начала её существования. Она была сформирована в июле 1941 года из ополченцев Володарского (ныне Невского) района Ленинграда, поэтому её часто называли «Володарской», а официально она первоначально звалась «1-я гвардейская стрелковая дивизия народного ополчения». В бой она вступила 12 июля 1941 года под Волосово. Затем были тяжёлые, ожесточённые бои под Ленинградом, в ходе которых дивизия оказалась прижатой к Финскому заливу — на Ораниенбаумском «пяточке». Отсюда дивизию в ноябре перебросили на кораблях в Ленинград, а затем пешком отправили на западный берег Ладожского озера. Марш был очень тяжёлым — за пять дней, с 19 по 24 ноября, дивизия сменила четыре района сосредоточения, в результате чего люди были совершенно измотаны, а от недостатка фуража начался падеж лошадей. Горючее также было на исходе. Именно в таком состоянии дивизия и получила приказ о наступлении — как это часто бывало, срочном и слабо подготовленном».

Историк Владимир Бешанов в своей книге «Ленинградская оборона» завершает эту страшную картину: «В полосе 54-й армии Хозин (М. С. Хозин являлся тогда командующим Ленинградским фронтом) и Жданов, не терявшие надежду порадовать Вождя успехами, задумали провести отдельную «очень интересную и способную принести быстрое решение операцию». Суть идеи заключалась в том, чтобы воспользоваться установившимся на Ладоге ледовым покровом и силами одной стрелковой дивизии с лыжным полком, без тяжёлого вооружения, нанести удар

навстречу войскам, атакующим с Невского «пяточка». 80-й дивизии была поставлена задача: со стороны «Дороги жизни» нанести удар, совместно с полком моряков-лыжников, по немецким позициям в районе «бутылочного горла», захватить 1-й, 2-й и 3-й Рабочие посёлки и двигаться дальше в направлении Синявинских высот. На подготовку операции давались сутки. Одновременно предполагались вспомогательные удары с Невского «пяточка». **ВЫПОЛНИТЬ ПРИКАЗ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ!**

Командование 80-й дивизии прекрасно знало реальное состояние своих бойцов и отдавало себе отчёт в том, что к подобному наступлению дивизия не готова, а если оно состоится, то понесёт бессмысленные жертвы. Поэтому Фролов сообщил начальнику штаба фронта генералу Гусеву, что «дивизия к выполнению поставленной боевой задачи не готова». Однако в штабе фронта рассудили по-своему: выполнить приказ любой ценой! Комдива Фролова и комиссара Иванова отстранили от командования, а новое командование дивизии во главе с комдивом Павлом Брыгиным приступило в ночь на 25 ноября 1941 года к выполнению той же боевой задачи. Все бойцы дивизии получили по одному комплекту боеприпасов (45 патронов) и продовольствия сухим пайком на трое суток. По воспоминаниям ветеранов, часть бойцов посадили на грузовики полуторки и высадили на льду Невы, не доезжая шести — восьми километров до немецких позиций. Остальные двигались пешком около 30 километров при 30-градусном морозе и сильном ветре. Затем, без артиллерийской и миномётной поддержки, они пошли на вражеские дзоты и в двух километрах от берега попали под прицельный огонь противника. На открытом пространстве заснеженного Ладожского озера укрыться было практически негде. В результате дивизия понесла большие потери. 28 ноября дивизия повторила атаку совместно со 128-й дивизией и опять потерпела неудачу. В тот же день 80-ю дивизию вывели из боя...»

После излечения Василий Филиппович вновь назначается командиром 218-го стрелкового полка всё той же 80-й дивизии.

Характерной чертой командира полка Маргелова был всегда и во всём только личный пример. Вещь на войне встречающаяся далеко не часто...

«В наступательных боях Маргелов не раз поднимал в атаку батальоны, а когда была необходимость — дрался в первых рядах своих бойцов, увлекая их к победе в рукопашном бою. Любил он бой рукопашный, любил, поскольку проверялся воин на стойкость, ловкость, силу и мужество. Маргелов и в этом бою был примером для бойцов и командиров. Дерзость и быстрота — таковы были его принципы. Однажды собрал он группу из

добровольцев в 13 человек и ночью ворвался с ними в занятый врагами населённый пункт Михайловка, 17 гитлеровцев взял в плен, захватив в качестве трофеев много оружия, боеприпасов и другого имущества», — рассказывают сыновья Василия Филипповича.

«В мае 1942 года в районе Виняглово около двухсот фашистских захватчиков прорвались через участок обороны соседнего полка и вошли в тыл маргеловцам. Василий Филиппович Маргелов быстро отдал необходимые распоряжения по ликвидации вражеского отряда и не дожидаясь подхода резервов, сам лёг за станковый пулемёт. Меткими очередями он лично уничтожил 79 фашистов, остальных добила рота автоматчиков, взвод разведки и комендантский взвод...

...У Маргелова всегда был станковый пулемёт, из которого по утрам Василий Филиппович совершал необычную «зарядку» — подстригал из пулемёта макушки деревьев, после чего садился на лошадь и упражнялся в рубке шашкой. Разумеется, это было возможным, когда полк находился в обороне. Отрастил командир усы и небольшую бородку, и в неполные 33 года звали его в полку «Батя».

Человеком великого таланта, мужества и беспредельного героизма назвал Маргелова И. Н. Давыдов. А ещё военным профессионалом высшего класса, с молниеносной реакцией и отличной ориентацией. Великим патриотом своей Родины.

«Удивительно, — пишет он, — но Василий Филиппович обладал какой-то притягательностью, его разговор или выступления перед бойцами и командирами просто завораживали. На коротких собраниях и совещаниях в армии все ждали его выступления, он был прекрасным оратором, его выступления отличались глубоким знанием дела, принципиальностью, чёткостью, независимостью суждений, что, правда, не всегда нравилось командованию армии».

Однажды Маргелов проходил по траншеям переднего края и обратил внимание на развалившуюся обувь сержанта-пулемётчика. Находящемуся рядом начвещу он приказал отдать свои сапоги младшему командиру. При этом предупредил, что если ещё раз увидит бойца в рваньё, вещевик тут же пойдёт в эти самые окопы...

Приказом наркома обороны от 28 июня 1942 года Василию Филипповичу было присвоено очередное воинское звание «подполковник», а в июле он принял под командование новый 13-й гвардейский стрелковый полк 3-й гвардейской стрелковой дивизии.

Краткая история этого полка такова:

18 августа 1940 года приказом НКО СССР в г. Сухой Лог Свердловской области 19-й запасной полк был преобразован в 666-й стрелковый полк 153-й стрелковой дивизии.

С августа 1940 г. по июнь 1941 г. дивизия занималась боевой подготовкой в Камышловских лагерях в составе Уральского военного округа.

18 мая 1941 года полк перебрасывается в Витебск. После начала войны он доукомплектовывается личным составом, вооружением и материальной частью и 3 июля вступает в бой.

С 11 июля полк находится в окружении юго-восточнее г Витебск. Как сообщается в свободной энциклопедии «Википедии», «к утру 17 июля 1941 года дивизия основными силами вышла в район: Слепцы, Логуны, Кароли, что в 17, 14 и 18 км соответственно юго-западнее крупного н.п. Лиозно (Витебская область). По 5 августа 1941 года включительно 153 стрелковая дивизия выходила из окружения. К августу от её первоначального состава осталось около 1000 солдат и офицеров. С 20 июля по 5 августа 1941 года документов дивизии и вышестоящих штабов в Архиве МО СССР не обнаружено.

С 6 по 22 августа 1941 года полк вёл боевые действия на восточном берегу р. Днепр. С 22 августа по 6 сентября 1941 года полк вёл боевые действия в районе высоты 249.9 на восточном берегу реки Днепр, а затем на западном берегу. Бои полка под Смоленском были первыми наступательными боями.

С 6 по 20 сентября 1941 года полк находился в резерве в составе 153-й стрелковой дивизии сначала в 20-й армии, а затем в резерве Ставки Верховного Главнокомандования и доукомплектовывался в городе Калинин».

А 18 сентября 1941 года приказом НКО СССР № 308 153-я стрелковая дивизия была переименована в 3-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Этот приказ о переименовании 100, 127, 153 и 161-й стрелковых дивизий в 1, 2, 3 и 4-ю гвардейские дивизии весьма интересен своим содержанием, хотя бы потому, что его правила рука самого вождя...

«В многочисленных боях за нашу Советскую Родину против гитлеровских орд фашистской Германии 100, 127, 153 и 161 стрелковые дивизии показали образцы мужества, отваги, дисциплины и организованности. В трудных условиях борьбы эти дивизии неоднократно наносили жестокие поражения немецко-фашистским войскам, обращали их в бегство, наводили на них ужас.

Почему этим нашим стрелковым дивизиям удавалось бить врага и гнать перед собой хваленые немецкие войска?

Потому, во-первых, что при наступлении они шли вперёд не

вслепую, не очертя голову, а лишь после тщательной разведки, после серьёзной подготовки, после того как они прощупали слабые места противника и обеспечили охранение своих флангов.

Потому, во-вторых, что при прорыве фронта противника они не ограничивались движением вперёд, а старались расширять прорыв своими действиями по ближайшим тылам противника, направо и налево от места прорыва.

Потому, в-третьих, что, захватив у противника территорию, они немедленно закрепили за собой захваченное, окапывались на новом месте, организуя крепкое охранение на ночь и высылая вперёд серьёзную разведку для нового прощупывания отступающего противника.

Потому, в-четвёртых, что, занимая оборонительную позицию, они осуществляли её не как пассивную оборону, а как оборону активную, соединённую с контратаками. Они не дожидались того момента, когда противник ударит их и оттеснит назад, а сами переходили в контратаки, чтобы прощупать слабые места противника, улучшить свои позиции и вместе с тем закалить свои полки в процессе контратак для подготовки их к наступлению.

Потому, в-пятых, что при нажиме со стороны противника эти дивизии не впадали в панику, не бросали оружие, не разбежались в лесные чащи, не кричали «мы окружены», а организованно отвечали ударом на удар противника, жёстко обуздывая паникёров, беспощадно расправлялись с трусами и дезертирами, обеспечивая тем самым дисциплину и организованность своих частей.

Потому, наконец, что командиры и комиссары в этих дивизиях вели себя как мужественные и требовательные начальники, умеющие заставить своих подчинённых выполнять приказы и не боящиеся наказывать нарушителей приказов и дисциплины.

На основании изложенного и в соответствии с Постановлением Президиума Верховного Совета СССР Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

- 100 стрелковую дивизию — в 1-ю гвардейскую дивизию. Командир дивизии генерал-майор Россиянов.
- 127 стрелковую дивизию — во 2-ю гвардейскую дивизию. Командир дивизии полковник Акименко.
- 153 стрелковую дивизию — в 3-ю гвардейскую дивизию. Командир дивизии полковник Гаген.
- 161 стрелковую дивизию — в 4-ю гвардейскую дивизию. Командир дивизии полковник Москвитин.

2. В соответствии с Постановлением Верховного Совета Союза ССР указанным дивизиям вручить особые гвардейские знамёна.

3. Всему начальствующему (высшему, старшему, среднему и младшему) составу с сентября с.г. во всех четырёх гвардейских дивизиях установить полуторный, а бойцам двойной оклад содержания.

4. Начальнику тыла Красной Армии разработать и к 30 сентября представить проект особой формы одежды для гвардейских дивизий.

5. Настоящий приказ объявить в действующей армии и в округах во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях и командах.

Народный Комиссар Обороны СССР И. СТАЛИН...»

«С 20 сентября по 9 ноября 1941 года полк в составе 3-й гвардейской стрелковой дивизии вёл боевые действия в составе 54-й армии Ленинградского фронта в районе ст. Мга, Синявино. С 10 по 14 ноября 1941 года дивизия передислоцировалась на левый фланг армии в район южнее города Волхов. С 15 ноября по 28 декабря 1941 года дивизия вела боевые действия в районе города Волхов, а затем преследовала противника до станции Погостье.

В январе — апреле 1942 года полк участвовал в Любанской наступательной операции. Наступление проходило в сложных условиях лесисто-болотистой местности. Бездорожье и глубокий снег затрудняли продвижение полка. Положение стало ещё более тяжёлым с началом весенней распутицы. В батальонах осталось по 50–60 активных штыков.

Летом 1942 года дивизия пополнила свой состав, после чего вошла в резерв Ставки ВГК».

Такой полк и принял под своё командование подполковник Маргелов.

Уже в конце августа — сентябре 1942 года дивизия принимала участие в Синявинской наступательной операции Волховского фронта. Целых полтора месяца шли бои с войсками противника, прибывшими из Крыма.

В начале декабря 1942 года дивизия была выведена из резерва Ставки ВГК и переброшена под Сталинград.

А в резерве опытный боевой командир готовит свой полк к предстоящим боям.

«Нередко командир полка сам показывал бронейщикам, как отрыть индивидуальный окоп, как лучше «работать» с противотанковым ружьём, как метать гранаты и бутылки с зажигательной смесью. Полк учился действовать в любое время суток и в любую погоду. Не забывали в полку и о физической подготовке бойцов. Каждый день проводили пешие марш-броски с

полной выкладкой на расстояние 10–15 километров, а раз в неделю совершали суточные переходы на 30–40 километров и обязательно с боевой стрельбой. Порой боевая учёба продолжалась по 15–20 часов в сутки, причём треть времени отводилась на ночную подготовку», — пишут сыновья В. Ф. Маргелова.

«В полку он стал уважаемым и авторитетным командиром. Что недолюбливал, так это штабные бумаги. Офицерам штаба не давал засиживаться в землянках:

— Каждый, кто воюет, должен испытать на себе то, что испытывает рядовой пехоты. Неплохо бы сходить и в атаку».

В отличие от многих командиров и командующих (например, таких, как А.А. Власов) Маргелов «всегда гнал от себя корреспондентов и фотографов».

Под Сталинградом в декабре 1942 года 13-й гвардейский, выгрузившись на железнодорожной станции Большие Липки, преодолел более ста километров марш-броска по занесённой снежною пургою степи до реки Мышкова, а потом за двое суток его бойцы и командиры сумели создать такую полосу обороны, на которой фашист был остановлен.

В истории 3-й гвардейской дивизии об этом говорится предельно кратко: «В начале декабря 1942 года дивизия была выведена из резерва Ставки ВГК и переброшена под Сталинград, с включением в состав 2-й гвардейской армии Сталинградского фронта. Соединения дивизии совершили в условиях зимы 1942 года тяжёлый форсированный марш, пройдя от мест выгрузки до районов сосредоточения 200–280 км. С 15 по 31 декабря 1942 года дивизия вела активные боевые действия под Сталинградом».

Однако здесь не говорится, как солдаты Маргелова одними из первых в армии вышли на рубеж реки Мышкова, в то время как другие части армии ещё продолжали марш и передвижение по железной дороге. Первым 13-й гвардейский и начал подготовку оборонительного рубежа.

«Трудно, очень трудно приходилось бойцам при оборудовании оборонительных линий. Местность здесь была равнинная, безлесая. Грунт промёрз настолько, что его с трудом брали не только сапёрные лопатки, а кирки и ломы. Снежного покрова почти не было, а поэтому замаскировать окопы и блиндажи тоже было нелёгким делом. А ведь надо было не только маскироваться как следует, но и думать о прочности блиндажей и окопов, которые за отсутствием леса укреплять было просто нечем.

Вот тут-то на помощь бойцам пришли жители Васильевки и Капкинского. Днём и ночью вместе с бойцами старики, женщины,

подростки рыли окопы, строили блиндажи и дзоты. Патриотизм жителей был настолько велик, что многие из них жертвовали своими домами, сараями, брёвна и доски от которых шли на постройку оборонительных сооружений. Отец с глубокой благодарностью вспоминал эту героическую помощь простых советских людей. Под ураганными порывами пронизывающих ветров долбили они кирками, ломами, лопатами промороженную сильными морозами твёрдую, как бетон, землю. Без их самоотверженной помощи вряд ли удалось бы гвардейцам в кратчайшие сроки создать прочный оборонительный рубеж на реке Мышкова». (А. Маргелов, Б. Маргелов. Василий Маргелов. Десантник № 1.)

К исходу 18 декабря полк с ходу занял оборону на четырёхкилометровом фронте от Васильевки до Капкинского, тем самым упредив выход войск противника к реке Мышкова на целых шесть часов.

Только рано утром 19 декабря, после артиллерийской подготовки, немцы атакуют танками и мотопехотой 2-й батальон полка Маргелова. Но с ходу прорвать оборону на рубежах реки Мышкова не получилось. 20-го всё повторяется сначала...

Находясь всего в 40 километрах от Сталинграда, 13-й гвардейский полк вёл оборону в районе посёлков Васильевка и Капкинский, сдерживая силы танковой дивизии СС.

По документам и воспоминаниям хроника боевых действий полка выглядит следующим образом:

- 20 декабря — полк продолжал вести бои с фашистскими танками;
- с утра 21-го противник предпринял две отчаянные попытки взломать оборону полка, но все атаки были отбиты;
- к исходу 21-го противник перегруппировал 17-ю танковую дивизию в районе Васильевки и создал бронированный таран из двух танковых дивизий, с тем чтобы прорваться к Сталинграду по кратчайшему направлению. Полк отражал атаку 80 танков. Бой продолжался 8 часов!

В ночь на 22 декабря полк готовился контратаковать противника в районе Васильевки и Капкинского. Снова тяжёлый бой...

В журнале боевых действий полка за 22 декабря записано: «Полк продолжал отражать непрерывные танковые атаки противника. По-прежнему удерживает оборонительные позиции. Командир полка был тяжело контужен, но с НП не ушёл, продолжал командовать подразделениями».

А вот за 23-е: «Пятый день полк ведёт напряжённый бой с фашистскими танками и пехотой. Атака полка увенчалась

успехом...»

Но уже 24 декабря 1942 года в 8 часов утра, после мощного артиллерийского налёта по переднему краю и ближайшей глубине обороны, 3-я гвардейская стрелковая дивизия перешла в наступление совместно с другими частями 2-й гвардейской армии на город Котельниковский.

13-й гвардейский полк находился на левом фланге дивизии. В ночь с 31 декабря на 1 января 1943 года Маргелов производит разведку обороны противника и, убедившись в наличии его небольших сил, оставив прикрытие на главном направлении, основными силами полка обходит Котельниковский с юго-запада и выходит к немцам в тыл.

Таким образом, не встречая сопротивления, полк Маргелова, углубившись в тыл противника и развернувшись на север, перерезает дорогу, ведущую от Ростова через Котельниковский на Сталинград. Когда он доложил командиру дивизии об успехе своего полка, тот долго не мог поверить в случившееся.

А командир корпуса, не поверив в успех Маргелова категорически, вообще принял его за «ложь» и угрожал расстрелом.

Но после всех уточнений и разбирательств на Маргелова напишут наградное представление.

«Командир 13 Гвардейского стрелкового полка Гвардии подполковник МАРГЕЛОВ В. Ф. своим умелым руководством обеспечил успешное выполнение боевых задач. Под его руководством 13 гв. сп сдержал наступление крупных сил противника, которые пытались при поддержке 70 танков прорвать оборону полка в районе дер. Васильевки и выйти на соединение с вражеской группировкой, окружённой в районе Сталинграда.

В 3-х дневных боях, с 20 по 23.12.42, 13 гв. сп нанёс противнику большие потери в живой силе и технике. Этим самым полк блестяще выполнил задачу сдерживать противника до подхода главных сил 2 Гвардейской Армии.

Руководимый Маргеловым полк не менее успешно провёл последующие наступательные операции против укрепившегося противника в дер. Антоновка, Кругляков, Шестаков. В результате этих боёв 13 гв. сп захватил в качестве трофеев 2 танка, 12 пушек, 2 зенитные установки, 6 пулемётов и уничтожил более 900 солдат и офицеров противника, 36 танков и бронемашин.

В бою за дер. Шестаков тов. Маргелов был серьёзно контужен, но через двое суток вернулся в строй. Волевой и бесстрашный командир. Полк своими успехами обязан его твёрдому и умелому руководству.

Достоин награждения орденом «КРАСНОЕ ЗНАМЯ»...»

Этот наградной лист подписали и командир дивизии генерал Цаликов и командир корпуса генерал Чанчибадзе.

И если с первым у Маргелова сложились довольно-таки добрые отношения (он называл Маргелова «талантливым офицером»), то со вторым имели место даже резкие столкновения.

Например, в книге «Десантник № 1» приводится такой диалог комполка с комкором: «Когда угроза окружения 2-го батальона вражескими танками была ликвидирована, состоялся разговор по телефону командира корпуса генерал-майора П. Г. Чанчибадзе с командиром полка:

— Маргелов, сколько вас нужно искать? Гдэ вы сейчас сидите?

— Не сижу, а командую с КП комбата-2.

— Почему нэ на своём мэсте?

— Моё место сейчас здесь, товарищ командир корпуса.

— Спрашиваю, гдэ ваше мэсто?

— Товарищ командир корпуса, командую полком я. Моё место там, где я нужен полку.

— Ну-ну... Как дэла?

— Полк стоит на своём месте».

В этой книге есть ещё один эпизод, когда Маргелов после боя прибыл на доклад к командиру корпуса: «Едва он вошёл в кабинет, как генерал Чанчибадзе набросился на него с кулаками. Устояв от неожиданного удара, комполка развернулся и со всей силой врезал в челюсть комкору. Чанчибадзе упал. Медленно поднявшись, он подошёл к командиру полка и, потирая подбородок, сказал с сильным грузинским акцентом:

— Маргелов, верю — будэшь командиром дивизии!

Затем внимательно выслушав доклад подполковника, обнял его и пожелал на прощание новых побед. А во искупление своей вины и, отмечая подвиг командира полка, тут же дал указание подготовить наградной лист на награждение орденом Красного Знамени».

Хотелось бы сказать несколько слов о двух начальниках Маргелова.

Генерал-майор (1942 г.) Цаликов Кантемир Александрович родился в 1908 году в Северной Осетии. В Красной Армии с 1929 года. Выпускник Закавказской пехотной школы (1932 г.) и Военной академии им. М. В. Фрунзе (1938 г.).

До академии проходил службу на должностях: командира стрелкового и учебного взводов, командира и политрука роты. В 1934 году за успехи в боевой подготовке награждён орденом Красной Звезды.

После академии: старший помощник начальника отделения 1-го отдела штаба Дальневосточного фронта, с сентября — начальник штаба 1-й отдельной стрелковой бригады, начальник штаба 176-й стрелковой дивизии. В начале войны в той же должности. В ходе боёв юго-западнее Кишинёва принял командование 591-м стрелковым полком. С сентября 1941 г. командир 377-й стрелковой дивизии. С сентября 1942 г. командир 3-й гв. стрелковой дивизии.

Характеризуя генерал-майора Цаликова командир 1-го гв. стрелкового корпуса генерал-лейтенант И. И. Миссан отмечал, что он «лично смел и решителен, боем управляет умело, в решениях принципиален и свои решения доводит до конца. Сам всё время находится на передовой линии фронта и своим мужеством и отвагой учит подчинённых».

В мае 1944 г. генерал-майора Цаликова назначают командиром 13-го гв. стрелкового корпуса, а 21 июля он погибнет, подорвавшись на противотанковой mine.

Генерал-полковник (1945 г.) Чанчибадзе Порфирий Георгиевич родился в Грузии в 1901 году. В Красной Армии с 1921 года. Выпускник Грузинской объединённой военной школы (1922 г.), повторных КУКС в г. Ташкент (1927 г.), Высших стрелково-тактических курсов усовершенствования комсостава пехоты «Выстрел» (1940 г.). Кроме того, окончил 2 курса Военной академии им. М. В. Фрунзе (1940 г.).

В межвоенный период командир взвода, командир роты, помощник начальника штаба стрелкового полка, командир батальона, врид командира стрелкового полка. В 1936 г. за успехи в боевой и политической подготовке награждён орденом Красной Звезды.

С июля 1940 г. командир 120-го стрелкового полка. С июля 1941 г. командир 107-й мотострелковой дивизии.

«Дивизия под командованием полковника Чанчибадзе, выполняя сложные боевые задания командования, неоднократно громила фашистские банды, проявляя героизм и мужество, за что постановлением правительства дивизия переименована во 2-ю гвардейскую мотострелковую, а полковник Чанчибадзе Указами

Президиума Верховного Совета от 2 и 12 января 1942 г. награждён двумя орденами Красного Знамени. Затем дивизия в этом же составе участвовала в Ржевско-Вяземской и Ржевско-Сычёвской наступательных операциях 1942 г. 23 октября 1942 г. 2-я гвардейская мотострелковая дивизия переименована в 49-ю гвардейскую стрелковую дивизию и выведена на доукомплектование в г. Лев Толстой, где была включена в состав 2-й гвардейской армии», — отмечалось в представлении на Чанчибадзе к званию «генерал-майор», подписанным командующим войсками Калининского фронта генерал-полковником И. С. Коневым.

С ноября 1942 года Порфирий Георгиевич командир 13-го гвардейского стрелкового корпуса. С 4 июня 1944 г. — командующий 2-й гвардейской армией.

За умелое управление войсками армии при разгроме земландской группировки противника и проявленное при этом мужество и отвагу П. Г. Чанчибадзе был удостоен звания Героя Советского Союза — 19 апреля 1945 года.

В боевых характеристиках отмечался, как «решительный, смелый, деятельный, инициативный генерал». Неоднократно в тяжёлые моменты боя показывал пример храбрости и героизма. Вместе с тем в них указывалось, что «в сложной обстановке зачастую бывает вспыльчив, допускает излишнюю нервозность и грубость, что приводило к превышению власти».

Имели место случаи рукоприкладства к подчинённым, вследствие чего авторитетом среди большей части офицерского состава не пользовался.

Умер генерал Чанчибадзе рано — 14 марта 1950 года в Москве.

В служебных отношениях с ним Василий Филиппович никогда не позволял унижать себя, и, видимо, в отличие от многих других командиров у него это получалось.

Глава 5

Командир дивизии

8 января 1943 года Маргелов назначается начальником штаба 3-й гвардейской стрелковой дивизии. Всего три месяца он будет исполнять обязанности в этой должности. Затем на целых семь месяцев станет заместителем командира дивизии (в этой должности с 11 апреля 1943 года, а 15 апреля ему присвоено звание «полковник»).

Вне всяких сомнений, что именно так Василия Филипповича готовили к главной должности — командира дивизии. Его непосредственные и прямые начальники не могли не заметить всех тех его качеств и достоинств, которые отличали этого офицера от других. Как говорится, даже враги не могли в этом случае быть против... На войне как на войне!

14 июля 1943-го 3-я гвардейская дивизия, сосредоточившись на исходных рубежах, готовилась к наступлению и прорыву обороны «Миус-фронта» на участке посёлка Степановка.

17 июля в 3.30 началась мощнейшая артиллерийская подготовка перед началом наступления, продолжавшаяся два с половиной часа. С неба работала по узлам сопротивления и резервам в глубине обороны немцев наша авиация. И как только артиллерия перенесла свой огонь в глубину, при поддержке танков в наступление пошла пехота.

А дальше жестокие и кровопролитные бои...

«Полковник Маргелов... Командир железной силы воли, требователен к себе и подчинённым, — будет написано в очередной боевой характеристике на заместителя командира дивизии по строевой части. — Решительный. Организаторскими способностями обладает достаточными. В боевой обстановке вынослив, несмотря на 4 ранения. В период формирования дивизии непрерывно находился в частях дивизии, занимался созданием подразделений и руководил ходом боевой подготовки, добиваясь отличной боевой выучки от личного состава частей дивизии. В боях на реке Миус систематически находился в частях дивизии, непосредственно в боевых частях пехоты, осуществлял личный контроль и проверку исполнения всех приказов командования. В трудную минуту боя помогал командирам частей в руководстве боем.

17.09.43 при выбытии из строя командира 9-го гвардейского стрелкового полка принял на себя командование полком. Смелым маневром полк под командованием тов. Маргелова успешно

овладел крупным железнодорожным узлом Приазовья, станцией и городом Волноваха... За личную отвагу и успешное выполнение боевых задач тов. Маргелов награждён правительственной наградой — орденом «Красное Знамя» и вторично представлен.

К слову сказать, первым орденом Маргелова наградят Отечественной войны первой степени... № 34 361 от 25 января 1943 года.

Второй правительственной наградой станет орден Красного Знамени № 47 678 от 3 февраля 1943 года...

Учитывая заслуги Василия Филипповича и его бесстрашие можно сделать один вывод: награждать его не любили и наградами особенно не баловали, по крайней мере в годы Великой Отечественной войны и до неё...

По воспоминаниям одного из участников боёв на «Миус-фронте» Голдбрайха Ефима Абелевича бои там были тяжелейшие... «На Миусском фронте я командовал 3-й стрелковой ротой. Первый и может единственный раз за всю войну природа сделала исключение, и в этом месте реки левый берег был выше и нависал над пологим правым «немецким» берегом. Наши пулемётчики постоянно держали немцев на прицеле. В отместку, противник нас щедро бомбил, а также густо засыпал минами и снарядами. Потери для обороны были довольно значительными и мы постоянно просили о пополнении. Командир полка ругался — «Строёвку подаёте на полную роту, а воевать некому!». Но обещал прислать несколько человек. Строёвка — это ежедневная записка о наличии и убыли личного состава и лошадей».

Кстати сказать, о личной храбрости и особом характере Василия Филипповича говорит и такой эпизод, случившийся там на Миусе: «Выполняя задание командования по разведке тылов противника в районе Саур-могила, коммунист Рогачёв и его гвардейцы совершили трёхдневный рейд, в ходе которого разгромили штаб немецкого батальона, захватили боевые документы и карты, а также двух «языков». В один из ночных разведывательных поисков пошёл с ними и заместитель командира дивизии полковник Маргелов. Перейдя линию фронта, разведчики успешно проникли в тылы немцев, но на подходе к интересовавшему их рубежу обороны были неожиданно обнаружены и обстреляны из миномётов. Одна из немецких мин разорвалась рядом с заместителем комдива и он был ранен осколками в правую ногу. Но, несмотря на ранение, он продолжал руководить боем.

Отстреливаясь отседавших немцев, разведчики снова

прорвались через линию фронта и вышли к своим».

Может быть, в нём и есть тот самый ответ на вопрос, почему Маргелова не баловали орденами вышестоящие командиры и начальники.

О том, как Василия Филипповича назначили командиром дивизии, сам он рассказывал так: «В войсках 3-й гвардейской стрелковой дивизии полным ходом развернулась подготовка к форсированию Днепра. Я целыми днями находился в частях, организовывая подручные средства для переправы, обучая воинов действиям в ходе форсирования широкой водной преграды, какой является Днепр.

И вдруг меня вызвали в штаб армии. То, что я услышал от командующего, оказалось для меня большой неожиданностью. 2-я гвардейская армия получила боевой приказ Верховного Главнокомандующего ударом из Кула прорвать оборону противника на Перекопском перешейке, главными силами овладеть городом Армянск и к исходу первого дня операции выйти на рубеж южнее Суворово, Караджанай; к исходу второго дня — на рубеж южнее Заливная, озеро Янгул; в последующем развивать наступление во взаимодействии с соседней 51-й армией, наступавшей с плацдарма на Сиваше, уничтожить перекопскую группировку противника в районе города Ишунь и к исходу четвёртого дня выйти на рубеж реки Чатырлак.

Советское Верховное Командование придавало большое значение Крымской операции, и поэтому координирование действий сухопутных и военно-морских сил в ходе её осуществляли маршалы Советского Союза А. М. Василевский и К. Е. Ворошилов. В авангарде наступающих на Крым войск шёл 13-й гвардейский стрелковый корпус генерала П. Г. Чанчибадзе. И, откровенно говоря, я считал, что меня, заместителя командира 3-й гвардейской стрелковой дивизии, которая входила в 13-й гвардейский стрелковый корпус, вызвали для постановки боевой задачи по прорыву обороны на Перекопском перешейке и боям в Крыму. Однако я услышал совсем другое: приказом командующего фронтом я назначался командиром 49-й гвардейской стрелковой дивизии. Признаться, я несколько растерялся, услышав приказ о столь высоком для меня, тридцатипятилетнего полковника, назначении. Всего какой-то год назад был подполковником — командиром полка под Сталинградом... От командующего фронтом, видимо, не укрылось то, что творилось в те мгновения в моей душе. И он, как бы поддерживая меня, крепко пожал руку и сказал:

— Командование фронтом, как и командование армией считает, что вы, товарищ Маргелов, будете достойным

командиром 49-й гвардейской и под вашим командованием она одержит ещё не одну победу! Готовьтесь к форсированию Днепра и взятию Херсона!

— Служу Советскому Союзу! — только и смог от волнения произнести я».

Произошло это событие в марте 1944 года, когда до окончания войны оставалось чуть больше года.

В это время дивизия находилась в обороне, занимая по фронту участок около семидесяти километров. Предстоящее выполнение задачи по форсированию такого водного рубежа, как Днепр, стала наиглавнейшей. Василий Филиппович немедленно приступил к занятиям в условиях, максимально приближённых к реальным. А это значит, что как всегда повелось у Маргелова, днём и ночью весь личный состав учился форсированию водной преграды, начиная с мелочей и заканчивая отработкой действий на макетах местности.

Новый командир дивизии требовал знания абсолютно каждым бойцом своей задачи при форсировании и в бою.

На тренировочном форсировании озера, по своей ширине напоминающего Днепр, а также с местностью с соответствующими высотами и оврагами, Маргелов лично проверил подготовку своих частей.

«9 марта 1944 года я дал приказ своему правофланговому 149-му гвардейскому стрелковому полку гвардии подполковника Тюрина совершить ночной марш и сосредоточиться по левому берегу Днепра южнее города Берислава, — расскажет спустя десятилетия Василий Филиппович. — Проведя этот маневр, командир полка доложил мне по телефону, что полк сосредоточился и готов к выполнению дальнейших приказаний.

Я срочно выехал в полк. Ночь была адская. Дождь хлестал как из ведра. Беспрерывными порывами налетал сильный ветер. Великая река только что освободилась от льда, и её тяжёлые воды плескались где-то рядом в крошечной темноте.

«А не попытаться ли форсировать Днепр прямо сейчас? — неожиданно подумал я. — Ночь, хоть глаза выколи. Немцы сейчас, наверное, попрятались по блиндажам. Не любят они такой погоды. А пока очухаются, так не то полк, а дивизию можно будет переправить... Да и бойцы, узнав, что их комдив уже на правом берегу, с утроенной энергией совершат бросок через Днепр...»

Не думал, не гадал я тогда, что боевая обстановка внесёт совсем иные коррективы в мой план, и мне придётся с 67-ю бойцами почти трое суток удерживать плацдарм, и в живых нас останется только 14 человек...»

Это было очередное самовольство Маргелова, за которое

всегда наказывали сурово, но ему везло. Да вот только не везло с наградами и всё по той же самой причине...

Беда словно поджидала его и на этот раз. Ни в первый, ни во второй день основные силы дивизии так и не смогли прийти на помощь комдиву и его группе.

Только 11 марта на правый берег переправился батальон, а сам Маргелов под ураганным огнём вернулся на левый.

— Ты бросил дивизию, — как и прежде, кричал генерал Чанчибадзе, — я тебя расстреляю! Под трибунал отдам!

— Один полк уже воюет на том берегу, второй заканчивает переправу, — еле сдерживаясь, ответил командир дивизии.

По словам сыновей Василия Филипповича, именно этот эпизод не любил вспоминать их отец. Видимо, много в нём было драматического, но на всё воля Божья!

Утром 13 марта 1944 года 49-я гвардейская стрелковая дивизия начала решительный бой за освобождение Херсона.

Ещё в 1943 году товарищ Сталин приказал разработать критерии награждения командиров за успешное форсирование рек. А вскоре вышла директива Ставки ВГК № 30 178:

«Военным Советам фронтов и Армий о предоставлении к наградам командиров за форсирование водных преград.

9 сентября 1943 г. 02.00 м.

В ходе боевых операций войскам Красной Армии приходится и придётся преодолевать много водных преград.

Быстрое и решительное форсирование рек, особенно крупных подобных рекам Десна и Днепр, будет иметь большое значение для дальнейших успехов наших войск. В связи с этим Ставка Верховного командования считает необходимым довести до сведения командующих армиями, командиров корпусов, дивизий, бригад, полков, понтонных и инженерных батальонов, что за успешное форсирование крупных речных преград и закрепление за собой плацдарма для дальнейшего развития наступления командиры названных соединений и частей должны представляться к высшим правительственным наградам.

За форсирование такой реки, как Десна в районе Богданово (Смоленской области) и ниже, и равных Десне рек по трудности форсирования, представлять к наградам.

Командующих армиями — к ордену Суворова I степени.

Командиров корпусов, дивизий, бригад — к ордену Суворова II степени.

Командиров полков, командиров инженерных, сапёрных и понтонных батальонов — к ордену Суворова III степени.

За форсирование такой реки, как Днепр в районе Смоленска и ниже, и равных Днепру рек по трудности форсирования, названных выше командиров соединений и частей представлять к присвоению звания Героя Советского Союза.

Военным Советам фронтов и армий в течение суток с момента получения настоящей директивы ознакомить с ней командиров соединений и частей, названных в настоящей директиве.

СТАВКА ВГК

И. Сталин, А. Антонов».

Достаточно сказать, что за форсирование Днепра звания Героя Советского Союза были удостоены 47 генералов, 1123 офицера, 1268 сержантов и солдат. А всего 2438 Героев Советского Союза только за Днепр.

Много ли это или мало?

Об эффективности этой сталинской директивы свою версию рассказал Герой Советского Союза, писатель и очевидец событий В. Карпов: «Нужно сказать, это обещание действительно возымело своё действие, и очень многие командиры и рядовые с удвоенной энергией били отступающего врага и стремились выйти к Днепру, переправиться через него и заслужить эту высокую награду...

Я помню, такое массовое присвоение высшей награды породило разговоры о том, что вроде бы не все были достойны золотых звёзд. Уж очень много сразу появилось Героев! Раньше это звание присваивалось за очень трудный подвиг, часто связанный с гибелью его совершившего. Всегда имелось в виду что-то невероятно трудное, почти невыполнимое, сверхъестественное. А тут вдруг сразу две с лишним тысячи героев...

Считаю необходимым сказать: так могут рассуждать только люди, которые не представляют, что значило тогда форсировать Днепр и закрепиться на противоположном берегу. Сам по себе Днепр — очень широкая водная преграда. Выходили на его берег первыми группки разведчиков, небольшие подразделения,

которые, опережая своих и противника, вырывались вперёд. Их было мало. Они не ждали подкреплений, у них не было штатных переправочных средств. Переправлялись на тот берег кто на чём: снимали заборы в посёлках, делали связки из брёвен, досок, бочек, находили рыбацьи лодки...»

И тем не менее была некая разнарядка, по которой не всегда герои становились Героями!

Однако Василий Филиппович никак не попадает в это число, ведь он рисковал своей жизнью так, как ни при каких обстоятельствах не имел права этого делать. Как командир дивизии! Словом, только счастливая звезда могла привести его к званию Героя Советского Союза, которое ему было присвоено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 марта 1944 года: «За умелое управление войсками при форсировании р. Днепр и овладении г. Херсон, проявленные при этом инициативу, настойчивость и личную храбрость...»

Медаль «Золотая Звезда» полковника Маргелова имела номер 3414, а орден Ленина, вручаемый вместе с ней, номер 17 023.

А ещё это была самая большая слава Василия Филипповича, заслуженная слава на передовой, рядом со своим солдатом, в нарушение всех писаных и неписаных законов и уставов. Но именно такими бывают настоящие командиры, которые в итоге становятся подлинными военачальниками.

10 апреля 1944 года была освобождена Одесса. Только в боях за этот город, а до него ещё и Николаев дивизия Василия Филипповича уничтожила, как говорит один из архивных документов: «солдат и офицеров противника — 592, взято в плен — 43, пулемётов — 36, орудий разного калибра — 14, миномётов — 14, автомашин — 15, повозок — 50. Захвачено — орудий разного калибра — 7, винтовок — 237, автоматов — 54, пулемётов — 23, автомашин — 981, тягачей — 24, тракторов — 31, паровозов — 6, железнодорожных вагонов — 843, складов разных — 9». Вместе с дивизией её командира наградят точно таким же орденом Суворова второй степени.

31 июля 1944 года на Маргелова оформляют очередной наградной лист на орден Красной Звезды — «за выслугу лет в Красной Армии 16 лет 9 мес.», которым он будет награждён 3 ноября 1944 года (№ 1 043 184). А в сентябре (13-го) этого же года комдиву присвоят воинское звание «генерал-майор».

«Свой героический вклад в разгром фашистов в Ясско-Кишинёвской битве внесла и 49-й гвардейская Херсонская стрелковая дивизия, — вспомнит генерал Маргелов. — 16 августа, находясь в резерве 3-го Украинского фронта, дивизия получила приказ двигаться вслед за успешно наступающими

частями. За восемь дней длительных, изнурительных маршей дивизия прошла более 400 километров, не вступая в непосредственное соприкосновение с противником. Дорога гористая, десятки спусков и подъёмов. Жара, неимоверная пыль. 20 августа дивизия вошла в состав 10-го гвардейского стрелкового корпуса и вместе с корпусом с 23 по 27 августа дивизия стояла в заслоне западнее Кишинёва против находящейся в Ясско-Кишинёвском котле 420-тысячной немецко-румынской фашистской армии, способствуя её разгрому и пленению, уничтожая разрозненные части и подразделения окружённой группировки противника, не давая им вырваться из окружения. В упорных ожесточённых боях наносили гвардейцы мощные удары по отчаянно сопротивлявшемуся противнику. Но те жаркие бои лета сорок четвёртого года, те бои под Шерпенами, Хуши, Бакэу — едва ли не самые памятные за всю мою полувековую службу. Обстановка была такая, что порою не сразу понимали, кто кого окружил: мы — немцев? Они — нас? Пришлось все дивизионные тылы держать на передовой. Даже медсанбат я посадил в один из полков — боялся, что фашисты вырежут... Не раз приходилось и лично мне со штабом отбивать нападения таких групп немцев. Бок о бок с нами отражали нападения противника и наши медработники, в том числе и моя гвардии капитан медицинской службы Анна Александровна — Анка, метко стреляя из личного пистолета, поразила несколько вражеских солдат.

Оглядываясь назад, скажу, что свою 49-ю из августа сорок четвёртого и сегодня целиком бы взял в десант — такая была дивизия...

В эти дни нашими войсками был освобождён Кишинёв. Но, хотя дивизия непосредственно в Кишинёв не входила, она активно способствовала успешному проведению Кишинёвской операции и закрепляла победу».

Ветеран Великой Отечественной войны В. В. Войцехович до сих пор помнит момент, когда впервые увидел легендарного В. Ф. Маргелова: «...такой резкий, порывистый, на одном боку «ТТ», надетый «по-морскому», на другом, большой, «революционный» «маузер», который он очень любил носить. Василий Филиппович был очень грамотный, боевой и решительный командир. Очень темпераментный, горячий, я бы даже сказал, что чересчур горячий. Бывали ситуации, когда как я считаю, нужно было действовать осторожнее, осмотрительнее. Человек лично очень смелый, взять хотя бы тот случай в конце войны, когда он взял «на понт» командование эсэсовского корпуса и принудил их сдаться. В штабе он не отсиживался, постоянно лично посещал

передовые позиции, и дисциплина в нашей дивизии была железная. И хотя как командир он был очень требовательный, а порой и нетерпимый, но мы его уважали и даже любили, потому что он заботился о своих подчинённых, и в первую очередь о солдатах».

О тяжёлых боях в Молдавии Владимир Викторович рассказывает следующее: «Вошли мы в Молдавию на самом юге, но как раз начался разлив Днестра и нас перебросили немного севернее. Причём, когда нас переводили, чтобы не тащить «лишние» мины, я отдал приказ открыть беглый огонь по немецким позициям. Так меня за это хотели наказать, но обошлось.

9 мая немцы начали сильное наступление на Шерпенском плацдарме, стремясь сбросить в Днестр 8-ю Гвардейскую армию Чуйкова. Положение ещё усугублялось тем, что против них наступала восстановленная 6-я немецкая армия, которая стремилась «рассчитаться» с Чуйковым за Сталинград. Видно для того, чтобы хоть как-то снизить немецкий натиск на Шерпенском плацдарме и отвлечь их, командарм нашей 5-й Ударной армии Цветаев решил имитировать наступление прямо напротив Кишинёва. 13 мая в районе села Кошница 203-я и 243-я дивизии почти без сопротивления продвинулись вперёд где-то на шесть километров. Всего этот «аппендицит» в длину имел где-то шестнадцать, а в ширину шесть — восемь километров, причём в «горловине» всего два с половиной — три километра. Но немцы ударили с флангов, и горловину этого «мешка» крепко «затянули». На выручку к попавшим в окружение срочно бросили две дивизии, нашу и 295-ю.

Но там место ровное как стол, ни бугорка ничего, зацепиться вообще не за что... А у немцев там было сосредоточено восемь артиллерийских полков, и их снаряды рвались на расстоянии метра друг от друга... Фактически это был просто расстрел... В первую атаку пошёл 149-й полк — половина полка полегла... Во вторую атаку уже пошли мы — ещё половина легла... Подошла танковая бригада Безношенко, и попыталась прорвать окружение, но все 53 танка немцы сожгли... Только пять танков осталось, и то только потому что они опоздали к началу атаки.

Тогда Маргелов сформировал штурмовые группы, которым ночью удалось ворваться в немецкие траншеи, и тут уже все навалились и прорвали-таки окружение.

Вывели все войска, вывезли всех раненых, но убитых там так и оставили, даже не похоронили... После войны учитель-историк из Кошницы Ватов работал в Центральном архиве ВС в Подольске и он установил, что за неделю тех боёв там погибло 3323

человека, и около десяти тысяч было ранено... В моей роте тогда погибло девять человек, и двенадцать было ранено, да я и сам там чуть навсегда не остался.

Пару дней не спал, вымотался совсем, и тут вдруг появилась возможность поспать. Я и два моих командира взвода легли в глиняном карьере в какую-то нору, вход в которую был всего сантиметров пятьдесят шириной. Это было днём, и мой ординарец Кибизов решил нас прикрыть от солнца, и завесил вход в пещеру плащ-палаткой. Немцы это заметили и выпустили по этой норе три снаряда. Потом мы посмотрели место, куда они вошли: в 30-ти, в 50-ти сантиметрах, а самый дальний в метре от входа в нору... Мне досталось больше всех: контузило, правда, не очень тяжело, но кровь шла из ушей, рта...

Там было ещё два таких момента. Когда ночью выводили из окружения войска, один из этих пяти танков в темноте упал в Днестр. Вместе с экипажем тогда погибли и два ГСС из 203-й дивизии: Шикунов и Корнеев, которые ехали на этом танке...

Там же, на плацдарме, на наших глазах был сбит наш истребитель, и упал рядом с нами. Из моей роты взяли солдат, чтобы выкопать и похоронить погибшего лётчика, но тогда это сделать не удалось, т. к. двигатель с кабиной ушли в землю на шесть метров...

За эту операцию нашего командарма Цветаева и ещё ряд командиров 20 мая сняли с должности, а командовать назначили Берзарина. И три месяца до начала Яско-Кишинёвской операции мы стояли во второй линии обороны за Днестром, занимались обучением новобранцев и дезинформацией немцев: строили деревянные макеты танков, пушек, всячески имитировали сосредоточение войск. А в августе пошли в наступление».

Что было дальше, рассказывал сам Василий Филиппович: «30 сентября после длительного горного марша части дивизии вступили в бой за деревню Шопотул-Нову. Противник стремился любой ценой удержать деревню за собой. Потеря этого пункта означала для немцев дальнейший отход и предоставление широкого маневра для наших войск. Западнее, в восьми километрах, начиналось плоскогорье. Неоднократные попытки наших частей взять Шопотул-Нову с фронта лобовой атакой успеха не имели.

Сразу после марша, на основе полученных дивизионной разведкой данных и короткого доклада начальника штаба дивизии, оценив сложившуюся обстановку, я принял решение использовать внезапность нашей дивизии для противника, а также выгодное направление атаки некоторых подразделений дивизии. Командиров полков я призвал действовать в тесном

взаимодействии с соседними частями и подразделениями, дерзко, инициативно, но на рожон не лезть.

Так, 1-й гвардейский стрелковый батальон 144-го гвардейского стрелкового полка по моему приказу вышел на западную окраину Шопотул-Новы и с тыла обрушился ураганным огнём на противника. Дело дошло до рукопашной схватки. Гвардейцы, следуя за своим командиром Чекаловым, беспощадно уничтожали фашистов и захватили Шопотул-Нову.

Немцы отошли, взрывая за собой мосты, минирруя дороги и делая завалы. Гвардейцы преследовали их по пятам, не давая сколько-нибудь закрепиться до рубежа Кэрбурнари, который представлял собой узел горных дорог.

У немцев в Кэрбурнари была очень выгодная позиция. Все подступы к населённому пункту просматривались и были хорошо пристреляны из пулемётных гнёзд и замаскированной артиллерией противника. Взять в лоб этот узел было трудно. Это привело бы к большим потерям личного состава. Поэтому я дал приказ обойти село и силами одного батальона атаковать одновременно с тыла и с фронта.

В дождливую тёмную ночь тот же первый батальон под командованием гвардии майора Чекалова полез на кручи, пробиваясь сквозь густые заросли леса. Пулемёты несли на себе, на руках катили пушки. Одновременно на других направлениях наступления дивизии велись отвлекающие действия специально выделенными усиленными полковыми группами в составе до роты. [...].

Многие солдаты, одетые в резиновые «постолы», скользили по мокрым камням, падали, вновь поднимались и всё-таки шли вперёд. В назначенный час батальон вышел в тыл укреплённого пункта и подал условный сигнал. Началась атака одновременно, как было приказано, с двух направлений. Гвардейцы Чекалова, прикрываясь огнём артиллерии и миномётов, ведя массированный огонь из пулемётов и автоматов, с криком «Ура!» стремительно продвигались вперёд.

Путь дивизии был расчищен. Полки бросились в яростную атаку... Противник пришёл в смятение, его оборона рассыпалась на отдельные очаги сопротивления, которые скоро были подавлены. Враг был полностью разбит...».

По воспоминанию В. В. Войцеховича, в Румынии серьёзного сопротивления дивизия Маргелова не встречала. «Проходили через Галац, переправились даже через Дунай в Болгарию, но почти сразу нас вернули, переправили катерами вверх по Дунаю и вошли в Югославию. Тяжёлые бои начались только на подходе к Белграду, а вот уже в Венгрии бои были очень жестокие».

В очередном представлении на Василия Филипповича к государственной награде всё это найдёт своё полное отражение.

«Гвардии генерал-майор Герой Советского Союза Маргелов... проявил себя волевым, тактически грамотным, инициативным, способным управлять боем соединения. На всём протяжении боевых операций... умело сочетал взаимодействие родов войск, обдуманно и правильно оценивал обстановку и силы противника, в результате чего выполнение боевых задач 49 гвардейской дивизией решалось успешно. 18 декабря 1944 года части дивизии с марша заняли исходное положение и 20.12.1944 года перешли в решительное наступление на заранее подготовленную глубоко эшелонированную линию «Маргарита», оснащённую до предела техникой и огневыми средствами. Умелым управлением дивизией в бою, сочетанием огневых средств с решительным действием гвардейцев пехоты, линия обороны противника 20.12.44 года была прорвана 49 гвардейской дивизией. Частями дивизии были заняты Каполнаш-Ниек, разъезд Петтенд, Ада, Бальом, Кэнэшэм.

22.12.1944 года противник силами до 10 тяжёлых танков перешёл в контратаку на боевые порядки дивизии с целью задержать наступление гвардейцев и отрезать тылы от пехоты. Гвардейцы не отступают, был подан голос гвардии генерал-майора Маргелова и 4 тяжёлых контратаки противника были успешно отбиты, рубеж удержан и продолжалось дальнейшее успешное наступление гвардейцев. К исходу 25 декабря 1944 года 49 гвардейская стрелковая дивизия под командованием гвардии генерал-майора Маргелова прошла с боями более 60 километров и заняла Пилишверевар, этим самым овладела важным узлом коммуникаций и прорезала последний путь — шоссеиную дорогу в северо-западном направлении от гор. Будапешт, по которой была единственная возможность противнику оттянуть технику и вооружение.

За проведённую наступательную операцию с 20.12 по 27 декабря 1944 года 49 Гвардейской стрелковой Краснознамённой ордена Суворова дивизии под командованием гвардии генерал-майора Маргелова освобождены населённые пункты и города: Каполнаш-Ниек, Петтенд, Бальо, Кэнэшент, Вереб, Ловашберень, Поганьке, Вертешача, Фельдше, Наталии, Фюсма, Табайл, Алчут-Фельлечут, Альшо, Дельцше, Бичке, Надьковата, Кирэ, Иэня, Плишсентывав, Пилишверишвар.

Погибло и уничтожено: танков — 17, самоходных орудий — 7, орудий разных калибров — 18, миномётов — 12, пулемётов — 10, транспортёров — 8, автомашин — 58, солдат и офицеров более 2500 человек.

Захвачено трофеев и взято в плен: солдат и офицеров —

1471 чел., снарядов и бомб — 5000, заводское оборудование — 4 железнодорожных эшелона, паровозов — 4, бронемашин — 13, гранат — 2000, пулемётов — 50, автоматов — 42, лошадей -106, танков — 15, самоходных орудий — 4, вещевых складов — 8, орудий — 34, складов с горючим — 2, автомашин — 87, мотоциклов — 9, складов с боеприпасами — 4, тракторов — 6, складов с продовольствием — 5.

За чёткое и умелое управление частями дивизии в бою, успешно совершённый прорыв линии «Маргарита», в результате чего были введены танковые соединения, расширяющие плацдарм наступающих частей Красной Армии, и дальнейшее успешное выполнение поставленных боевых задач по окружению венгерской столицы гор. Будапешт, проявленное при этом личное мужество и героизм в борьбе против немецко-венгерских войск гвардии генерал-майор Герой Советского Союза Маргелов вполне заслуживает Правительственной награды ордена «Ленина».

Известно, что этот орден Василий Филиппович так и не получил, что в принципе странно, учитывая его положение. Ведь не рядовым и не лейтенантом он был, а целым генерал-майором. Но видимо как человек незаурядный, волевой, с характером, он не «марался» по этой части, как это делали другие. Совершенно очевидно, что Василий Филиппович мог весьма просто «подсуетиться» и получать ордена без особых проблем, и даже чаще, чем это было. Но не в его правилах было так поступать. Собственно, это тоже объясняет его редкие награждения в годы войны. Чего уж тут говорить, если Маргелова иногда даже «забывали» награждать...

«Быстро схватывая обстановку, он предугадывал действия противника, вовремя проводил контрмеры, смело маневрировал силами и средствами с не атакованных участков, умело использовал артиллерию для ведения огня с закрытых огневых позиций и прямой наводкой. На участке, где возникла сложная ситуация, он незамедлительно выдвигался сам. Появление отважного командира в первой линии боевых порядков вселяло командирам и бойцам уверенность в успехе, воодушевляло их на самые решительные действия. Вдохновляла не только высокая и крепкая фигура комдива с маузером в руке, но и следовавший за её появлением массированный артогонь по противнику, ввод в бой сил, переброшенных с других направлений, резервов», — напишет о командире 49-й стрелковой дивизии генерал-майор М. И. Белов.

И это не удивительно. Стоит заметить, как рост в воинских званиях и в командирских должностях у Маргелова более чем соответствовал приобретаемому им боевому опыту, его знаниям,

умениям и навыкам. Ему не просто были присущи природный ум, хорошее знание военного дела, железная воля, решительность и упорство в достижении цели. Он всегда шёл на разумный риск, имея какое-то своё особенное чувство предвидения. Интуиция практически не подводила его. А самое главное заключалось в умении Василия Филипповича определять значимое в цепи событий и быстро ориентироваться в момент принятия решения. Ясно одно: всё это плюс необыкновенный талант и личный непререкаемый авторитет сформировали именно тот образ боевого генерала, который мы знаем сегодня. Генерала однозначно неординарного, каких во все времена было, прямо скажем, немного.

За годы Великой Отечественной войны Маргелов получил двенадцать благодарностей от Верховного Главнокомандующего Сталина за участие в освобождении и овладении рядом городов. Только в 1944 году таких благодарностей было объявлено пять: 13 марта — за участие в освобождении городов Берислава и Херсона, 28 марта — за участие в освобождении города Николаева, 10 апреля — за участие в освобождении города Одесса, 4 ноября — за участие в овладении городом Сольнок и 24 декабря — за участие в овладении городами Секешфехервар и Бичке.

В 1945 году семь: 13 февраля — за участие в овладении городом Будапешт, 25 марта — за участие в овладении городами Естергом, Несмей, Фельшегала и Тата, 3 апреля — за участие в овладении городами Мадьяровар и Кремница, 5 апреля — за участие в овладении городами Малацки, Брук, Превидзе и Бановце, 13 апреля — за участие в овладении городом Вена, 15 апреля — за участие в овладении городами Корнейбург и Флоридсдорф, 8 мая — за участие в овладении городами Яромержице, Голлабрунн и Штоккерау.

Уже незадолго до победы части и подразделения 49-й дивизии вступили в бой с эсэсовцами из дивизии «Мёртвая голова». Преимуществом противника стала не только заранее подготовленная оборона, но и сама местность — «ровная, как стол, и возвышающийся над равниной старинный замок, расположенный на холме с разбросанными вокруг домами небольшого австрийского городка» — Целлендорф.

Поэтому, несмотря на жестокий бой, взять его с хода никак не удавалось.

Первую скрипку в победе сыграл последний резерв комдива — учебный батальон, одной из рот которого всё-таки удалось зацепиться за окраинные дома. Вторую скрипку сыграют артиллеристы. Их подготовит непосредственно сам командир.

Василий Филиппович несколько раз проиграет в тылу с истребительно-противотанковым дивизионом предстоящую операцию на схожей местности. А потом по приказу комдива двенадцать орудий, развернувшись в цепь, на предельных скоростях рванутся к Целлендорфу. И развернувшись в боевых порядках, откроют огонь прямой наводкой по огненным точкам немцев. А третью скрипку сыграет пехота, воодушевлённая мощной и неожиданной поддержкой. Пройдёт всего несколько часов и город будет очищен полностью.

О Победе В. В. Войцехович узнал в дороге. «Я как раз ушёл из госпиталя в Будапеште и на попутках добирался в свою часть. Маргелов дорожил своими людьми и нас учил: «Подтирайте задницу госпитальным направлением, и самостоятельно добирайтесь в нашу дивизию», мы так всегда и делали. Вот по дороге в дивизию я и услышал о Победе. Трудно, наверное, даже невозможно словами передать какая у нас была радость... А когда я прибыл в дивизию, Маргелов мне так сказал: «О, Робин Гуд вернулся. Ну, иди, принимай свою роту. У него присказка такая была, он всех подчинённых называл Робин Гудами.

Но у нас война 9 мая не закончилась. Мы стояли возле местечка Кефермаркт, Прегартен, это чуть севернее Линца, и через наше расположение к американцам стремился вырваться эсэсовский корпус, в составе которого были знаменитые дивизии: «Мёртвая голова», «Викинг», «Полицай». Прихожу к себе в роту, старшина моей роты Соколов добыл где-то «Опель-капитан», и решил похвастаться: «Товарищ капитан, давайте я вас с ветерком прокачу». А дороги в Австрии отличные, он разогнался, и мы влетели в деревеньку... полную эсэсовцев. Но они видно уже готовились к сдаче в плен и отнеслись к нам лояльно, к тому же Соколов не растерялся, вышел и попросил у немцев бензин, хотя нам он был не нужен. Немцы нас заправили, и мы уехали, хотя всё это время я ждал очередь в спину...

Потом я, конечно, сказал Соколову пару ласковых...

И только потом, а это было уже 11 мая, к немцам на «Виллисе» лично отправился наш комдив Маргелов...».

А речь шла о том, что целых три эсэсовские дивизии, узнав о безоговорочной капитуляции, собирались прорываться в Австрию, к американцам. Поручили решение этого сложного вопроса Маргелову, находившемуся от места расположения немцев недалеко... И Василий Филиппович, как всегда, идёт на риск, отправляясь в сопровождении начальника штаба, начальника связи (более или менее владеющего немецким языком) и нескольких офицеров в логово опасного и ещё сильного врага. С собой у них было личное оружие и ещё по пулемёту и по ящику

гранат.

За ними следовала всего одна батарея 57-мм пушек.

Перед тем как отправиться на переговоры, Маргелов приказал командиру батареи:

— Установишь орудия на прямую наводку и, если я через десять минут из штаба фашистов не выйду, дашь залп!

Как вспоминает В. В. Войцехович, Маргелов «очень жёстко и решительно потребовал, чтобы они сдались в плен, ибо в противном случае, огонь всей артиллерии будет сосредоточен на них. Его угрозы подействовали, командир корпуса при нём же написал приказ о сдаче в плен, и немцы сдались без боя, и кто знает, сколько жизней наших солдат он спас... Те, кто был тогда с Маргеловым, рассказывали, что командир этого немецкого корпуса, старик лет шестидесяти, даже слезу пустил, когда подписывали тот приказ...

Когда немцы сдавали оружие, то наши солдаты начали отбирать у них часы, какие-то вещи, те заволновались, и тогда вмешался лично Маргелов, он это дело мигом прекратил, ведь он же обещал немцам сохранить все их награды, личные вещи».

Так без боя были взяты в плен 2 генерала, 806 офицеров и 31 258 солдат и унтер-офицеров. А кроме того, в качестве трофеев были захвачены: 77 танков и САУ, 5874 грузовых автомобилей, 493 легковых автомобилей, 46 миномётов, 120 пушек, 16 паровозов и 397 вагонов.

Именно при таких обстоятельствах и закончила войну 12 мая 1945 года 49-я гвардейская стрелковая дивизия блестящим бескровным пленением трёх отборных немецких соединений танкового корпуса СС.

«Май 1945 года, — пишет Б. Костин. — Маргелов расхаживает перед немецкими генералами. Гельмут Беккер, командир дивизии СС «Мёртвая голова», оставивший страшный кровавый след на советской земле, рядом с ним не менее известные генералы: командир дивизии «Великая Германия» и Полицейской дивизии СС. «Плунуть бы им в хари, а затем кулаком вмазать, по-русски», — произнёс Маргелов, а потом добавил: «Войне п...ц! Вот вам х... а не Россия! Ферштейн?» Последующий интернациональный жест, который продемонстрировал советский генерал со Звездой Героя на груди, не требовал перевода».

Дальнейшая судьба Маргелова распорядилась так, чтобы он попал на Парад Победы.

«Надо сказать, что из нашей дивизии в Параде участвовали десять человек, — вспоминает В. В. Войцехович, — хотя из других дивизий всего по одному-два... Авторитет у дивизии и лично у

Маргелова был громадный. Отбор был очень строгий: учитывались боевые заслуги, физические данные, и что немаловажно, склонность к злоупотреблению алкоголем. Поэтому у нас на Парад поехал ряд действительно заслуженных офицеров».

22 июня 1945 года в центральных газетах СССР был опубликован приказ Верховного Главнокомандующего № 370:

«В ознаменование победы над Германией в Великой Отечественной войне назначаю 24 июня 1945 года в Москве на Красной площади парад войск Действующей армии, Военно-Морского Флота и Московского гарнизона — Парад Победы.

На парад вывести: сводные полки фронтов, сводный полк наркомата обороны, сводный полк Военно-Морского Флота, военные академии, военные училища и войска Московского гарнизона.

Парад Победы принять моему заместителю Маршалу Советского Союза Жукову.

Командовать Парадом Победы Маршалу Советского Союза Рокоссовскому.

Общее руководство по организации парада возлагаю на командующего войсками Московского военного округа и начальника гарнизона города Москвы генерал-полковника Артемьева.

*Верховный Главнокомандующий, Маршал
Советского Союза И. Сталин».*

«Впервые мысль о необходимости провести Парад Победы высказал Сталин, — напишет Герой Советского Союза, известный писатель В. Карпов. — Вечером Жуков прибыл в кабинет Сталина («Приходите в восемь часов»). Здесь шло к концу совещание, начальник Генерального штаба Антонов докладывал расчёты о сосредоточении войск на Дальнем Востоке для боевых действий против Японии. В кабинете присутствовали адмирал флота Кузнецов, начальник тыла Красной Армии Хрулёв и ещё несколько генералов, которым предстояло заниматься практически подготовкой большой войны.

Вопрос был решён, помолчали и вот тут Сталин безотносительно к предыдущему разговору сказал:

— Не следует ли нам в ознаменование победы над фашистской Германией провести в Москве Парад Победы и пригласить наиболее отличившихся героев — солдат, сержантов, старшин, офицеров и генералов?

Присутствующие поддерживали бы любое предложение Сталина, но это всем пришлось по душе, мысль эта как бы витала в воздухе, всем казалось и хотелось как-то празднично и громко отметить победу...»

Само решение о проведении Парада Победы было принято Сталиным 24 мая 1945 года.

«Я участник Парада Победы, здесь мне не нужно копаться в архивах и расспрашивать очевидцев, с первых дней, когда стали съезжаться участники парада и до торжественного марша на Красной площади, я всё видел своими глазами, — продолжает рассказ В. Карпов. — По составленному в Генеральном штабе расчёту каждый фронт формировал один сводный полк и по одному сводному полку представляли Военно-Морские силы и Военно-Воздушный флот. Что значит сводный полк? Это временное формирование, которое отбиралось из разных частей от фронта. Самые достойные фронтовики, добывавшие победу, — офицеры, сержанты, рядовые, независимо от рода войск — пехотинцы, артиллеристы, танкисты и так далее. Как воевали вместе, так и пойдут плечом к плечу. В первую очередь отбирали Героев Советского Союза и кавалеров орденов Славы трёх степеней, а затем других отличившихся в боях по количеству наград.

Полки эти начинали заниматься строевой подготовкой ещё в расположении фронта, а потом перевозились в Москву и продолжали тренироваться здесь. В дни этих занятий всем участникам парада была выдана или сшита новая парадная форма и новая обувь.

Вечером участников парада возили в театры, в концертные залы и в цирк.

В эти же дни они встречались с рабочими на заводах, с учёными и писателями, со студентами и школьниками, в различных коллективах и обществах, где рассказывали, как они шли к победе.

В Генштабе, ещё при составлении расчёта, встал вопрос — в каком порядке пойдут полки торжественным маршем мимо правительства на трибуне Мавзолея. Было предложение вроде бы логичное — открыть парад должен 1 Белорусский фронт, бравший Берлин. Но сразу же возник другой не менее резонный вопрос — 1 Украинский фронт тоже брал Берлин. Ну и если говорить о победе, то её добывали все фронты и все участники Великой Отечественной войны, начиная с пограничников, которые первыми встретили врага 22 июня 1945 года.

Тогда, чтобы никого не обижать, решили проходить в том порядке, в каком дрались на полях сражений, то есть на самом

правом фланге Карельский, затем Ленинградский, Прибалтийский и так далее. Это было справедливо и снимало претензии и кривотолки. Всего в каждом полку набиралось до 1000 человек, шли по двадцать фронтовиков в ряду. Впереди строя знаменщики-герои, они несли 363 боевых знамени наиболее отличившихся соединений и частей. Впереди знамён должно идти командование во главе с командующим фронта. Но на тренировках маршалы со своими полками не ходили, руководили и тренировались генералы чинами пониже.

После фронтовых полков шли войска Московского гарнизона: академии, училища и вызывавшие общие улыбки одобрения суворовцы и нахимовцы.

Вот в таком порядке мы тренировались на центральном аэродроме, теперь здесь аэровокзал. Лётное поле было размечено белыми линиями в точном соответствии с размерами Красной площади и порядком построения участников. Вместо Мавзолея стояла временно сколоченная трибуна, обтянутая красной тканью. Тренировались мы ночами, подъём в три часа, умылись, оделись и на аэродром. Кому близко — пешим порядком, кому далеко — везли на машинах».

Другой участник парада, Гали Галиев, также до сих пор помнит эти дни: «Участники парада приехали в Москву за месяц до торжества. Фронтовиков приводили в порядок и тренировали. Скидок не было никому. Орденосцы, Герои Советского Союза по восемь — десять часов в сутки отрабатывали строевую — ноги поднимать на 40 см, носки тянуть, руки поднимать до уровня плеча, взгляд фокусировать на уровне второго этажа... А нас, московских курсантов, начали готовить к параду раньше, чем других, до того ещё, как объявили Победу. Тренировались несколько месяцев по 4–6 часов в день. За двенадцать дней всех участников вывезли на репетицию на центральный аэродром, где флажками обозначили контуры Красной площади. Мы шагаем, шагаем, а маршал Жуков всё недоволен. Наконец, он произносит по-доброму: «Убирайтесь» и уже громче: «Освободите площадь!». Это была высшая похвала, которая означала, что тренировки закончены».

Заказ на пошив парадной униформы для участников Парада Победы на Красной площади был размещён на московской фабрике Большевичка...

Василию Филипповичу Маргелову пошили двубортный мундир сукна-кастора цвета морской волны. По качеству сукна, цвету и конструкции он напоминал генеральский мундир русской армии времён Николая II.

Этот мундир имел отрезной лиф, два ряда больших

форменных золочёных пуговиц (по шесть в ряду), стоячий воротник, рукава с прямыми обшлагами, фигурную спинку с отрезными бочками и двумя фалдами, на которых размещались треугольные листочки с большими форменными пуговицами. Воротник мундира, имеющий закруглённые концы, по краю обшивался кантом из приборного сукна установленного для рода войск цвета и имел золотое или серебряное шитьё в виде канта и ветки из лавровых листьев.

Воротник мундира застёгивался на металлический крючок.

На обшлагах мундира были такие же канты и шитьё, как на воротнике.

Парадный пояс к мундиру был тканым из позолоченных мишурных нитей и шёлка, с тремя продольными рядами просновок из чёрных, зелёных и красных нитей с прокладкой из хлопчатобумажной ленты, застёгивался на крючок и петлю, прикрытые муфтой из поясной ленты.

В этой совершенно новой генеральской форме генерал-майор Маргелов и принял участие в Параде Победы как командир одного из сводных полков.

К 9 часам 24 июня трибуны заполнились, а войска замерли в ожидании команды...

«Напряжение росло по мере приближения торжества, — вспоминает другой участник этого парада, генерал армии В. Варенников. — Оно было сходно с тем чувством, которое приходилось испытывать на передовой во время артиллерийской подготовки — вот всё ближе тот миг, когда надо броситься в атаку. Или наоборот, когда на тебя обрушивается шквал огневых ударов артиллерии противника, знаешь, что вот-вот он бросится в атаку и надо, собрав все силы, отразить ожесточённый натиск врага».

Ровно в 10 утра бьют куранты... «Парад, смирно!», — звучит долгожданная команда.

Парад принимает Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, а командует парадом Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский. Первый проехал на коне терской породы светло-серой масти по кличке Кумир, а второй на коне чистокровной верховой караковой масти по кличке Полюс. Они совершили объезд войск...

И, несмотря на дождь, который лил в этот день над Москвой, несмотря на отмену воздушной части и прохождения колонн трудящихся столицы, парад состоялся, оставшись в памяти народа как самый великий в истории нашего Отечества.

Вот первым идёт сводный полк барабанщиков-суворовцев, а за ним сводные полки фронтов... Впереди каждого —

командующие фронтами и армиями, Герои Советского Союза несут знамёна прославленных частей и соединений... Оркестр исполняет очередной марш...

Вот марш сводных полков завершает колонна солдат, нёсших 200 опущенных знамён и штандартов разгромленных немецких частей. Под барабанную дробь их бросают на специальный помост у подножия Мавзолея Ленина. Первым летит туда личный штандарт Адольфа Гитлера...

Глава 6

ВДВ в годы войны (Навстречу Маргелову)

Известному советскому, российскому писателю Борису Васильеву в годы Великой Отечественной войны некоторое время довелось послужить в воздушно-десантных войсках. Встреча с десанниками, общение с ними, парашютные прыжки — время для Бориса Львовича поистине незабываемое.

«В восемь утра я прибыл в Монино, — напишет он в своих воспоминаниях. — Спросил у патруля, как мне пройти в штаб полка, притопал по указанному адресу, объяснил дежурному, что направлен к ним в полк, и был допущен к самому исполняющему обязанности командира полка майору Царскому.

В большой захламленной и невероятно прокуренной комнате — бывшей учительской, поскольку штаб располагался в школе — сидело и лежало десятка два людей самого растерзанного вида. Офицеры и сержанты были одинаково тяжелы с беспробудного похмелья, на столе среди объедков хлеба, колбасы, солёных огурцов и капусты валялись пустые бутылки.

Я доложил по всей форме здоровенному одесскому биндюжнику в распахнутой настежь гимнастёрке со Звездой Героя, кто я, откуда и зачем прибыл.

— Пехота?

— Так точно!

Так я сам себя определил в пехоту, а посему был, с точки зрения десантного командования, обязан заниматься караулами, разводами, построениями, ночными поверками часовых — словом, всей пехотной суетой. Мне это было привычно, караульную службу я знал, а об уставах и говорить не приходится. Впрочем, о них никто и не вспоминал. Полк только приступил к формировке на основе чудом выживших из боевого сброса десантников, которым пока ещё было не до того, чтобы заниматься поступавшим пополнением. Они ещё переживали чудо собственного спасения, горячку скоротечных боёв и гибель товарищей. Я их понимал, выполнял всю повседневную рутинную текучку строевой жизни, но как же я им завидовал! Даже на роль «выпить подано». Мечты были почти безгрешными: я просто хотел послушать их рассказы, ещё не понимая, что десантники, побывавшие в боевых сбросах, больше всего на свете не любят рассказов о том, что с ними случалось по ту сторону фронта.

До десантников на этом месте формировался мотострелковый полк, оставивший нам свои запломбированные гаражи. Поскольку они были запечатаны, мы караулов к ним и не выставляли, но я всё же спросил угнетённого неразберихой капитана-интенданта, что там хранится. Он сказал, что на баланс 8-го воздушно-десантного полка никто этих гаражей не передавал, а потому мы за них и не несём никакой ответственности. Тогда я, недолго думая, сорвал пломбы и проник в гараж.

В гараже стояли законсервированные грузовые трёхосные машины ГАЗ. А на носу была зима, и я посмотрел, чем же они заправлены, и если водой, то самое время её слить.

Машины были заправлены антифризом. Я осторожно попробовал его и не ошибся. Это был наш антифриз, которым мы заливали машины, начиная с Финской войны. Вода, спирт и сколько-то там глицерина. И это был пропуск в десантное общество, потому что они к тому времени уже выпили всё, что было. Я разыскал добрую четвертную бутылку, наполнил её антифризом и, выпросив на кухне луковицу, явился в штаб.

Там царило уныние. Дела не было, выпивки тоже.

— Чего тебе? — со вздохом спросил гвардии майор Царский.

Я молча поставил на захламленный стол полную четверть.

— Это что?

— Антифриз.

— Отравить хочешь?

— Угостить хочу. — Я плеснул в стоявшую на столе кружку. — Только запить надо.

Господа офицеры мне тут же наполнили вторую кружку. Я неторопливо выпил антифриз и, не вдыхая, запил его водой.

— Что-то в нём есть от десантника, — объявил майор Царский, и все стали двигать ко мне кружки и стаканы. Но когда я налил и стакан, опять их пронзило некоторое недоверие. Оно основывалось на том, что сквозь грязь и муть стекла всё же просвечивала синева напитка.

— Денатурат, — пояснил я. — Есть простой способ осветления.

И положил в стакан очищенную луковицу. Напиток стал светлеть, а луковица наливаясь густой синевой. И я был принят в заветный круг полковой элиты.

Нет, нет, я не приобрёл никаких льгот, по-прежнему разводя и проверяя караулы. Но я был допущен в их общество, а когда они узнали, что я — окруженец сорок первого, то этот допуск утратил спиртовой дух навсегда.

Правда, одну льготу я всё же получил. Мне выдали очень

хороший комбинезон. Не меховой, разумеется, а ватный, но он мне очень пригодился, когда начались прыжки».

С началом войны, несмотря на свою многочисленность, советские парашютисты в основном воевали как обычная пехота. Сказались огромные потери самолётного парка в первые недели войны, а также неумение планировать и осуществлять крупные десантные операции.

«В первые дни войны воздушно-десантные корпуса действовали как стрелковые соединения в составе фронтов в Прибалтике, Белоруссии и на Украине, — сообщается в книге «Советские воздушно-десантные». — Одновременно часть сил этих соединений была использована для действий в тылу врага.

Первая парашютная операция состоялась 14 июля 1941 г. под Могилёвом. Здесь в районе деревни Горки авиаразведка обнаружила на поле примерно 300 немецких танков, стоявших в ожидании подвоза горючего. Рано утром с 4-х самолётов ТБ-3 была произведена выброска роты в количестве 64-х человек из состава 214-й бригады ВДВ. Десантирование происходило в условиях хорошей видимости, позволившей немцам своевременно обнаружить самолёты, летевшие на высоте 600 метров, и открыть зенитный огонь. Некоторые парашютисты погибли или получили ранения прямо в самолётах. Но большинство смогло прыгнуть. Завязался бой с превосходящими силами немецкой пехоты и экипажей танков. В этих условиях задача была выполнена частично: удалось поджечь не более 20–30 танков и автомашин. Спустя двое суток в распоряжение своих войск вышли 34 парашютиста. Остальные погибли либо попали в плен».

Через несколько дней похожая операция была проведена на Юго-Западном фронте. С целью нарушения коммуникаций противника и уничтожения артиллерийских складов, оставленных нашими войсками при отходе, было сброшено несколько подразделений 104-й и 212-й воздушно-десантных бригад общей численностью до 300 человек. После выполнения боевой задачи в распоряжение своих войск вернулась небольшая часть десантников.

Следующий воздушный десант был осуществлён в ночь на 22 сентября 1941 года под Одессой.

«Там в результате наступления немецких и румынских войск город и порт оказались в пределах досягаемости огня артиллерийских батарей в восточном секторе. Требовалось срочно подавить вражескую артиллерию, а затем снова отбросить противника от города. С этой целью был разработан план комбинированной операции. Пехотные части гарнизона должны были провести наступление из города в направлении села

Свердлово. Непосредственно перед началом сухопутного наступления корабли должны были провести артобстрел района села Григорьевка в тылу противника и высадить там морской десант. А за 30 минут до начала высадки морского десанта предполагалось выбросить один взвод парашютистов (23 человека) в районе деревни Щицли, где находился узел связи противника. Удачный выбор места для десантирования и времени (тёмная ночь незадолго до рассвета) обеспечили исключительный успех операции. Парашютисты перерезали несколько линий телефонной связи между войсками и уничтожили один командный пункт. Возникли паника и неразбериха, сильно затормозившие начало действий по отражению морского десанта. Его высадка произошла почти без потерь. В течение всей ночи командование 15-й румынской дивизии не могло понять, откуда атакуют советские войска — с моря, воздуха или со стороны Одессы по земле, а главное — какими силами? Утром парашютисты соединились с моряками, на следующий день к ним подошли пехотные части. В результате этой интересно задуманной и успешно осуществлённой операции были разбиты части двух румынских дивизий, они отступили на 5–8 километров, вся дальнобойная артиллерия противника оказалась в руках советских войск».

О следующих операциях ВДВ пишет В. Гончаров: «30 сентября 1941 года ударом 2-й танковой группы Гудериана из района севернее Конотопа на северо-запад началось новое наступление на Москву. Уже 2 октября передовые части немецкого 24-го механизированного корпуса, пройдя около сотни километров, захватили Дмитровск-Орловский, расчленили ослабленную бесплодными наступательными боями последней декады сентября и не успевшую занять оборону группу генерала Ермакова и вышли на тыловые коммуникации 3-й и 13-й армий Брянского фронта. На пути ударной группировки противника организованных войск больше не было, и советское командование вынуждено было использовать все возможности, чтобы приостановить продвижение противника к Мценску и Туле хотя бы на несколько дней. Для этого было решено использовать 5-й воздушно-десантный корпус полковника И. С. Безуглого, дислоцированный возле Ярославля. Уже 3 октября началась переброска частей корпуса на угрожаемое направление. Первая группа десантников была высажена на аэродроме Орла, но противник уже ворвался в город, здесь начались тяжёлые бои, поэтому следующие подразделения пришлось высаживать на аэродроме Оптуха между Орлом и Мценском.

Всего за два дня, 3 и 4 октября, в район боёв по воздуху были

доставлены две воздушно-десантные бригады общей численностью 5440 чел., а также 12,5 тонны груза — десять 45-мм орудий, миномёты, пулемёты, мотоциклы и другое военное снаряжение. Переброска осуществлялась на 40 самолётах ТБ-3 и 20 машинах ПС-84, каждый самолёт совершил по 3–4 вылета. Десантники выполнили свою задачу — совместно с бойцами 36-го мотоциклетного полка из резерва Ставки они задержали продвижение ударных группировок противника вдоль шоссе Орёл — Тула и дали возможность сформировать на угрожаемом направлении из срочно переброшенных резервов 1-й гвардейский стрелковый корпус Д. Д. Лелюшенко. Среди прочих соединений в его состав вошли и остатки 5-го воздушно-десантного корпуса.

Однако действительно активно советские воздушно-десантные силы РККА стали применяться только после начала контрнаступления под Москвой. Уже 15 декабря 1941 года к юго-западу от города Клин в тылу отступавших немецких войск был выброшен парашютно-десантный батальон из состава 214-й воздушно-десантной бригады в количестве 415 человек, которым командовал капитан И. Г. Старчак. Батальон оседлал единственное шоссе, ведущее из Клина на Теряеву слободу и далее к Волоколамску. Полностью блокировать путь отступления клинской группировки противника на Волоколамск не удалось, но итогом диверсионных действий парашютистов, согласно донесению командира батальона, стало уничтожение 29 мостов, 48 автоцистерн, 2 танков и не менее 400 солдат противника.

Использовались парашютисты и во время Керченско-Феодосийской десантной операции в декабре 1941 года. Согласно первоначальному плану за несколько часов до высадки морского десанта в Феодосии воздушный десант должен был захватить аэродром у станции Владиславовка в 15 километрах от города. Затем сюда предполагалось перебросить истребители для воздушного прикрытия переброски войск морем. Однако высадка 44-й армии в Феодосии была перенесена с 26 на 29 декабря, а воздушный десант в составе одного парашютного батальона под командованием майора Няшина был выброшен только 31 декабря — и не у Владиславовки, а севернее, у берега Сиваша в районе косы Арабатская стрелка. Батальон должен был перекрыть пути отхода немецких войск с Керченского полуострова по Арабатской стрелке на север.

Операция готовилась руководством воздушно-десантных войск РККА и, судя по всему, при отсутствии должного контакта с командованием 44-й армии, в оперативное подчинение которой парашютисты должны были перейти только после высадки. Десантники сбрасывались с самолётов ТБ-3 ночью при низкой

облачности с высоты 450 метров и оказались разбросаны на большой территории. Утром 31 декабря они захватили и уничтожили артиллерийскую батарею противника, а позднее соединились с частями 44-й армии».

Здесь следует лишь добавить то, о чём не сказал В. Гончаров.

Разбросанность десантных групп в сочетании с их решительными действиями, в сущности, дезориентировали противника о силах десанта, создав у него впечатление крупной десантной операции. Обходя заслоны и опорные пункты противника, десантники всё же вышли к Ак-Монаю, а собравшись вместе пошли в атаку. Кроме артиллерийской батареи, они уничтожили вражеский гарнизон, а затем перешли к обороне захваченного района, сочетая её с вылазками диверсионных групп на вражеских коммуникациях.

На сегодняшний день известно, что новые взгляды на использование воздушных десантов нашли отражение в изданных в 1941 году «Положении о ВДВ» и «Руководстве по боевому применению воздушно-десантных войск Красной Армии». Именно в этих документах было чёрным по белому написано: ВДВ являются средством Верховного Главнокомандования. Так, рассказывая про опыт управления воздушными десантами в годы войны, Я. Самойленко в одном из номеров «Военно-исторического журнала» пишет: «Для выполнения задач в тылу противника решением Ставки ВГК отдельные соединения и части ВДВ могли переподчиняться командующим войсками фронтов или использоваться централизованно под непосредственным руководством командующего ВДВ. Эти положения легли в основу деятельности командиров и штабов всех степеней в ходе организации управления воздушными десантами. Конкретные формы и способы управления последними зависели от целей и задач фронтовой операции, в интересах которой применялся воздушный десант; задач самого десанта; его состава; обстановки в районе предстоящих боевых действий и времени, отводимого на подготовку десанта к боевым действиям».

Самой крупной воздушно-десантной операцией советских войск в годы Великой Отечественной войны считается Вяземская воздушно-десантная операция или операция Красной Армии по высадке десанта в тыл немецких войск в ходе Ржевско-Вяземской наступательной операции.

Ржевско-Вяземская наступательная операция началась 8 января 1942 года с целью окружения и разгрома части сил немецкой группы армий «Центр». На первоначальном этапе операции Красная Армия добилась определённых успехов. В результате наступления войск Калининского и Западного

фронтов немецкая оборона была прорвана на нескольких участках. Чтобы содействовать наступающим войскам, советское командование решило выбросить десант южнее Вязьмы с задачей перерезать автодорогу Вязьма — Юхнов и железную дорогу Вязьма — Брянск.

Решение на проведение Вяземской воздушно-десантной операции было принято Ставкой ВГК в январе 1942 года.

Как пишет Я. Самойленко: «Задача командующему ВДВ генерал-майору В. А. Глазунову, вызванному в Ставку ВГК вместе с начальником штаба ВДВ генерал-майором авиации П. П. Ионовым и командующим ВВС генерал-лейтенантом авиации П. Ф. Жигаревым, была поставлена 15 января.

Ему были указаны: цель воздушно-десантной операции, состав воздушного десанта, исходный район для десантирования и срок готовности к десантированию. Выполнение задачи возлагалось на 4-й воздушно-десантный корпус, передаваемый в оперативное подчинение командующего войсками Западного фронта. План воздушно-десантной операции был совместно разработан штабами ВДВ и ВВС к исходу 16 января. В плане указывались: цель, замысел и этапы операции; состав воздушного десанта, его численность и вооружение; состав авиации, привлекаемой для переброски десанта в тыл противника, прикрытия его в исходном районе для десантирования и в полёте, а также поддержки в ходе боя в тылу противника; мероприятия по подготовке и ведению операции, их сроки и исполнители; вопросы организации пунктов управления и связи, а также материально-технического, медицинского и тылового обеспечения...

Штаб воздушного десанта в свою очередь совместно с командиром авиационно-транспортной группы отрабатывал план десантирования. Командование корпуса разработало план выброски разведывательно-диверсионных групп. Параллельно отдавались предварительные боевые распоряжения.

К недостаткам планирования Вяземской воздушно-десантной операции следует отнести то, что в нём не принимал непосредственного участия штаб Западного фронта, в интересах которого применялся воздушный десант. Это привело к тому, что вопросы ведения боевых действий частями десанта и взаимодействия его с войсками фронта не нашли должного отражения в плане операции и были решены в общем виде, так как штаб ВДВ полными данными об обстановке в полосе наступления Западного фронта не располагал.

Операцию предполагалось начать 21 января 1942 года.

17 января командующий ВДВ генерал-майор В. А. Глазунов

отдал командиру 4-го воздушно-десантного корпуса полковнику А. Ф. Левашову устное боевое распоряжение о сосредоточении 8,9 и 215-й воздушно-десантных бригад соединения в районе Калуги в готовности к десантированию в тыл противника 21 января.

Однако этот срок оказался нереальным. В связи с тем что разрушенный фашистами железнодорожный мост через Оку в районе города Алексин не был окончательно восстановлен, корпус к указанному числу не смог полностью сосредоточиться в исходном районе для десантирования, а тем более подготовиться к нему.

Поэтому начало операции было перенесено на вечер 27 января.

24 января командир 4-го воздушно-десантного корпуса получил приказ командующего войсками Западного фронта генерала армии Г. К. Жукова, в котором указывалось: «Тов. Левашову. Задача: 26–27.1 высадить корпус и занять рубежи согласно карте. Цель — отрезать отход противника на запад».

Боевая задача до командиров подразделений была доведена за сутки до погрузки в самолёты. Личный состав был ознакомлен с ней в исходном районе для десантирования. При этом использовались специально подготовленные макеты местности предстоящих действий. Командиры подразделений добивались, чтобы каждый десантник глубоко понимал свою задачу и задачу своего подразделения, твёрдо знал, как он должен действовать в случае приземления в стороне от намеченного района, наизусть запомнил наименование населённых пунктов, характерные ориентиры и их взаимное расположение на местности. Все вопросы, связанные с десантированием, в звене корпус — бригада были согласованы со штабом транспортной авиации до начала десантирования».

«Первая группа десантников в составе 201-й воздушно-десантной бригады и 250-го стрелкового полка была высажена в тыл немецких войск южнее Вязьмы в период с 18 по 22 января. Высадка производилась в ночное время, причём 250-й стрелковый полк был высажен посадочным способом. Перехватив коммуникации противника, десантники способствовали наступлению 33-й армии и 1-го гвардейского кавалерийского корпуса.

В конце января в тыл немецких войск прорвался 1-й гвардейский кавалерийский корпус под командованием генерала П. А. Белова. Обозначилась возможность окружения немецкой группировки. Чтобы не допустить

отхода противника из намечавшегося окружения, советское командование решает выбросить десант в районе Вязьмы с задачей перерезать железную и шоссейную дороги Вязьма — Смоленск. 27 января началась выброска 4-го воздушно-десантного корпуса в район деревни Озеречня. Из-за недостаточного количества транспортных самолётов высадка частей корпуса производилась поочерёдно, начиная с 8-й воздушно-десантной бригады. Немецкая авиация активно противодействовала советским войскам. В результате её налётов на аэродромах была уничтожена часть самолётов, предназначенная для транспортировки десанта. В сложившейся обстановке советское командование вынуждено было приостановить операцию. Тем не менее к 1 февраля в указанный район было десантировано три батальона 8-й воздушно-десантной бригады общей численностью 2497 человек, а также 34,4 тонны грузов. Сама выброска прошла неудачно: большая часть грузов была потеряна, а люди рассеяны на большой площади. В результате после приземления в место сбора вышли только около 1300 человек. Несмотря на все трудности, десантники приступили к активным действиям в тылу врага и попытались выполнить поставленную задачу, то есть перерезать немецкие коммуникации западнее Вязьмы. За несколько дней им удалось вывести из строя отдельные участки железной и автомобильной дорог, овладеть рядом населённых пунктов и разгромить штабы нескольких немецких частей».

(«Википедия».).

А вскоре 8-я воздушно-десантная бригада оказалась в окружении.

«К середине февраля в районе Вязьмы сложилась крайне тяжёлая обстановка. Частям Красной Армии не удалось окружить немецкие войска и бои приняли затяжной характер. Советское командование решило высадить главные силы 4-го воздушно-десантного корпуса западнее Юхнова с задачей перерезать варшавское шоссе и в дальнейшем соединиться с частями 50-й армии. Высадка 9-й и 214-й воздушно-десантных бригад происходила в ночное время с 16 по 24 февраля. За этот период в районе Желанья было

выброшено 7373 человека и 1525 туюков с боеприпасами, вооружением, продовольствием и другим имуществом. Высадка происходила при активном противодействии немцев. 23 февраля самолёт с командиром корпуса был обстрелян, в результате чего генерал-майор А. Ф. Левашёв погиб. В командование корпусом вступил начальник штаба полковник А. Ф. Казанкин. На земле корпус встретил сильное сопротивление немецких войск. Несмотря на это, десантники прошли в немецком тылу 20–22 км и 28 февраля вышли на рубеж, указанный для встречи с 50-й армией. Однако войска армии не смогли прорвать немецкую оборону, и 4-й воздушно-десантный корпус перешёл к обороне».

К слову сказать, части 4-го воздушно-десантного корпуса во взаимодействии с частями кавкорпуса генерала Белова вели боевые действия в тылу врага до июня 1942 года.

Считается, что почти за шесть месяцев войны десантники прошли по немецким тылам около 600 км, уничтожив около 15 тысяч солдат и офицеров противника.

Всего же за годы войны советское военное командование применяло более 50 воздушных десантов различного состава и предназначения.

Летом же 1942 года начался процесс расформирования всех воздушно-десантных корпусов. Так, в книге у Ю. Ненахова написано: «Примерно три четверти их личного состава, управление и части корпусного подчинения направлялись на создание гвардейских стрелковых дивизий (из расчёта одна дивизия на один корпус). Из сформированных таким образом в шестидневный срок (!) десяти дивизий девять направили на Сталинградский, а одну — на Северо-Кавказский фронт. Оставшиеся силы оставались в кадрах ВДВ — на их основе в будущем предполагалось развернуть ряд воздушно-десантных корпусов (третьего, а в некоторых случаях уже четвёртого формирования), но фактически они использованы для укомплектования вновь создаваемых гвардейских воздушно-десантных стрелковых полков».

«На этом боевой путь «классических» советских ВДВ практически завершился, — констатирует автор. — За исключением крайне неудачных Вяземской (1942) и Днепровской (1943) операций советские десантники в своём настоящем качестве практически не применялись. Личный состав вновь сформированных осенью 1942-го восьми воздушно-десантных корпусов и трёх маневренных воздушно-десантных бригад, как

правило, наиболее хорошо подготовленный и отличившийся в бою, в конце года был направлен на укомплектование создавшихся гвардейских воздушно-десантных стрелковых полков, аналогичных по своей организации и численности гвардейским стрелковым полкам. Наименование «гвардейский» было присвоено всем вновь формируемым частям в порядке признания выдающихся заслуг их предшественников в кампаниях 1941–1942 годов и в качестве аванса за боевые заслуги в будущем. Гвардейские полки изначально предписывалось использовать в качестве ударных пехотных частей на наиболее ответственных участках фронта с сохранением возможности их использования при проведении воздушно-десантных операций. Например, три бригады вновь сформированного (уже в четвёртый раз — после его преобразования в 38-ю гвардейскую стрелковую дивизию) 4-го вдк, находившегося в Тейковских лагерях, были превращены в полки. Кроме того, формировался артиллерийский полк и до десяти отдельных батальонов и рот».

Борис Львович Васильев прекрасно помнит свои первые прыжки...

«Начались они, как только стали прибывать кандидаты в десантники, а это случилось быстро. Нас сразу же освободили от всех караульных и прочих строевых обязанностей, и мы в ещё не по штатам укомплектованном составе приступили к ежедневной и весьма жёсткой программе подготовки завтрашней воздушной пехоты.

Больше всего меня угнетало не долгое подвешивание на парашюте с командами: «Солнце в глаза», «Ветер сносит влево» или, скажем, «Ускорить планирование, впереди — лес», а обязательные прыжки с трёх трамплинов на пути в столовую — высотой в полтора, два и три метра. Грунт под ними был утоптан до бетонной твёрдости, но для того чтобы попасть на завтрак, обед и ужин, каждый потенциальный десантник должен был спрыгнуть с каждого из трамплинов по крайней мере хотя бы раз (это — в лучшем случае). В лучшем потому, что за прыжками внимательно наблюдал инструктор по приземлению, который, присев на корточки, смотрел, как приземляется каждый из нас. А приземляться следовало на обе ступни одновременно и ни в коем случае не на носки, а только на полные ступни разом. А если он обнаруживал, что кто-то схитрил и приземлился на носки сапог, то тут же отсылал ослушника на повторный прыжок. Правильное — с точки зрения инструктора — приземление отдавалось ударом во всё тело, что поначалу, тяжело в нём и отзывалось. Инструктор был беспощаден, и я долгое время, пока не привык, ходил с постоянной тупой болью внизу живота.

Боялся ли первого прыжка с парашютом? Конечно, боялся, это естественно. Теоретически я знал, что привязан фалом к самолёту, что фал вытащит вытяжной парашютик, который, в свою очередь, извлечёт из ранца и основной парашют. Но то — в теории, а на практике перед вами — бездна.

Однако оказалось, что боязнь эта носит массовый характер, поскольку заранее были предусмотрены меры борьбы с нею. Не успела вспыхнуть лампочка, сигнализирующая, что мы — над целью сброса, как возле двери нашего «дугласа» выросли крепкие сержанты, которым вменялось в обязанность просто-напросто выбрасывать очередного десантника из самолёта. Меня они выбросили тоже, хотя я к тому моменту оглох от стука сердца в собственных ушах.

Я летел к земле, ничего не видя и, кажется, мало что соображал. Ужас подкатывался к горлу, но тут меня рвануло за плечи, и падение резко замедлилось.

И пришло состояние небывалого восторга. Я парил над землёй, я с огромным любопытством разглядывал её снега, заметённые деревни и кривые русские дороги. И от этого никогда доселе не посещавшего меня восторга я горланил во всё горло...

Мы совершили по шесть прыжков, в том числе четыре с полным снаряжением и два — ночных. Правда, ночь была относительной, потому что снега отражали неизвестно откуда идущий свет и я видел, куда приземляюсь.

Всё шло удачно. Я удачно приземлялся, удачно гасил парашют, удачно скатывал его и волок к месту сбора. И так шло до первой половины марта.

16 марта 1943 года наш взвод подняли по тревоге, когда было ещё темно. В оружейной комнате выдали снаряжение из запечатанных отсеков, и мы поняли, что сброс будет боевым.

Это знали и бывалые оружейники. Помогая каждому подогнать одежду и оружие, они после обязательного приказа «попрыгать» молча клали руку на плечо.

Мы грузились в уже прогретые и готовые к старту «дугласы» в сером предрассветном полумраке. В первой — командир с полувзводом, во второй — я со своими восемнадцатью бойцами. И не успели как следует рассестись на узких боковых скамьях, как самолёты пошли на взлёт.

В «дугласах» было тесно и холодно. Кажется, мы молчали, не помню. Помню, только что я собрался заговорить, покопавшись в памяти и подобрав что-то смешное, как зажглась лампочка над кабиной пилотов, а возле дверей появились рослые фигуры выбрасывающих.

— Приехали, — сказал я, встал и, как положено, первым

пристегнул кольцо фала к тросу.

Тогда я как-то не сообразил, что прилетели мы слишком уж быстро. Я тогда вообще мало что соображал, но когда меня приятно поддёрнуло открывшимся парашютом и никто по мне не стрелял, я подумал об этом, но как-то мельком, что ли. Было холодно, я только успел порадоваться, что у меня — ватный комбинезон (ребята прыгали в неуклюжих ватных штанах), как понял, что сейчас приземление. Внизу дул резкий ветер, и я, упав на бок, сразу же отстегнул парашют, чтобы меня не уволокло. Тут же вскочил на ноги и оглянулся.

До сих пор мне порою снится эта точка моего первого боевого приземления. Низменный заледенелый берег какой-то речки, на котором дугами торчали ещё не вытявшиеся вершинками лозы, и я крикнул ребятам, чтобы смотрели под ноги. Чуть левее горел то ли город, то ли большое село, откуда доносилась редкая стрельба орудий.

Никого из моих подчинённых никуда не отнесло, и хотя солнце ещё не показалось, ледяная поверхность отсвечивала достаточно, чтобы всех пересчитать и не прибегать к свистку. А когда они собрались, трижды коротко свистнул командир: «Все ко мне!»).

Но я уже знал, как нам бежать. Противоположный берег был обрывист, и под этим обрывом я и решил провести своих бойцов к командиру.

Сказал:

— За мной. Тихо и не отставать.

Это было последнее, что я тогда сказал. Я бежал впереди под обрывом и только завернул за поворот, как перед глазами сверкнула яркая вспышка.

И больше я ничего не помню. Ничего...».

Каневский десант, проведённый осенью 1943 года при форсировании Днепра, считается последней крупной операцией советских воздушно-десантных войск.

«Развивая наступление на Левобережной Украине, передовые части Воронежского фронта к 20 сентября на ряде участков вышли к берегу Днепра, опередив при этом отступающие немецкие войска, — пишет об этой операции В. Гончаров. — 22 сентября части 3-й гвардейской танковой армии и отдельные подразделения 40-й армии начали переправляться на правый берег реки в районе села Великий Букрин. Противник сопротивления не оказывал, но основные силы советских армий тоже отстали и могли подойти в этот район не ранее 29 сентября. В то же время немецкие войска, спешно отводимые за Днепр, начали возводить по его высокому левому берегу сильно

укреплённые позиции. Однако по донесениям воздушной разведки, в излучине Днепра между Ржищевым и Каневым значительных сил противника не имелось, и прочная оборона пока создана не была.

В этих условиях командование Воронежского фронта решило для дальнейшего развития достигнутого успеха и расширения букринского плацдарма высадить севернее его в районе города Канева воздушный десант в составе 1-й, 3-й и 5-й воздушно-десантных бригад, специально для этой цели переданных фронту из резерва Ставки. Все три бригады были сведены в воздушно-десантный корпус под командованием заместителя командующего воздушно-десантными войсками И. И. Затевахина. Штаб корпуса был сформирован из офицеров штаба командующего ВДВ. Непосредственное руководство операцией было возложено на командующего ВДВ РККА А. Г. Капитохина и его заместителя по авиации генерал-майора М. П. Спирина, руководство авиационным обеспечением осуществлял начальник штаба ВВС РККА. Для высадки десанта из состава авиации дальнего действия (АДД) было выделено 150 бомбардировщиков Ил-4 и Б-25 «Митчелл» из состава 101-го полка АДД под командованием В. Гризодубовой, а также 180 транспортных Ли-2. В свою очередь, авиация ВДВ выделила 10 машин Ил-4 для выброски снаряжения и лёгких орудий, буксировщиков планеров, а также 35 десантных планеров А-7 и Г-11. [...].

Организация операции, несмотря на прямое руководство из штаба воздушно-десантных войск (а, возможно, именно благодаря ему), оказалась из рук вон плохой. Воздушная разведка не выявила сосредоточение в намеченном районе высадки подтянутых из тыла 7-й танковой и 73-й пехотной дивизий противника.

Наличие здесь 19-й танковой, 10-й моторизованной и 167-й пехотной дивизий, уже блокировавших плацдарм, учтено также не было. Отчасти это произошло из-за переноса времени высадки — первоначально она была намечена на 21 сентября, однако сосредоточение бригад в районе Богодуховского аэроузла из-за перегруженности железных дорог удалось завершить только к 24 октября.

Перед десантированием офицерами из штаба ВДВ были составлены специальные таблицы, по которым строились расчёты на загрузку людей и техники, распределения их по машинам, графики вылетов и возвращений. В целях секретности передовые части на Букринском плацдарме должны были получить извещение о высадке десанта только после её осуществления. Более того, даже личный состав 5-й вдбр узнал о цели и задачах

операции лишь в 16.00 24 сентября, за полчаса до посадки в машины. Стоит ли говорить, что никаких специальных тренировок перед высадкой не проводилось?

Далее начались сплошные неурядицы: вместо намеченных планом 65 транспортных машин под посадку было подано только 48, а четыре бензозаправщика появились лишь за полчаса до вылета. В итоге вылет первого эшелона пришлось отложить на полтора часа. Второй эшелон в воздух вообще не поднялся, так как выяснилось, что на аэродром не подвезли горючее. Поэтому следующие группы десантников вывозились на отдельных самолётах по мере заправки их топливом. В итоге из состава 5-й вдбр было десантировано только два неполных батальона — чуть более 1000 человек, после чего горючее на аэродроме исчезло окончательно.

Высадка 3-й вдбр, осуществлённая через сутки, была организована несколько лучше. Правда, самолётов под посадку ей тоже было подано меньше, чем предполагалось планом, а в самый последний момент выяснилось, что изношенность машин не позволяет им брать штатное количество груза. Многие Аи-2 могли поднять только 15–18 парашютистов или мягких парашютно-десантных мешков — вместо положенного по штату минимума в 20 единиц. В результате в таблицы десантирования пришлось вносить срочные изменения.

За ночь с 25 на 26 сентября транспортные машины совершили 296 самолёто-вылетов, при этом 13 машин с десанниками вернулись на свои аэродромы, не найдя района высадки, два самолёта высадили десантников в глубоком тылу противника, ещё один — в собственном тылу, а один сбросил парашютистов прямо в Днепр. Оказалось, что пилоты транспортной авиации не имеют никакого опыта сбрасывания парашютистов — ссылаясь на сильный огонь зенитной артиллерии, они осуществляли выброску с высот более 1000 метров вместо 600–700 метров по нормативам. К тому же высадка производилась на чересчур высокой скорости. В результате 4575 высаженных бойцов 3-й вдбр оказались разбросаны на очень большой площади, а артиллерия (45-мм орудия) сброшена вообще не была.

Но самые главные трудности начались после высадки. Выяснилось, что командир 3-й бригады полковник П. Гончаров взял с собой в самолёт начальника штаба (хотя правилами им рекомендуется лететь на разных машинах), однако забыл захватить рацию! Несмотря на большое количество радиостанций, в некоторых самолётах их не оказалось вообще, зато в других — по три и даже шесть штук. Многие радисты остались без раций, а

рации — без радиостов. Батареи радиостанций сбрасывались отдельно от них, и часть раций просто оказалась без питания. Вдобавок высадка происходила на территории, где уже сконцентрировались войска противника.

В итоге части 3-й и 5-й воздушно-десантных бригад оказались разбросаны мелкими группами на огромной территории, в основном южнее предполагаемой зоны высадки. Значительная часть из них погибла, некоторые группы, пользуясь радиостанциями, сумели установить контакт и объединиться, однако связь со штабом фронта командиры этих отрядов наладить не смогли из-за отсутствия кодов. Командиры же бригад оказались без раций и полностью утратили руководство своими подразделениями.

Не имея никаких сведений от десанта, штаб фронта в ночь с 27 на 28 сентября отправил в район высадки три связных группы с радиостанциями, но ни одна из групп никого из десантников не нашла. Посланный днём 28 сентября самолёт У-2 был сбит противником над линией фронта. [...].

В целом можно констатировать, что Каневская воздушно-десантная операция провалилась — в основном по вине командования ВДВ из-за вопиющих организационных ошибок и отсутствия у штабных офицеров реального опыта руководства боевыми частями».

Великая Отечественная война для советских ВДВ закончилась в августе 1945 года, когда более 4000 десантников после высадки на аэродромах Харбина, Гирина, в Порт-Артуре и на Южном Сахалине полностью парализовали действия японской армии.

Историческая справка

Наиболее характерными задачами, решавшимися воздушными десантами в годы Второй мировой войны, были:

— содействие наступавшим сухопутным войскам в увеличении темпов наступления, глубины операции, сокращении сроков её проведения;

— обеспечение форсирования в высоком темпе водных преград путём захвата плацдармов, переправ, мостов и удержание их до подхода сухопутных войск (десант союзников при форсировании р. Рейн в районе Везель в марте 1945 г.);

— оказание помощи сухопутным войскам и силам флота в захвате важных военно-политических центров, аэродромов, крупных железнодорожных узлов, портов, а также срыв мобилизации и развёртывания войск противника, дезорганизация

тыла страны (десанты фашистской Германии в Норвегии, Голландии, Дании);

— содействие высадке на побережье морских десантов путём захвата плацдармов, выгодных рубежей на них, воспреещение подхода резервов противника к участкам высадки (десант США на остров Сицилия 10 июля 1943 г., десанты союзников в Нормандии в июне 1944 г. и на юге Франции в августе 1944 г., немецкий десант в районе г Нарвик и др.);

— захват крупных островов, имевших важное стратегическое значение (Критская воздушно-десантная операция в 1941 г.).

Глава 7

Пути Господни неисповедимы

В 1946 году генерал-майор Маргелов был зачислен в Высшую Военную академию имени К. Е. Ворошилова. Как раз в этом году академия под руководством Героя Советского Союза генерала армии М. В. Захарова перешла на двухгодичный срок обучения.

Безусловно, на момент поступления Василий Филиппович имел богатейший боевой опыт. И вот теперь ему было необходимо получить соответствующие знания и освоить сложнейшие науки высшего военного искусства.

То, что ему предстояло знать по окончании академии Генерального штаба, оговаривалось в приказе самого И. Сталина: «...хорошо знать основы боя корпуса, технику и тактику родов войск и уметь организовывать взаимодействие всех сил и средств корпуса в бою;

...изучить организацию и проведение армейской операции, уметь применять в ней артиллерийские, танковые, авиационные соединения и материально обеспечивать операцию;

...изучить решающие операции Великой Отечественной войны, этапы развития военного искусства;

...знать организацию, тактику и оперативное искусство иностранных армий;

...знать основы оперативной подготовки приграничного округа к войне и основы отмотилизирования военных округов;

...совершенствовать знания одного из иностранных языков...».

Сама академия первоначально располагалась на Кропоткинской улице города Москвы, где слушатели получали исключительно знания. А вот временным пристанищем для них стали Чернышевские казармы, со своими длинными коридорами и тесными, разделёнными фанерными перегородками каморками. Словом, так учились и жили будущие советские военачальники после войны... Учились, как и заведено, по группам численностью всего в 12 человек.

Учился Маргелов так же энергично и упорно, как всегда воевал и командовал. В этом даже и нет никакой тени сомнения. Вдумчиво, вкрадчиво, упорно он постигал все академические науки и темы по курсу. Ежедневно и много он работал над расширением своих знаний. При этом Василий Филиппович не мог не произвести впечатления на своих преподавателей. Например, он образцово отрабатывал все штабные документы,

отлично владея графикой и отличаясь хорошим ведением рабочей карты. Хорошо разбирался в оперативной обстановке, проводил оперативные расчёты и делал правильные выводы.

Принятые им решения всегда отличались обоснованностью и решительностью при проведении их в жизнь.

Но свой суровый маргеловский характер ему пришлось проявить и на экзаменах. На защите дипломной работы Василий Филиппович поспорил со старым генералом-профессором («никогда не нюхавшим пороха») — «чья дивизия сильнее — наша или американская?» Генерал-майор Маргелов утверждал, что наша сильнее, а вот старый генерал сильнейшей называл дивизию супостата. В результате за спор со старшим оценка была снижена на один бал...

Как вспоминают его сыновья, «экзамены по оперативному искусству и военной истории (то есть по основным предметам) сданы им на «отлично», а вот на государственных экзаменах получил оценку «хорошо».

«Тов. Маргелов, дисциплинированный, волевой, решительный и в строевом отношении хорошо подготовленный генерал. Обладает усидчивостью и напористостью в работе. Здоров. Политически и морально устойчив. Скромный в быту и хороший товарищ...

Вывод: «Достоин занятия должностей командира стр. дивизии или зам. начальника штаба армии», — подчёркнуто в выпускной аттестации Василия Филипповича.

Известно, что в феврале 1948 года его вызвали на приём к Министру Вооружённых Сил.

Б. Костин утверждает в своей книге, что Булганин Н. А., а именно он был Министром, уговаривал боевого генерала согласиться с назначением в ВДВ на дивизию. Впрочем, его сыновья также утверждают: «Предварительно Василий Филиппович в беседе с представителем Главного Управления кадров уже высказал своё пожелание продолжить службу в Вооружённых Силах и не где-нибудь, а именно в Воздушно-десантных войсках — уж очень ему запали в душу боевые гвардейцы-десантники, сражавшиеся бок о бок с его гвардейцами 49-й дивизии в Венгрии и в Австрии в 1944–1945 годах. Слушатели академии на занятиях и во время самостоятельной подготовки часто спорили о формах и способах ведения современных войн и войн ближайшего будущего. Активное участие принимал в этих спорах и генерал Маргелов».

«Со слов отца, одновременно с ним Н.А. Булганин пригласил ещё одного генерала, тоже Героя Советского Союза... Рассказал генералам о Воздушно-десантных войсках, об их славном боевом

прошлом, о том, что партия и правительство приняли решение развивать этот сравнительно молодой род войск.

«Мы верим в них, — подытожил свою речь Николай Александрович, — и считаем необходимым укрепить их боевыми генералами, отличившимися в годы Великой Отечественной войны. Как ваше мнение, товарищи?».

Тот, второй генерал, начал жаловаться на раны, полученные на фронте, сказал, что, мол, врачи-де не рекомендовали ему совершать парашютные прыжки. В общем, отказался от предложения министра.

Генерал Маргелов, имевший множество ранений за три войны, в том числе и тяжёлые, да ещё в ноги, задал в ответ единственный вопрос:

— Когда можно отправиться в войска?

— Сегодня же, — ответил Н.А. Булганин и крепко пожал ему руку».

Следующей была беседа с самим командующим ВДВ генерал-лейтенантом А. Ф. Казанкиным. Как раз в штабе ВДВ, который тогда размещался напротив Петровского дворца на Ленинградском шоссе в барачного типа здании, служил полковник И. И. Лисов, однокашник по Белорусской военной школе. Он-то и заглянул в этот день в приёмную командующего.

«...В затемнённом углу сидел Василий Маргелов, — вспомнит он в девяностые. — Я его сразу узнал, хотя прошло много лет. Вид у него был далеко не бодрый.

Я подошёл к нему со стороны, глянул на генеральские погоны и Геройскую Звезду и, чуть оробев, подумал — как ему представиться. И решил:

— Товарищ старшина! Помощник командира второго пулёмётного взвода Иван Лисов — он же начальник оперативного отдела штаба Воздушно-десантных войск! Здравия желаю!

Он удивлённо поднял голову, узнал меня сразу, обхватил за плечи, и мы крепко при всех расцеловались!

— Ваня, дорогой ты мой, наконец встретились! Давно ты здесь? Что делаешь?

— Да нет, Вася, всего год. А ты к нам на работу? Выйдем в коридор, там свободнее.

Когда мы оказались один на один, он спросил:

— Что это у вас за войска: лётчики не лётчики, пехота не пехота? Может, пока не поздно, сослаться на слабость здоровья и рвануть к своим сухопутчикам? Этот номер у меня вполне пройдёт, ведь много ранений имею, да и жена Анка — капитан медицинской службы, такую болезнь придумает, что ни к небу, ни к воде меня близко не допустят, — улыбаясь, разглядывал меня

Маргелов.

Я пригласил его в свою рабочую комнату поговорить «про жизнь десантную».

— Напрасно, дорогой мой Маргелыч, расстраиваешься, я ведь хорошо тебя знаю по нашей курсантской жизни как сильного, волевого человека, инициативного, да ещё с партизанским характером. Наши войска для тебя или ты для них — находка! Поверь мне и не сомневайся.

— Однако, Ваня, у вас тут все «сигают» с неба. А для меня легче три раза в атаку сходить, чем с парашютом прыгнуть. Не по мне ваш «цирк».

— Ну зачем так говоришь — никто из нас ни парашютистом, ни десанником не родился, а вот побороли страх, не только привыкли, но и полюбили своё дело. Да и я всегда рядом буду — независимо, чем тебе командовать придётся — не подведу! Соглашайся, Василий Филиппович! А если немоготу будет, капитан медицинской службы тебя всегда сможет из-под купола парашюта вывести и в пехоту списать.

— Не слышал ли ты, Иван Иванович, куда и что мне могут предложить? — спросил Маргелов. — Надоело по углам да землянкам скитаться, ведь семья прочную базу требует.

— Не знаю, что конкретно тебе предложат, но сейчас для генерала твоего ранга есть должность командира дивизии и заместителя начальника штаба войск.

— Ты за кого меня принимаешь? — ошетинился он. — Я строевой офицер! Мне штаб противопоказан. Я был в своё время начальником штаба дивизии и понял: штабная служба не моё призвание, писать не люблю! Всю войну прошёл вместе с людьми, а тут воюй с бумагами. Не пойдёт!

— Пожалуй, ты прав. Штабная работа тебя не увлечёт, хотя в твоём академическом дипломе армейская профессия определена как командно-штабная. [...].

Я дождался возвращения Маргелова после беседы с Казанкиным. Вошёл он ко мне с просветлённым лицом и с ходу доложил:

— Можешь поздравить — уговорил старик и назначил командиром 76-й гвардейской Черниговской Краснознамённой воздушно-десантной дивизии».

Весьма интересно узнать, что свой отпуск после окончания академии генерал Маргелов использовал чрезвычайно своеобразно. Он принялся искать всю имеющуюся литературу про воздушно-десантные войска. И здесь ему можно было только посочувствовать. Какие-то труды и издания 30-х годов были давно преданы забвению. Какие-то брошюрки дать абсолютно ничего не

могли. Но что-то Василию Филипповичу найти всё же удалось. Например, «Руководство по применению воздушно-десантных войск» и другое.

76-я дивизия только в начале 46-го года передислоцировалась из Германии в Советский Союз. В этом же году она была преобразована и в воздушно-десантную. Тогда же началось всеобщее овладение парашютно-десантной подготовкой.

Весной 47-го дивизия окончательно разместилась в Пскове, а проще говоря, в самой что ни на есть российской глубинке. В тяжёлое послевоенное время им приходилось терпеть неустроенный быт, отсутствие необходимого продовольствия, талонную систему и извечные очереди. Новые подчинённые Василия Филипповича проживали в бараках, а иногда и в армейских палатках. Комдиву повезло больше: он устроился в одной из комнат клуба дивизии.

«Трудное это было время: везде были следы недавно закончившейся войны, особенно страдало обустройство войск и жильё офицерского состава... — свидетельствует П. Ф. Павленко, начальник штаба 76-й вدد. — Материально-техническая база боевой подготовки фактически была на нуле. К тому же прежний комдив крайне мало занимался делом и отличался нерешительностью, пассивностью... Учёба в дивизии шла кое-как, организованность и дисциплина оставляли желать лучшего. Некоторые командиры частей и офицеры штаба дивизии увлекались личными делами, даже завели коров и свиней. Дивизия была одной из отстающих в ВДВ. Картина была удручающая».

К этому стоит прибавить травматизм и гибель солдат и офицеров в ВДВ.

Например, поступивший на снабжение в ВДВ парашют ПД-47, сшитый из паркалевого полотна, имел квадратную форму с усечёнными углами. Весил он все 16 килограммов, а площадь купола парашюта равнялась 71,8 квадратного метра. Для управления таким парашютом требовалась немалая сила, да и приземление со скоростью в 7 метров в секунду не обещало ничего хорошего от удара о землю. Десантники частенько приносили в жертву свои ноги.

Статистика 1948 года говорит о том, что тогда было совершено 67 325 прыжков при 12 отказах, которые закончились гибелью, а сотни человек получили травмы.

В общем, плелась в хвосте дивизия на тот момент, когда он её принял.

А начал комдив, по сути, со своего первого прыжка, не считая знакомства с дивизией и наведения элементарного порядка.

— Первый прыжок с парашютом — это большое и ответственное событие в жизни каждого человека, — говорил Василий Филиппович. — Совершить прыжок с летательного аппарата — это значит проявить смелость, мужество, волю. Как человеку, прошедшему три войны, этого мне ни у кого не занимать. Но так как я добровольно вызвался быть десантником, то понимаю всю серьёзность своего отношения к первому прыжку. Первый прыжок — это рождение парашютиста-десантника. И я готов сделать первый шаг в небо!

Офицер сказал — офицер сделал! Вскоре надели и подогнали парашют на комдива. А готовились к прыжкам вместе с ним ещё двое: старшина Н. Михалёв и полковник А. И. Зигаев. Начальник парашютно-десантной службы лично проверил правильность подгонки парашютов, затем определил очерёдность отделения от летательного аппарата, что называется по весу, и все направились к аэростату, в корзине которого разместились.

Маргелов прыгал вторым. На высоте 400 метров прозвучала долгожданная команда, и Василий Филиппович благополучно отделился и завис в воздухе под раскрытым куполом своего парашюта. Однако приземлился неудачно, повредив свою раненую ногу. В медсанбате ему наложили гипс и, как в далёком 41-м, выдали костыли...

Пройдут годы и, как всегда, с долей юмора Василий Филиппович скажет очередному корреспонденту:

— До сорока лет я смутно представлял, что такое парашют, мне и во сне прыжки не снились. Получилось это само по себе, а точнее, как положено в армии, по приказу...

Я человек военный, если нужно, готов хоть к чёрту в зубы. Вот так и пришлось, уже будучи генералом, совершить первый в жизни прыжок с парашютом. Впечатление, скажу вам, ни с чем не сравнимое. Над тобой открывается купол, ты паришь в воздухе как птица, — ей-богу, петь хочется. Я и запел. И тут же решил прыгнуть ещё раз. Но на одних восторгах далеко не уедешь. Заспешил, за землёй не следил, в итоге пришлось недели две ходить с перевязанной ногой. Получил урок. Парашютное дело — не романтика, но и огромный труд и безукоризненная дисциплина...

В парашютной книжке генерала Маргелова первый прыжок будет записан как совершённый 3 июня 1949 года. Но эта дата не соответствует действительности ввиду заполнения документа задним числом...

Тем не менее «символ человека, поборовшего врождённое чувство страха перед высотой и совершившего прыжок с парашютом, — знак парашютиста-десантника — Василий

Филиппович не снимал со своего генеральского кителя никогда, всегда носил его с гордостью», — напишут его сыновья.

А тем временем в маргеловской дивизии вовсю шла и боевая работа, и работа по обустройству личного состава...

— Многие из вас и ваших офицеров обросли мхом, живут по принципу «моя хата с краю», не болеют за дивизию, — простонародно говорил комдив на совещании. — А некоторые от безделья страдают «японской болезнью» — «хочу ещя»...

«Жизнь дивизии вскоре забила ключём, — вспоминает генерал П. Ф. Павленко. — Работали офицеры дивизии, не считаясь со временем. Новый комдив был настоящим «задающим генератором». Везде он успевал в течение дня побывать лично и увидеть, что и как делается, как командиры частей выполняют его указания и руководят учёбой.

Ещё до рассвета — на аэродроме, где готовятся десантники к прыжкам, затем — на площадке приземления, на стрельбище, тактических учебных полях.

Не прошло и месяца, как все солдаты, не говоря уж об офицерах, хорошо знали в лицо своего командира дивизии и говорили о нём с гордостью».

Кроме всего прочего, в Маргелове раскрылся дар архитектора. Об этом в своей книге пишет Б. Костин: «Конечно, в полном смысле листы, на которых был изображён дивизионный городок, на проектный шедевр не тянули, но идея была проста и, самое главное, жизнеспособна. Казармы полков — в одну линию, в другую — дома командного состава, на каждую часть — строевой плац, парашютно-десантный комплекс, столовая, полигон».

Серьёзное внимание уделялось и солдатскому здоровью: «Пустые кровати в полковых медицинских пунктах — признак командирской заботы. Хромающий солдат с мозолями или потёртостями на ногах — основательный повод для разговора с младшими командирами».

Возникла мысль и о возрождении полковой школы: «Маргелов, имевший за плечами значительный педагогический опыт, положил его в основу создания дивизионной школы по подготовке младших командиров».

А ещё Маргелов проявил себя на Военном совете Воздушно-десантных войск перед началом нового учебного года. Его выступление оказалось, как всегда, наиболее конкретным и деловитым: «— В 1948 году в дивизии было много чрезвычайных происшествий. Причина — низкая дисциплина, в том числе и командирская, исполнительская. Основные ошибки — слабая воспитательная работа с личным составом. Командование

дивизии разработало план, и я, как командир, от него не отступлю, недостатки и упущения будут устранены.

Мои соображения по огневой подготовке Воздушно-десантных войск. Решая схожие задачи, что и стрелковые войска, ВДВ имеют значительно меньше артиллерийских и миномётных средств. Предлагаю в программу по огневой подготовке включать только такие упражнения, которые необходимы для Воздушно-десантных войск, а если необходимо, то ввести новые, например стрельбу с воздуха по наземным целям. Если Военный совет мне разрешит, то к осенней проверке я подготовлю две роты...

Карбины, находящиеся на вооружении, — военного выпуска и требуют замены на автоматическое оружие.

Предлагаю ввести в воздушно-десантные дивизии разведывательный батальон, а в парашютно-десантных полках — разведроту.

В воздушно-десантной дивизии есть своя рота связи. Считаю, что эта рота со своими задачами в бою не справится.

Предлагаю ввести в штат воздушно-десантной дивизии батальон в составе: радиороты, телефонно-кабельной учебной роты.

Считаю необходимым лыжную подготовку в Воздушно-десантных войсках ввести как обязательную и снабдить войска доброкачественными лыжами.

Считаю совершенно необходимым ввести в программу групп командиров дивизий вопросы общевойсковой подготовки... такие, как ввод в бой механизированных армий, наступление стрелковой дивизии и корпуса с целью прорыва фронта противника.

Считаю совершенно необходимым ввести в состав воздушно-десантной дивизии третий полк, так как такая система оправдала себя на протяжении ряда войн.

Констатирую. Наши воздушно-десантные дивизии укомплектованы так, что примерно 30 процентов негодны к службе в ВДВ. Считаю такое положение неприемлемым. Вся дивизия до одного человека должна прыгать с парашютами.

Хочу передать Военному совету просьбу солдат и офицеров и лично мою просьбу о пересмотре формы одежды воздушно-десантных войск. Я предлагаю ввести авиационную форму, так как она является традиционной».

Такое вот выступление комдива, цитируемое в виде тезисов Б. Костиным, даже по сегодняшним меркам выглядит смелым. Василий Филиппович действительно был необычным генералом и командиром. Про таких говорят: офицер до мозга костей! Не иначе...

Буквально это подчёркивает и очередная аттестация на

командира 76-й ВДД: «С командованием дивизией справляется успешно. Большую заботу генерал Маргелов проявил в деле создания и улучшения материальной базы, боевой и политической подготовки и установлении культуры в быту солдат и офицеров. Парашютные городки дивизии, учебные классы по всем специальностям, стрельбище являются лучшими в корпусе и не раз ставились в пример другим. Столовые, склады, автопарки приведены в хорошее культурное состояние. Большую заботу генерал Маргелов проявил в создании благоприятных условий, боевой и политической подготовки учебных подразделений дивизии; подготовка их и быт — хорошие. Командирской подготовкой генерал Маргелов занимается успешно, не перекладывая её на других лиц. Свой штаб готовит умело; штаб дивизии, несмотря на явное несоответствие занимаемой должности НШ дивизии, генералом Марковым сколочен и подготовлен вполне удовлетворительно.

Программа парашютной подготовки дивизией как в 1948, так и в 1949 г. выполнена полностью. За 1949 г. дивизией совершено 39 855 прыжков с аэростата и самолётов.

При совершении прыжков в 1948 году катастроф в дивизии не было; в 1949 году произошла 1 катастрофа, в которой погиб 1 человек; тяжёлых травм от прыжков в 1949 году было 17. В текущем году под руководством и при участии генерала Маргелова были проведены тактические учения с фактической выброской и высадкой рот, батальонов и полков, штабные учения штабов дивизий и полков. Все учения организовывались лично генералом Маргеловым и проведены поучительно. При проведении занятий с офицерами на учениях с войсками генерал Маргелов успешно применяет опыт Отечественной войны и богатый личный опыт действий в тылу противника и знания, полученные в Академии.

Вступив в командование ВД дивизией, генерал Маргелов быстро, энергично, умело изучил ВД подготовку войск, штабов и офицеров. Лично совершил три прыжка, хотя по имеющимся последствиям ранения на войне прыгать не должен».

После такой аттестации в декабре 1949 года командующему воздушно-десантной армией ничего не оставалось делать, как только заключить: «К осени 1950 года... может быть выдвинут на должность командира воздушно-десантного корпуса» и поставить свою подпись.

Так генерал-майор В. Ф. Маргелов был зачислен кандидатом на должность командира воздушно-десантного корпуса. Последнюю подпись поставил председатель высшей аттестационной комиссии маршал Советского Союза А. М.

Василевский.

Но случилось это намного раньше установленного наверху срока — 15 апреля 1950 года.

37-й гвардейский воздушно-десантный корпус на тот момент находился в Приамурье. Время всё ещё было послевоенное, а значит, всё те же трудности: обустройство на пустом месте. Строили же, как правило, силами частей корпуса в суровых условиях амурских морозов. А людей нужно было не просто разместить, но и укрыть, а ещё и обогреть. При этом не снимались задачи и с боевой подготовки. Парашютные прыжки, тактические учения, стрельбы, освоение техники — осталось всё.

Кроме того, корпус оперативно подчинялся командующему 1-й Отдельной Краснознамённой армией, что только удваивало все возникшие проблемы разом. Ибо генерал-полковник Д. Д. Лелюшенко слыл военачальником специфическим: властным и деспотичным. Нередко решения принимал непродуманно, практически эмоционально, а служебные совещания превращал в издевательские экзамены по знанию уставов и технических характеристик бронетехники.

Оно и понятно, Дмитрий Данилович Лелюшенко был дважды Героем Советского Союза, с 1918-го до 1933-го служил исключительно в кавалерии, в том числе в 1-й Конной армии Будённого. Затем стал танковым командиром. В годы войны командовал армиями, в том числе и гвардейской танковой. Словом, власти ему было не занимать.

Вот и получалось, что комкор Маргелов буквально разрывался на части, выполняя не только свои прямые обязанности, но и проявляя удивительное дипломатическое искусство с целью ослабления напряжённой обстановки, исходящей от армейского руководства.

Жил Василий Филиппович скромно и здесь, занимая половину одноэтажного барачного типа строения напротив штаба корпуса. Всё отличие комкора заключалось в двухметровом дощатом заборе, которым оно было обнесено.

Кабинет генерала также не отличался изысканностью: «Кабинет полуосвещён, горит настольная лампа и одна лампочка под потолком. В довольно просторном кабинете два канцелярских стола, поставленных Т-образно, десятка полтора простых стульев по стенкам. В углу металлический сейф, на нём два шлакоблочных кирпича, по видимому, строительные образцы. Портрет Сталина в рамке. Скромное убранство кабинета говорило о том, что хозяин его не очень-то долго засиживается здесь и равнодушен к излишним украшениям».

Именно таким увидел кабинет Маргелова Алексей

Васильевич Кукушкин, назначенный после окончания Военной академии им. Фрунзе в штаб 37-го корпуса.

А вот перед ним и сам хозяин кабинета: «Посреди кабинета стоял генерал в гимнастёрке со звездой Героя, синих шароварах с лампасами и унтах. Стройная, ладная атлетическая фигура, подпоясанная генеральским ремнём без портупей. Приятное, если не сказать красивое, лицо славянского типа несколько портил шрам на щеке. Твёрдо сжатые губы и характерные складки указывали на решительный характер и волю».

Алексей Васильевич честно признаётся: «он мне понравился».

«Я чётко доложил, что прибыл для прохождения службы в штаб корпуса.

— Ты, академик, по-честному скажи мне — с желанием прибыл к нам или нет? — хриплым голосом спросил комкор.

— По правде, товарищ генерал, без всякого желания!

— Григорий Павлович, — обратился он к подполковнику в авиационной форме, сидевшему у приставного стола (позднее я узнал, что это был начальник ПДС корпуса Паньков Григорий Павлович), — ты посмотри на него! Ещё и гвоздя не забил, а тоже — не хочу у вас работать! Присылают нам всяких м...ов, будто у нас не десантный корпус, а румынский бардак!

Он нервно ходил по кабинету, торопливо затягивался папиросой и продолжал громко ругаться, не выбирая выражений.

Обозлённый таким поворотом разговора, к тому же с утра голодный, я резко прервав его, сказал:

— Товарищ генерал! Что Вы ругаетесь? Вы спросили меня, я Вам честно ответил. Но я Вам докладываю, что раз прибыл в корпус, значит, и работать буду добросовестно.

— Спасибо! Уважил... — насмешливо проговорил комкор и тут же задал мне в лоб другой, не менее провокационный вопрос:

— Скажи по-честному, водку пьёшь?

— Пью, товарищ генерал!

— Ну, вот, такую мать! Всех пьяниц к нам в корпус присылают. У нас своих выпивох, как цыган на ярмарке!

— Товарищ генерал! Выпиваю не часто, лишь по случаю и умеренно, — пытался оправдаться я.

— Пить не надо вообще и даже умеренно.

И, слегка улыбнувшись в сторону Панькова, добавил:

— Ну, разве что в праздники, да и то революционные... А прыгать будешь?

— Раз приехал в воздушно-десантный корпус, значит, и прыгать буду, — ответил я.

— Это уже лучше, — выдохнув струю дыма, сказал генерал.

— Теперь слушай, что надо знать десантнику, чтобы освоить

прыжок с парашютом. Во-первых, научиться укладывать его. Хорошо уложишь — на 50 процентов жив! Во-вторых, правильно отделиться от самолёта. Рот раскроешь — весь завтрак через задницу вылетит. Если отделишься коровой, обязательно что-нибудь да запутается, а если всё сделаешь правильно, на 50 процентов жив будешь!

Комкор ходил по кабинету и, рубя рукой воздух, продолжал:

— Я вот по-честному тебе, академик, скажу. Сам по два раза обе ноги ломал. Но вот теперь освоил и ничего... хожу. [...].

Так с благословения Василия Филипповича в тот памятный вечер началась моя десантная служба продолжительностью в тридцать четыре года», — вспоминает А.В. Кукушкин.

«Волевой, честный, инициативный, исключительно трудолюбивый и дисциплинированный командир, — будет подчёркнуто в очередной аттестации на В. Ф. Маргелова. — Иногда бывает вспыльчив. В отдельных случаях не продумывает вопросы до конца. Физически здоров. В морально-политическом отношении устойчив. Пользуется достаточным авторитетом.

Партии Ленина — Сталина и Социалистической Родине предан.

Вывод: Корпус боеготов к выполнению боевых задач».

Кто знает, каких физических и моральных сил это стоило Василию Филипповичу!

За период обучения 1950/1951 год его корпус получил посредственную оценку. За период обучения 1951/1952 год войска корпуса удостоились оценок: 13-я воздушно-десантная дивизия — удовлетворительно, 98-я воздушно-десантная дивизия — хорошо, 99-я воздушно-десантная дивизия — удовлетворительно.

На первый взгляд это в основном обыкновенные тройки. Но это не совсем так. Тройка для такого военного организма, как корпус, оценка положительная. Ибо надо долго прослужить в армии, чтобы усвоить правильное понимание оценок.

При этом в той же аттестации одна и та же рука укажет: «В 1952 году значительно повысилась парашютно-десантная подготовка. Во всех частях успешно проведены ротные, батальонные и полковые учения с практическим десантированием.

В частях корпуса заметно улучшился воинский порядок, однако ещё имеется значительное количество чрезвычайных происшествий и воинских правонарушений, непосредственно влияющих на воинскую подготовку.

Состояние боевой техники и вооружения в корпусе

удовлетворительное, но в содержании автотранспорта имеются существенные недостатки.

Уют и благоустройство войск созданы удовлетворительно».

Учитывая весь план работ, проделанный комкором с момента своего назначения на эту должность, можно отметить, что это абсолютно великие заслуги при скромном их «летописце».

Сам же генерал-майор Маргелов никогда не изменял себе и своему характеру.

В пятьдесят третьем в 98-й дивизии его корпуса произошло чрезвычайное происшествие. Один солдат, по-мальчишески обидевшись на своего командира роты за то, что тот обещал ему за хорошую службу отпуск и не дал его, находясь в карауле, напился и в таком состоянии решил убить обидчика-офицера. Те из командиров, кто пытался с ним говорить, ничего не смогли сделать. Дошла очередь до командира дивизии. Не получилось разговора с пьяным солдатом и у него. Тогда он докладывает о происшествии комкору и просит разрешения, «во избежание ненужных жертв применить по солдату оружие на поражение».

— Ждать меня, выезжаю сам на место происшествия! — ответил генерал Маргелов.

«Приехав на место, генерал Маргелов увидел, что пьяный часовой спрятался и не подпускает к себе никого, повторяя угрозы застрелить любого, кто к нему приблизится, — пишут его сыновья. — Солдаты его полка залегли кольцом вокруг поста, готовые открыть огонь. После доклада о происшествии командир корпуса приказал всем оставаться на местах, а сам направился... прямо к Сидорову. Комкора упрасивали не подходить к солдату, мол, лучше его застрелить — ведь убьёт же!

Таминдаров Х. Ш. вспоминает, что у Маргелова был бельгийский пистолет, и он медленно приближался к солдату, заложив руки за спину. Но это не соответствует тому, что рассказывал отец. Если при нём и был пистолет, то только не в руках.

Приблизившись к солдату метров на двадцать, генерал Маргелов спросил: «Знаете ли Вы меня?» Солдат ответил утвердительно: «Да, знаю, Вы командир корпуса ВДВ». Комкор ответил, что это очень приятно, и спокойным голосом сказал: «Положи автомат и подойди ко мне». Однако солдат срывающимся голосом попросил не подходить, а то застрелит. «Я на посту и могу убить!» — почти простонал он. Позже генерал Маргелов сказал своим начальнику отдела кадров и начальнику политотдела Аксёненко: «Когда солдат сказал, что знает меня, я почувствовал — психика его не нарушена».

А в тот момент генерал Маргелов, уловив некую тень

замешательства в голосе солдата, сделал ещё несколько шагов к нему и громко и властно заявил:

— Слушай, солдат! Даю тебе честное генеральское слово, если отдашь мне автомат, судить тебя не буду!

— Товарищ генерал! Не подходите, застрелю!

— Ах ты, мудака паршивый, стреляй, гад, в своего генерала! Меня фашисты расстреливали четыре раза и не убили! А ты, засранец, хочешь убить! Да тебя твои сослуживцы тогда растерзают! Положи автомат и подходи ко мне! Я тебя не дам в обиду!

Распахнув шинель, решительно двинулся к солдату.

Солдат явно растерялся. Такого оборота дела не ждал, и, видимо, трезвея, крикнул:

— А Вы действительно не накажете меня?

— Даю генеральское слово, что судить не буду!

После этих слов солдат медленно вышел из сарая, молча положил автомат у своих ног и остался стоять, даже не шевелясь.

Генерал быстрым шагом подошёл к нему, обнял его, затем усадил его на лежащее рядом бревно, угостил папиросой.

— Ты действительно боевой солдат, — заявил он, — иди и садись в мою машину, поедem в штаб корпуса.

Комкор попрощался с командиром дивизии, а командиру полка, уезжая, едко заметил:

— Из тебя, подполковник, командир полка, что из собачьего дерьма пуля!».

Не изменял своему характеру Василий Филиппович и в отношении к парашютным прыжкам. Несмотря на свою высокую должность, несмотря на свой возраст, а ему перевалило уже за сорок пять, несмотря на множество ранений, полученных в боях, он продолжал регулярно прыгать. Иногда даже с риском. При этом, как вспоминает А.В. Кукушкин, «от прыжков никого не освобождал. Саботажников и трусишек выводил на прыжки лично и, как правило, в выходной день. В Управлении корпуса не прыгал лишь один человек — начальник тыла корпуса полковник Жуков, человек пожилой и больной.

Где-то в 1954 году увлечённость комкора прыжками каким-то образом дошла до маршала Малиновского Р. Я., и тот распорядился впредь генералу Маргелову В. Ф. прыжки с парашютом совершать только по его личному разрешению».

К слову, командир корпуса уже до этого имел звание инструктора парашютно-десантной службы.

На всём этом можно было бы и не заострять внимания, если бы не одно «но». Пути Господни действительно неисповедимы! Когда Василий Филиппович по недоразумению покинул лётную

школу и, казалось бы, навсегда, был отлучён от неба, разве он думал, что вновь встретится с ним в качестве командира соединения десантников и в качестве парашютиста? Конечно же, нет! Но жизнь штука сложная и, как говорится, на всё воля Божья. Однако самое интересное заключается в другом. Генерал Маргелов, по воле судьбы оказавшись в Воздушно-десантных войсках, принял это как должное, а возможно и как знак судьбы. Он не просто вошёл в эту новую для себя роль, но и не стал в ней случайным человеком. Василий Филиппович пришёл в ВДВ командиром сложившимся, с богатейшим командным опытом и соответственно с опытом боевым. Немаловажно и то, что пришёл после окончания Высшей военной академии. Безусловно, именно его настоящий, что называется, русский характер и сыграл в этом действии свою главную роль. Маргелов пришёл в ВДВ, словно его там давно ждали, пришёл по-своему первопроходцем, по-своему новатором. Он принёс туда много своего, что видимо, оказалось кстати.

Новый поворот в судьбе Василия Филипповича мог произойти в 1953 году, когда в августе его вызвали в Москву. Рассматривался вопрос о его назначении Комендантом столицы.

«— Товарищ Маргелов, есть предложение назначить Вас Комендантом Москвы. Как вы на это смотрите?

— Спасибо большое за доверие. Единственное, чего я боюсь, так это чтобы международного скандала не вышло.

— Как это?!

— Да, понимаете, ведь придётся и с иностранцами встречаться, какие-то вопросы с ними решать. А я, знаете ли, человек крутой, если что не по мне, так всё открытым текстом и выскажу. Да ещё в соответствующих выражениях.

— Каких это ещё «соответствующих выражениях»?

— Которые, как правило, называют непечатными!» — вспоминал сам Василий Филиппович.

Вскоре было решено, что генерал-майор Маргелов на эту «блатную» должность не подходит.

Но не всё в жизни стоит рассматривать с точки зрения примитивной человеческой выгоды. Постановлением Совета Министров СССР от 3 августа 1953 года и приказа Министра обороны Василию Филипповичу было присвоено очередное воинское звание «генерал-лейтенант» согласно занимаемой должности. А в 1954-м два советских военачальника на должность командующего Воздушно-десантными войсками в один голос предложили кандидатуру генерал-лейтенанта Маргелова. Один из них был маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский, а другой — генерал-полковник А.В. Горбатов (командующий ВДВ).

И снова судьба, снова её крутой поворот, снова пути Господни, которые неисповедимы.

На эту должность Маргелова назначат приказом Министра обороны 31 мая...

Глава 8

Командующий ВДВ

Прежде чем понять, что досталось генералу Маргелову в наследство при вступлении в новую должность, есть смысл посмотреть на его предшественников сквозь призму их военных биографий.

Генерал-лейтенант (1944) Глазунов Василий Афанасьевич (1896–1967) был первым командующим воздушно-десантными войсками. Дважды Герой Советского Союза (19.3.1944 и 6.4.1945) он родился в деревне Варваровка, что находится в Пензенской области. В русской армии служил с августа 1915 года. Унтер-офицер. С февраля 1918-го в РККА.

Образование: Стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава РККА «Выстрел» (1929), Курсы усовершенствования начсостава при Военной академии РККА им. Фрунзе (1941), ВАК при Высшей военной академии им. Ворошилова (1950).

С 1919-го помощник командира взвода, старшина роты, командир взвода, помощник командира и командир роты.

В межвоенный период: помощник командира (1921 г.) и командир роты, временно исполняющий должность командира батальона, командир батальона (1922 г.), помощник командира полка, командир отдельного территориального стрелкового батальона (1931 г.), помощник командира 168-го стрелкового полка (1934 г.), помощник командира 56-й стрелковой дивизии (1937 г.), помощник командира 33-го стрелкового корпуса (1938 г.), командир 59-й стрелковой дивизии (1939 г.).

С начала войны командовал 3-м воздушно-десантным корпусом. С 29 августа 1941 г. командующий Воздушно-десантными войсками Красной Армии.

Руководил формированием десяти воздушно-десантных корпусов и пяти бригад, их подготовкой к боевым действиям.

Под его руководством в январе — феврале 1942 г. была подготовлена и проведена Вяземская воздушно-десантная операция.

В июне 1943 г. по состоянию здоровья был освобождён от должности командующего ВДВ и назначен заместителем командира 29-го гвардейского стрелкового корпуса 8-й армии.

С ноября 1943 г. и до окончания войны — командир 4-го гв. стрелкового корпуса 8-й гв. армии 3-го Украинского фронта.

После войны командовал корпусом, а в июне 1946 года был

назначен генералом-инспектором Воздушно-десантных войск Главной инспекции Сухопутных войск. С мая 1949 г. находился на учёбе, с октября 1950 г. — помощник командующего войсками Восточно-Сибирского военного округа, с декабря 1950 г. находился в распоряжении.

С 1954 г. в отставке по болезни.

Генерал-лейтенант (1944) Капитохин Александр Григорьевич (1892–1958). Родился в деревне Каменка-Логиновка в Липецкой области. В русской армии с октября 1914 года. Поручик. В РККА с декабря 1918 года.

Образование: Чугуевское пехотное училище (1915), Стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава РККА «Выстрел» (1924), военный экономический факультет Военной академии РККА им. Фрунзе (1931).

В Гражданскую войну: командир батальона, командир ударной группы 16-й армии, помощник командира и командир 23-й бригады. В 1920 г. был в плену в концлагере у белополяков. С 1920 г. — командир 1-й отдельной стрелковой бригады.

В межвоенный период: помощник командира стрелкового полка. С сентября 1924 г. состоял в запасе. В 1930-м снова призван. Учился в академии, состоял в резерве, был начальником мобилизационной обороны в Управлении Центросоюза СССР, затем начальником полярной станции Главсевморпути. В 1936 г. уволен в запас, с 1939 г. в кадрах.

В августе 1941 года — командир 161-го стрелкового полка 95-й стрелковой дивизии.

С 29 августа 1942 г. — командир 10-го воздушно-десантного корпуса. С декабря 1942 г. — командир 8-й воздушно-десантной дивизии. С августа 1943 г. — командующий ВДВ.

В сентябре 1943 г. организовал высадку воздушного десанта в Букринской излучине Днепра для захвата и удержания плацдарма на реке до выхода в этот район войск фронта.

В августе 1944 г. назначен командиром 38-го воздушно-десантного корпуса в МВО.

С марта 1945 г. был начальником Тамбовского суворовского училища. В июле 1950 года уволен в отставку.

Генерал-лейтенант (1944) Затевахин Иван Иванович (1901–1957). Родился в деревне Кобылёнка в Тульской области. В Красной Армии с ноября 1919 года.

Образование: 17-я Тульская пехотная школа комсостава (1922), Высшая школа физического образования им. Ленина (1924), Военная академия им. Фрунзе (1933), Военная академия им. Ворошилова (1949).

В межвоенный период: командир взвода, помощник

командира роты, командир роты.

С 1933 г. — начальник оперативного отделения штаба 21-й стрелковой дивизии. С 1936 г. — начальник оперативного отделения штаба 39-го стрелкового корпуса.

С июня 1933 г. — командир 3-го авиадесантного полка и начальник парашютно-десантной службы управления ВВС армии.

С 1938 г. — командир 212-й воздушно-десантной бригады. На Халхин-Голе был награждён орденом Красного Знамени.

С начала войны — командир бригады, в сентябре 1941 г. — командир корпуса.

С января по май 1942 г. — исполняющий должность начальника управления формирования и укомплектования Главного управления ВДВ. С мая 1942 г. — заместитель командующего ВДВ. С августа 1944 г. командующий ВДВ. С октября 44-го и до конца декабря 1944-го одновременно командующий Отдельной гвардейской воздушно-десантной армией ВВС Красной Армии. С января 1945 г. и до конца войны исполняющий должность начальника управления ВДВ Красной Армии.

В апреле 1946 г. снят с должности за «слабую организацию и беспечность при переходе армии на учёбу в условиях мирного времени», что привело к гибели офицера-парашютиста во время занятий.

С июля 1946 г. — заместитель командующего 23-й армией, с февраля 1947 г. — на преподавательской работе в Высшей военной академии.

Генерал-полковник (1944 г.) Глаголев Василий Васильевич (1898–1947). Герой Советского Союза (1.11.1943 г.). Родился в Калуге. В русской армии с 1916 года. В РККА с 1918 года.

Образование: 3-и Бакинские командные курсы (1921), кавалерийские Курсы усовершенствования командного состава (1926 и 1931), ВАК при Военной академии им. Фрунзе (1941). Участник Первой мировой и Гражданской войн.

В межвоенный период: командир взвода, помощник командира эскадрона, зав. Разведкой 68-го кавполка, командир эскадрона, командир отдельного эскадрона (1924), начальник штаба 66-го кавполка (1929), руководитель тактики старшего курса кавалерийских КУКС РККА (1931), командир и комиссар 76-го кавполка (1934), начальник штаба дивизии, командир 157-й стрелковой дивизии (1939), командир 42-й отдельной кавалерийской дивизии.

С февраля 1942 г. — командир 73-й стрелковой дивизии 24-й армии Южного фронта, с октября 1942 г. — командир 176-й стрелковой дивизии, с ноября 1942 г. — командир 10-го

гвардейского стрелкового корпуса.

В феврале 1943 г. назначен исполняющим должность командующего 9-й армией Северо-Кавказского фронта, а в марте 43-го — командующим 46-й армией.

С мая 1944 г. — командующий 31-й армией 3-го Белорусского фронта, с января 1945 г. — командующий 9-й гвардейской армией, сформированной на базе 7-й армии и гвардейских соединений ВДВ.

С 1946 по 1947 г. генерал-полковник Глаголев был командующим вdv.

Генерал-лейтенант (1944) Казанкин Александр Фёдорович (1900–1955). Родился в городе Буинске. В РККА с июня 1919 года.

Образование: Ульяновские пехотные курсы (1921), Петроградские командные курсы (1924), Омская пехотная школа (1927), Военная академия РККА им. Фрунзе (1934), Курсы усовершенствования высшего начсостава РККА (1940), ВАК при Высшей военной академии им. Ворошилова (1951).

В межвоенный период: и.д. помощника командира (1924) и командир взвода. Начальник боепитания батальона (1930), помощник начальника 5-го отдела штаба корпуса (1934), помощник начальника курсов младших лейтенантов (1935).

С 1936 г. — и.д. помощника начальника 1-го отдела штаба корпуса, начальник 5-го отдела, врид начальника 1-го отделения, врид начальника 1-го отдела, и.д. начальника штаба 47-й авиадесантной бригады.

С 1939 г. — начальник штаба, и.д. командира 214-й воздушно-десантной бригады.

С 1941 г. — начальник штаба 4-го воздушно-десантного корпуса.

С 23 февраля 1942 г. — командир корпуса.

В декабре 1942 г. — командир 1-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, а с декабря 1943 г. — командир 16-й гвардейской воздушно-десантной дивизии.

С ноября 1944 г. — начальник Управления боевой подготовки Отдельной гв. воздушно-десантной армии, с февраля 1945 г. — командир 12-го гвардейского стрелкового корпуса, с июня 1946 г. — командир 39-го гвардейского стрелкового корпуса, с октября 1947 г. — командующий ВДВ ВС СССР, с декабря 1948 г. — 1-й заместитель командующего воздушно-десантной армией, с июля 1951 г. — генерал-инспектор Инспекции ВДВ Главной инспекции Советской Армии, с мая 1953 г. — заместитель генерал-инспектора Инспекции стрелковых и воздушно-десантных войск по ВДВ.

Маршал авиации (1955) Руденко Сергей Игнатьевич (1904–

1990). Герой Советского Союза (19.8.1944). Родился в посёлке Короп Черниговской области. В Красной Армии с 1923 года.

Образование: Ленинградская военно-теоретическая школа лётчиков (1926), 1-я военная школа лётчиков в Каче (1927), командный (1932) и оперативный (1936) факультеты Военно-воздушной академии им. Жуковского.

В межвоенный период: младший лётчик, исполняющий должность начальника штаба, старший лётчик, исполняющий должность командира авиационного звена, исполняющий должность военкома авиационного отряда, исполняющий должность командира, командир авиационной эскадрильи, командир и комиссар дальнеразведывательной авиационной эскадрильи.

С 1937 г. исполняющий должность командира 118-й скоростной бомбардировочной авиабригады, исполняющий должность командира 60-го скоростного бомбардировочного полка, с 1938 г. — командир 1-го скоростного легкособомбардировочного авиационного полка, с 1939 г. — исполняющий должность командира 26-й смешанной авиабригады, с 1940 г. — заместитель командира авиадивизии, с 1941 г. — командир 31-й авиационной дивизии.

В ноябре 1941 г. назначен командующим ВВС 20-й, затем 61-й армии. С января 1942 г. — командующий ВВС Калининского фронта, с апреля — 1-й оперативной авиационной группой Ставки ВГК.

С июня 1942 г. — заместитель командующего ВВС Юго-Западного фронта, а с сентября 1942 г. и до конца войны — командующий 16-й воздушной армией.

После войны командует той же армией. С февраля 1947 г. командующий 17-й воздушной, с декабря 1948 г. — воздушно-десантной армиями, с сентября 1949 г. — начальник Главного штаба ВВС, с августа 1950 г. — командующий дальней авиацией — заместитель Главкома ВВС.

С июня 1953 г. начальник Главного штаба — 1-й заместитель Главкома ВВС, с февраля 1958 г. 1-й заместитель Главкома ВВС. С мая 1968 г. начальник Военно-воздушной академии, с августа 1973 г. — военный инспектор-советник Группы генеральных инспекторов.

Генерал армии (1955) Горбатов Александр Васильевич (1891–1973) — седьмой командующий ВДВ. Герой Советского Союза (10.4.1945). Родился в деревне Похотино Ивановской области. В русской армии с 1912 года. Старший унтер-офицер. В РККА с августа 1919 года.

Образование: Командные кавалерийские курсы (1926), курсы

усовершенствования высшего комсостава (1930). В Гражданской войне командовал взводом, эскадроном, полком и отдельной кавбригадой.

В Межвоенный период: командир кавалерийского эскадрона (1921), командир кавполка (1921–1928), командир кавбригады (1928–1931). Помощник командира кавдивизии (1931), командир кавдивизии (1933–1937).

В 1937 г. репрессирован и осуждён на 15 лет. В 1941 г. реабилитирован и освобождён.

С 1941 г. — заместитель командира стрелкового корпуса, с октября 1941 по июнь 1942 г. командовал 226-й стрелковой дивизией. В июне-октябре 1942 г. инспектор кавалерии Юго-Западного, затем Сталинградского фронтов. С октября 1942 г. по апрель 1943 г. заместитель командующего 24-й армией, с апреля по июнь 1943 г. командир 20-го гвардейского стрелкового корпуса, с июня 1943 г. — командующий 3-й армией.

После войны: командующий 5-й ударной армией и комендант Берлина.

В 1946–1950 гг. командовал общевойсковыми армиями, в 1950–1954 гг. ВДВ, в 1954–1958 гг. — войсками Прибалтийского военного округа. С апреля 1958 г. в Группе генеральных инспекторов МО СССР.

Если проанализировать биографии всех вышеперечисленных командующих ВДВ, то можно заметить, что все они, за исключением А.В. Горбатова, командовали Воздушно-десантными войсками недолго. Например, первые трое возглавляли ВДВ весь период Великой Отечественной войны. Последующие трое до Горбатова лишь с 1946 до 1950-го. Что-либо изменить в этих войсках у них не было ни времени, ни возможности.

Вот почему назначение генерала Маргелова командующим оказалось самым удачным и продуманным из всех. Всё-таки его послевоенное командование десантной дивизией и корпусом не смогли не заметить и не отметить вышестоящие начальники. И что особенно важно, от их взгляда не укрылось личное отношение Василия Филипповича к Воздушно-десантным войскам. Оно было совершенно иным, в отличие от многих других генералов ВДВ, так как было приправлено его особой любовью, выстрадано всей военной жизнью и принято всем сердцем и душой. Более того, Маргелов отличался опытом и компетентностью. Да и его особый характер был уже сложившимся десантным.

Словом, пророческим оказалось оно, а самое главное, полезным и счастливым для самих войск на долгие десятилетия!

«В марте 1950 года меня вызвали в Москву, — пишет в своих мемуарах генерал армии А.В. Горбатов. — Я получил приказ о

назначении меня командующим Воздушно-десантными войсками. На этот раз переход на другую работу я считал слишком уж преждевременным. Кроме того, я не чувствовал себя достаточно компетентным в том деле, которое мне поручалось, и доложил об этом начальству. Но А. М. Василевский при встрече сказал: «Ваш самоотвод, товарищ Горбатов, признан неубедительным, беритесь за дело смело, работа интересная, уверен, что вам она понравится».

Первое знакомство с генералами и офицерами управлений штаба войск, политического управления и службы тыла произвело на меня положительное впечатление. В войсках тоже были знающие и любящие своё дело генералы и офицеры.

Особенно же хорошее впечатление оставили у меня солдаты и сержанты. У всех была отличная выправка, образование не ниже шести классов, семьдесят процентов солдат и сержантов были комсомольцы. Командиры батальонов, рот и часть командиров взводов участвовали в Отечественной войне, многие отличились в боях...

Было видно, что много внимания уделяется парашютной, физической и строевой подготовке.

Наблюдая подготовку и проведение учений с десантированием, я с удовольствием видел тщательность в укладывании парашюта, точную выброску десантников в заданный район, смелость и сноровку, с какой парашютисты покидали самолёты и приземлялись. Но иногда десантников выбрасывали только в хорошо знакомые районы, а это снижало значение такого учения. Кроме того, люди подчас были медлительны в действиях при захвате района после приземления и в окапывании при обороне.

Глубже вникая в жизнь подразделений, анализируя причины недостатков, я в каждой части проводил опрос относительно претензий, особенно в тех частях, в которых было больше проступков».

После окончания Великой Отечественной войны на Воздушно-десантные войска было обращено особое внимание не только Генерального штаба, но и советского правительства.

Так в апреле 1946 года они были выведены из состава ВВС и были включены в состав резерва Верховного Главнокомандования, с подчинением непосредственно министру Вооружённых Сил. А чуть позже, в июне этого года, была учреждена должность командующего Воздушно-десантными войсками. Также были определены и его обязанности.

На формирование ВДВ направлены 8,15,38,39-й гвардейские стрелковые корпуса в составе 76,98, 99,100,103, 104,105,106,107 и

114 гвардейских стрелковых дивизий.

Также на доукомплектование войск были переданы 5, 8 и 24-я воздушно-десантные бригады. Кроме того, в состав ВДВ вошли 1-я, 12-я и 3-я, 6-я, 281-я (сформированные дополнительно) авиатранспортные дивизии.

Осенью 1946 года транспортно-десантная авиация ВДВ пополнилась новым самолётом Ил-12, монопланом с двумя двигателями, который мог взлетать и садиться на полевых аэродромах и выполнять полёт на одном двигателе.

В феврале 1947 года принято решение о начале массового производства автомата М. Т. Калашникова АК-47 (поступил на вооружение в 1949 году. Патрон 7,62 мм образца 1943 г., масса со снаряжённым магазином (30 патронов) — 4,3 кг, темп стрельбы — 600 выстр./мин.; боевая скорострельность: до 100 выстр./мин. короткими очередями и до 40 выстр./мин. — одиночными).

В октябре 1947 года ВВС СССР получили новый самолёт Ту-4 конструкции А. Н. Туполева — тяжёлый бомбардировщик с четырьмя двигателями, преодолевающий расстояние в 5100 километров. Его стали приспособлять для десантников.

К концу 1948 года Воздушно-десантная армия насчитывала около 150 тыс. человек. В её состав вошли пять гвардейских воздушно-десантных корпусов (8-й, 15-й, 37-й, 38-й, 39-й по две воздушно-десантные дивизии в каждом), пять авиатранспортных дивизий (1-я, 11-я, 13-я, 21-я, 31-я), а также дополнительно ещё пять воздушно-десантных дивизий.

На снабжение ВДВ принят парашют ПД-47 (конструкторы Н.А. Лобанов, М. А. Алексеев, А. И. Зигаев). Купол, изготовленный из перкаля, имел квадратную форму, площадью 71, 8 кв. м, вес парашюта 16 кг.

Как пишут сыновья В. Ф. Маргелова: «Василий Филиппович получил войска боевые, высоко подготовленные, но состоящие в основном из пехоты с лёгким вооружением и военно-транспортной авиации (она была тогда составной частью ВДВ), оснащённой устаревшими самолётами Ли-2, Ил-14, Ту-2 и Ту-4 с весьма ограниченными десантными возможностями. Ил-12 (чисто пассажирский) и Ил-14 (имевший две боковые двери, транспортёры для десантирования грузов в правую и левую двери, прекрасное радиотехническое оборудование) буксировали планеры Як-14 с находящейся внутри них боевой техникой... В таком состоянии ВДВ не были способны решать крупные задачи в современных операциях...

В 1948 году на вооружение войск была принята авиадесантная самоходная артиллерийская установка АСУ-76, разработанная конструкторским бюро Н.А. Астрова. Её корпус из

сварной листовой стали толщиной до 13 мм позволял защищать экипаж от пуль и осколков. В открытой рубке сверху была размещена 76-мм пушка Д-56Т с боекомплектom в 30 выстрелов...

К 1951 году там же была создана более лёгкая, тоже гусеничная и с открытым верхом АСУ-5 7 с меньшим весом за счёт применения алюминиевых сплавов и уменьшения толщины брони (до 6 мм). Её экипаж состоял из 4 человек...

В 1954 году появилась модифицированная плавающая АСУ-57П с улучшенной пушкой Ч-51М, но она не была принята на вооружение — достаточно было выпускающихся серийно АСУ-57, к тому же началась разработка уже новой, более мощной техники.

В это же время появилась достаточно мощная самоходная установка СУ-85, на которой была установлена 80-мм пушка Д-70, спаренная с пулемётом СГМТ. Лобовой лист корпуса толщиной 45 мм оберегал экипаж даже от бронебойных снарядов малого и среднего калибров. Как и вся послевоенная бронетанковая техника, самоходка была оснащена приборами ночного видения, радиостанцией, на корме крепились дымовые шашки БДШ-5. Су-85 дважды модернизировали, в результате чего боевое отделение прикрыли крышей, установили вентиляционную установку, а позже её вооружение дополнили зенитным пулемётом ДШК. Но весила она более 15 тонн, десантирование её посадочным способом стало возможным только с появлением самолёта Ан-22...

В середине 50-х годов в войска поступила противотанковая управляемая ракета (ПТУР...), что значительно усилило боевые возможности десантников по борьбе с танками. В это же время на вооружение десантников стали поступать ручные и станковые гранатомёты и безоткатные орудия Б-10. Основным их достоинством была простота конструкции, небольшая масса и высокая бронепробиваемость (до 40 мм). Увеличивалось количество зенитных средств: в воздушно-десантном корпусе во время Великой Отечественной войны было 18 зенитных пулемётов, а к 1960 году только в воздушно-десантной дивизии было 36 зенитных установок ЭУ-23...

В 1946–1959 гг. улучшилось оснащение войск автомобильной техникой и современными (для того времени) средствами связи. Самым массовым оружием личного состава оставалось стрелковое вооружение, развитие которого осуществлялось параллельно с совершенствованием вооружения Сухопутных войск, основные изменения которого были произведены в конце 40-х годов. Для десантников создавались модификации стрелкового оружия, позволяющие его десантирование на парашюте — меньший вес, складывающийся приклад».

28 апреля 1950 г. Совет Министров СССР принял постановление «О создании надёжно действующего десантного парашюта». Перед научно-исследовательским институтом парашютно-десантной службы и заводом № 9 Министерства лёгкой промышленности ставились задачи по разработке новых людских десантных парашютных систем для применения их на скоростях полёта до 500 км/ч и по созданию основного десантного парашюта из ткани искусственного волокна для применения на скорости полёта до 350 км/ч.

Но вернёмся ещё раз к воспоминаниям предшественника В. Ф. Маргелова — генерала армии А.В. Горбатова.

«Раньше мне не приходилось задумываться над обучением десантников, — пишет Александр Васильевич. — Мне казалось, что основное отличие от занятий в стрелковых войсках заключается здесь в обучении прыжку с парашютом, в действиях же на земле я большой разницы не замечал.

Но, когда я присутствовал на первом для меня учении с десантированием, мне показалось странным, что десантники после приземления в тылу условного противника слишком медлят с началом действий.

По своей натуре я не терпел тех вновь назначенных командиров, которые, прибыв в соединение или часть, не успев ещё ознакомиться с условиями их жизни и работы, не узнав, почему то или иное делается так, а не иначе, начинают отменять существующее, вводить нечто новое, находить негодным всё, что было до них. Но на этот раз я изменил своему правилу и, присутствуя на этом малознакомом мне по принципам организации учении, выступил на разборе с довольно решительной критикой и потребовал, чтобы сразу же после приземления, не теряя ни одной минуты, войска приступали к решению задачи.

На одном из учений произошёл интересный случай. После выброски большого десанта два парашютиста, у которых были раскрыты парашюты, столкнулись в воздухе, и у одного из них парашют сложился, что угрожало ему гибелью. Другой не растерялся в столь сложной обстановке, мгновенно схватил стропы и удержал товарища. На одном парашюте с удвоенной скоростью они начали приближаться к земле.

Командир части вместе с врачом сели в машину и поехали к месту вероятного их приземления, а мы продолжали наблюдать в бинокли за их ускоренным спуском. Видели, что они приземлились и что никто из них не поднялся, как это обычно бывает, чтобы погасить наполненный ветром парашют...

Вскоре вернулся командир части и с улыбкой доложил: «Всё

благополучно, оба отделались небольшими ушибами, а когда мы к ним подъехали, оба обнимали и целовали друг друга...».

Позднее я не раз наблюдал на тренировках и учениях подобные столкновения парашютов, и почти всегда это происходило с куполами парашюта одной системы. У меня и раньше возникал вопрос: почему сейчас у десантников такие парашюты? Но я молчал, боясь, с одной стороны, показаться невежественным в глазах подчинённых, опытных десантников, а с другой стороны, опасался этим вопросом невольно подорвать веру в принятый тогда парашют.

После ряда случаев я собрал пятерых ответственных и опытных парашютистов из руководящего состава и задал им такие вопросы: почему прежний парашют был заменён новым? От кого исходила инициатива замены? При этом я их предупредил, что разговор должен остаться между нами.

— Конечно, старый надёжнее, — сказали двое из пяти. Трое высказались за новый. При этом все они ответили, что перешли к нему в конце войны, а по чьей инициативе — никто не мог сказать. Тогда я подумал: «Инициатор, вероятно, находится в этой тройке. Все пятеро знают виновника замены и не хотят его поставить в неловкое положение в глазах нового командующего».

Но вот пришло время, когда мы должны были заказывать промышленности очередную большую партию парашютов. Я заказ отменил.

Это вызвало бурю возмущения со стороны руководства фабрики. Они нам говорили, что мы на это не имеем права, заказ утверждён в плане и т. п. У специалистов, прибывших с фабрики для крупного со мной разговора, мне удалось узнать историю перехода от старого парашюта к новому. Они мне ответили: «Новый шить значительно проще, его может сшить любая мастерица, а прежний значительно труднее, его может сшить только высококвалифицированный мастер. Во время войны рабочих рук не хватало, мы и предложили десанникам упрощённые парашюты, они испытали и согласились».

Узнав это, я с ещё большим недоверием стал относиться к парашюту упрощённой формы и утвердился в решении их не заказывать. Мы решили перейти на другую систему купола, доложили об этом в Министерство обороны, и с ним согласились.

То же самое было с заказом на ножи для десантников. На складах их было очень много, и каждый год заказывались всё новые партии. Когда я поинтересовался, зачем они нужны, то оказалось, что задолго до войны, когда десантники прыгали с крыла тихоходного самолёта, один из них зацепился за хвостовое оперение; чтобы в таком случае можно было разрезать одну из

строп, были введены ножи. Но самолёты уже давно стали иными, и ножи использовались исключительно для открывания консервных банок. С заказом на ножи мы покончили».

В апреле 1953 года решением Совета Министров и МО СССР Управление ВДА реорганизовано в Управление ВДВ, воздушно-десантные дивизии (за исключением 103 и 114-й) переведены на штаты трёхполкового состава.

А 1954 году генерал-лейтенант Маргелов вылетел на самолёте Ил-12 с Дальнего Востока в Москву. Там он сначала поселился с семьёй в гостинице при Центральном доме Советской Армии, где и жил некоторое время.

Свои первые шаги новый командующий начал, как и положено в таком случае, с решения кадровых вопросов.

Первым делом он заменил прежних командиров пяти воздушно-десантных корпусов, оценив их в аттестациях как несоответствующих занимаемой должности по причине отсутствия необходимой оперативной подготовки. Выросшие в годы войны, все эти комкоры не имели необходимого академического образования, а точнее, им не довелось окончить Академию Генерального штаба, весьма необходимую для службы в современных условиях.

«Но главной причиной кадровой перетряски с приходом на ВДВ нового командующего было его стремление к замене командиров соединений и полков на молодых и энергичных, совершающих парашютные прыжки, как и весь личный состав, — пишут сыновья В. Ф. Маргелова. — Да и сам Василий Филиппович был ещё сравнительно молодым, ему шёл 46-й год. Решению вопроса с комкорами помогла компания расформирования корпусов в армии, и он сам отпал, а уж обновление командного состава в дивизионном и полковом звене не представляло особого труда, но требовалось время для изучения прежних командиров».

К слову, в 1955–1956 годах управления ВДК, 11,21,100, 114-я, а в 1959 г. — 107-я, и в 1959 г. — 31-я гвардейская воздушно-десантная дивизия были расформированы.

«Генерал Борисов М. И., наблюдая в годы службы в ВДВ последующую кадровую политику командующего Маргелова, часто удивлялся тем или иным назначениям, которые, казалось, не укладываются в определённые требования к военным кадрам. А причина такого положения, по его мнению, состояла в особенностях характера и мышления командующего. Главный принцип, которым он руководствовался при назначении командиров соединений и полков, заключался в том, что командир должен иметь твёрдый кулак, способный навести порядок, и крепко держать в узде подчинённых командиров. Он

отрицательно относился к так называемым командирам-интеллигентам, которые несмотря на хорошую оперативную подготовку, высокое общее развитие и хорошие человеческие качества не могли сделать дивизию по-настоящему боеспособной, — тогда все их прекрасные качества не принимались во внимание.

Но часто такой подход не всегда себя оправдывал и приходилось потом менять решение».

Сам же командующий оставался всё таким же, как и прежде! Замечательным и уникальным человеком называет Василия Филипповича Даниил Арнольдович Элькин:

«Генерал Маргелов был для десантников как родной отец. Несмотря на возраст он бегал и стрелял лучше молодых солдат. На инспекции выстраивал офицеров штаба на спортивной площадке, сам делал на турнике «скобку» и отдавал приказ — «Делай, как я». А тем, кто не справлялся, Маргелов приказывал тренироваться месяц и снова сдавать этот «зачёт». Его обожали солдаты-десантники, он всегда находил для них доброе слово, отличившихся награждал часами и отпуском домой. Во всех отношениях генерал Маргелов был для нас образцом для подражания».

Добрые слова о Василии Филипповиче говорит и Александр Васильевич Пыльцын: «Свои первые прыжки с парашютом я совершил при штабе 8-го ВДК в Полоцке, а затем, после его расформирования, прыгнул уже в 105-й Гвардейской воздушно-десантной Венской Краснознамённой дивизии, штаб и несколько полков которой дислоцировались в Костроме. Там я занимал уже должность заместителя командира дивизии по технической части. В десантных войсках было много интересных традиций. Но одна из них, особенная, касающаяся только офицеров игра в преферанс в воздушных кораблях (так было принято называть самолёты с десантом на борту) во время перелётов к месту высадки, длившихся по часу и более. Штурман самолёта за 15 минут до десантирования предупреждал играющих, и те успевали «расписать пулю».

Ну, а вообще, здесь, в дивизии, мне пришлось поближе узнать «дядю Васю» Маргелова — и его крутой характер, и его душевность.

Помню, однажды он строго наказал меня за то, что во время моего отпуска командир одного из полков, решив построить для техники к зиме более совершенные укрытия, уже в конце лета сломал все старые, но не рассчитал силы и средства, и в осень техника осталась под открытым небом. Меня, только что вернувшегося из отпуска, вызвал в полк прибывший с

инспекторской проверкой командующий генерал Маргелов. На мою попытку оправдаться тем, что я был в отпуске и вообще не знал о таком решении командира полка, генерал едко заметил: «Отпускные получал? Так прежде, чем уезжать, надо было спланировать все дела наперёд. Вот и отвечай теперь за планирование. — А потом добавил: — Командира полка я тоже накажу, но он просто глупец, а ты мне нравишься, мне такие десантники нужны. Поэтому с тебя и спрос больше. Поймёшь и, уверен, сделаешь всё, чтобы не промахнуться в дальнейшем».

Суровое было наказание, но, поразмыслив, я пришёл к выводу, что и справедливое».

Что и говорить, если на протяжении всей своей службы Василий Филиппович действовал не «кнутом и пряником», а обыкновенную требовательность сочетал с «необыкновенной» заботой. Этот штрих подмечают очень и очень многие очевидцы.

«Но главное, он обладал собственным видением перспектив применения десантных войск в тылу врага, — подчёркивает Б. Костин. — При этом командующий ВДВ шёл в ногу с развитием техники и вооружения, зачастую предвосхищал многие способы ведения боевых действий... Если в начале пятидесятых годов в действиях десантников доминировал ближний бой и оборона, в шестидесятых — начале семидесятых годов десант обрёл достаточную мобильность и способность противостоять танковым ударам, решать оперативно-стратегические задачи. Показательны в этом отношении учения, которые становились настоящими экзаменами на зрелость всех десантников от солдата до командира соединения.

В программе боевой подготовки десантников преобладающим стало слово «сколачивание». Процесс этот был длительным и начинался с индивидуального обучения солдата, а затем охватывал отделение, взвод, роту, батальон, полк. Венцом организаторской деятельности, проверки навыков и умения командного состава становились дивизионные тактические учения. [...].

Поскольку части и соединения Воздушно-десантных войск обладали своего рода «экстерриториальностью», то есть жили и существовали по собственным законам, то в военных округах почитали их за «пасынков» и не жаловали особым вниманием. Редко упоминались они в армейской прессе. Для того чтобы ликвидировать этот информационный голод, командующий ВДВ совместно с политуправлением принял решение организовать в каждой дивизии многотиражку. Эти газеты, конечно, не могли соперничать ни по формату, ни по объёму материалов с окружными. Однако десантники, находя в них имена известных

командиров, фотографии и заметки об однополчанах, о примерах отваги и мужества, даже после увольнения в запас хранили газетные листы, как драгоценные реликвии. И уж конечно, редакции дивизионных газет трудились не покладая рук накануне войсковых учений».

Но, к сожалению, не всё было гладко в жизни командующего на новом поприще. Как мне рассказывал один из генералов ВВС, в то время шла самая настоящая борьба за должности. Ведь вся проблема заключалась в том, что после войны много было генералов и много было Героев Советского Союза, а вот должностей хватало не на всех. В ход шли не только интриги. В борьбе использовались самые разные методы борьбы, в том числе и грязные.

В конце 1958 года в Закавказье в течение десяти дней работала Главная инспекция Министерства обороны. В частности, проверялась 104-я гвардейская воздушно-десантная дивизия. Группу проверяющих, состоявшую из генералов и офицеров штаба и управления ВДВ, возглавлял сам командующий. Когда всё закончилось, дивизии была поставлена хорошая оценка, а затем её руководством был организован обед. Гостей было много, да и стол совмещал русскую и азербайджанскую кухни, что придавало ему в некотором роде определённый налёт барства.

Только потом в ЦК КПСС поступило письмо от анонима, в котором тот самый обед был изображён совершенно не дружеским, а банальным «коллективным пьянством», организованным командующим ВДВ.

Сами понимаете, выводы кем надо были сделаны.

Но истинным преддверием снятия Маргелова с должности стало чрезвычайное происшествие, случившееся в Псковской дивизии.

«В арtpолку дивизии была разоблачена группа насильников над местными женщинами. И, как раньше практиковалось, первыми о происшествии в армии узнавало высшее политическое руководство страны, а уж потом оно начинало пенять Министру обороны и за происшествия, и за то, что он не знает о них, — пишут сыновья Маргелова. — Другая практика, вытекающая из первой, заключалась в повальном и огульном наказании командиров всех степеней, которым не удалось распознать намерений солдат-насильников. Всех снимали, а некоторых уволили, начиная с младших командиров и включая командующего ВДВ, у которого в подчинении сотня тысяч десантников с разными характерами...».

14 марта 1959 года Министром обороны был подписан приказ о назначении генерал-лейтенанта Маргелова с

понижением первым заместителем командующего ВДВ.

Сменил Василия Филипповича на этом посту генерал-полковник (1959) Тутаринов Иван Васильевич (1901–1976). Он родился в станице Красноярской Астраханской области.

Обучался на командных курсах усовершенствования командного состава и в Военной академии им. Фрунзе. Командовал взводом, ротой, батальоном.

В начале войны — начальник штаба корпуса. Затем в ходе войны командовал 9-й гвардейской Кубанско-Барановичской казачьей кавалерийской дивизией.

В послевоенный период занимал ряд штабных и командных должностей в различных округах.

В ВДВ он оказался человеком случайным, однако Василий Филиппович, что называется, и глазом не повёл по этому поводу. Их отношения сложились вполне ровными, без какой-либо фамильярности.

Однажды, узнав, что его разыскивает командующий, Маргелов практически бегом направился к своему начальнику и, приблизившись, как подобает офицеру-строевику, подошёл и доложил о своём прибытии согласно уставу.

Видимо, генерала Тутаринова такое отношение Маргелова несколько коробило, и он однажды, естественно в шутливой форме, сделал заместителю замечание:

— Зачем вы, Василий Филиппович, так слишком со мной официально?

— Я солдат, товарищ командующий! — ответил Маргелов.

Но жизнь шла своим чередом, и кто знает, как бы повёл себя любой другой на его месте. Он же не только выдержал испытание с честью, но по воле опять-таки судьбы прошёл для себя ещё одну, возможно, необходимую для будущего должность — заместителя. Ровно через два с лишним года положение будет исправлено. Маргелова вновь назначили командовать Воздушно-десантными войсками, а генерал-полковник Тутаринов был назначен на повышение — командующим войсками Уральского военного округа. Произошло это в июле 1961 года.

Глава 9

Ещё две войны: «Вихрь» и «Дунай»

События, произошедшие осенью 1956 года в Венгрии, считаются первым и наиболее крупным вооружённым столкновением на территории государства — союзника СССР по Варшавскому договору. По мнению специалистов, они отличались «не только драматизмом и политической остротой происходящего, но и масштабами участия в нём советских войск и количеством их потерь».

Одной из основных предпосылок венгерских событий явился XX съезд КПСС, прошедший в феврале 1956 г., на котором был разоблачён культ личности Сталина, а также провозглашён тезис о многообразии форм перехода к социализму. Именно это и дало значительную опору реформаторским силам в этой стране.

Предшествовали событиям мартовские требования на партийных собраниях организаций: «довести до конца реабилитацию невинно осуждённых», «пересмотреть дела репрессированных в 1949 г. партийных лидеров».

Но, несмотря на уступки Центрального руководства Венгерской партии трудящихся, которое вынуждено было создать специальную партийную комиссию по изучению этого вопроса, в сентябре оппозиционные выступления заметно усилились.

Главные же события развернулись в октябре, когда в знак солидарности со своими польскими единомышленниками студенты Будапештского технического университета выступили с инициативой провести 23-го числа массовую демонстрацию с требованием широкой программы демократизации общественного строя в стране. А к вечеру десятки тысяч жителей Будапешта вышли на улицы с лозунгами, в которых требовали вывода советских войск из Венгрии и установления с Советским Союзом более равноправных отношений.

«Отдельным группам радикально настроенной молодёжи удалось завладеть несколькими складами со стрелковым оружием, была предпринята попытка захватить здание национального радио, разбита огромная статуя Сталина, — говорится в книге «Россия (СССР) в войнах второй половины XX века». — Этому препятствовала будапештская полиция. Началась стрельба. Появились первые убитые и раненые.

В тот же день на заседании Президиума ЦК КПСС Н. С. Хрущёв высказался за ввод войск в венгерскую столицу. В телефонном разговоре с руководством республики он затронул

вопрос о «желательности официального письменного обращения к правительству СССР» с просьбой о военной помощи. Но затем такой формальностью пренебрегли...

В 23 часа 23 октября начальник Генерального штаба Вооружённых Сил СССР Маршал Советского Союза В. Д. Соколовский по телефону ВЧ отдал распоряжение командованию Особого корпуса о выдвижении войск в Будапешт, где им предстояло установить контроль над ключевыми объектами столицы, восстановить в ней общественный порядок, а частью сил обеспечить прикрытие границы Венгрии с Австрией — но не открывая огня.

Ввод в венгерскую столицу иностранных войск, когда полиция и венгерская армия находились в состоянии бездействия, лишь подлило масла в огонь. В этих условиях части Особого корпуса стали главным объектом нападений террористов и вооружённых групп. Бездна наказанности рождала преступления. В результате только 24 октября от рук террористов погибло 40 солдат и офицеров 2-й гвардейской механизированной дивизии. Охота на людей в советской военной форме, прибывших для поддержания порядка в городе, не открывавших огонь первыми и не испытывавших враждебных чувств к местному населению, в последующие дни приобрела массовый характер.

19 октября 1956 г. командующий ВДВ генерал-лейтенант Маргелов по указанию Генерального штаба перевёл части 31-й (Киевский военный округ) и 7-й (Прибалтийский военный округ) гвардейских воздушно-десантных дивизий в повышенную боевую готовность в пунктах постоянной дислокации.

Так как вариант десантирования частей в предстоящей операции не рассматривался, командующий принял решение на комбинированный способ выхода полков в районы их сосредоточения: «108-й гвардейский парашютно-десантный полк на самолётах Ил-12 и Ан-2 перебрасывался в Венгрию по воздуху с задачей захватить аэродром Текель. 80-й гвардейский парашютно-десантный полк двигался по железной дороге. Конечная точка маршрута — станция Берегово, от которой до Будапешта четыреста километров. Это расстояние предполагалось преодолеть своим ходом».

20 октября 80-й и 108-й полки 7-й гв. ввд, а также 114-й и 381-й полки 31-й гв. ввд были подняты по боевой тревоге.

Десантники 108-го полка по железной дороге, а 114-го и 381-го полков своим ходом выходили в исходный район для десантирования к аэродромам возле Львова и Хмельницкого.

1 ноября из исходного района 31-я ввд была посадочным способом десантирована на аэродром г. Веспрем, где в

дальнейшем принимала участие в захвате, блокировании, разоружении местных воинских гарнизонов, уничтожения зенитных батарей, захвате складов боеприпасов и других объектов.

80-й полк 7-й гв. ввд, выгрузившись на станции Берегово (южнее Мукачево), получил задачу на совершение марша 400 километров и сосредоточение на восточной окраине Будапешта.

3 ноября посадочным способом десантировался на аэродром Текель 108-й гв. парашютно-десантный полк, захватил и вывел из строя 6 зенитных батарей, перейдя к обороне аэродрома.

4 ноября в операции принял участие и 80-й полк.

Поздним вечером 23 октября в Венгрии по боевой тревоге были подняты пять дивизий советских войск (31 550 человек, 1130 танков и САУ, 615 орудий и миномётов, 185 зенитных орудий, 380 бронетранспортёров и 3930 автомашин). Одновременно были приведены в боевую готовность истребительная авиационная дивизия (159 истребителей) и бомбардировочная авиационная дивизия (122 бомбардировщика).

Войскам были поставлены следующие задачи:

«— особому корпусу — главными силами корпуса войти в Будапешт, захватить важнейшие объекты города и восстановить в нём порядок. Частью сил прикрыться со стороны австро-венгерской границы;

— стрелковому корпусу ПрикВО войти на территорию Венгрии и занять крупные административные центры в восточной части страны — Дебрецен, Ясберень и Сольнок;

— механизированному дивизиону ОМА войти в южную часть Венгрии и занять города Сегед и Кечкемет...».

А 4 ноября в 6 часов 15 минут советские войска приступили к проведению операции по наведению порядка и восстановлению народно-демократической власти в Венгрии, получившей кодовое наименование «Вихрь».

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в тот день докладывал: «Действуя по заранее намеченному плану, наши части овладели основными опорными пунктами реакции в провинции, какими являлись Дьер, Мишкольц, Дьедьеш, Дебрецен, а также другими областными центрами.

В ходе операции советскими войсками заняты важнейшие узлы связи, в том числе мощная широкоэвещательная радиостанция в г. Сольнок, склады боеприпасов и оружия и другие важные военные объекты.

Советские войска, действующие в г. Будапешт, слолив сопротивление мятежников, заняли здания парламента, ЦР ВПТ, а также радиостанцию в районе парламента. Захвачены три моста через р. Дунай, связывающие восточную и западную части города, и арсенал с оружием и боеприпасами...

В г. Будапешт остался один крупный очаг сопротивления мятежников в районе кинотеатра «Корвин» (юго-восточная часть города).

Мятежникам, обороняющим этот опорный пункт, был предъявлен ультиматум о капитуляции, в связи с отказом мятежников сдаться, войска начали штурм.

Основные гарнизоны венгерских войск блокированы...».

По приказу командующего ВДВ штабом 7-й и 31-й дивизий был разработан план действий десантных частей и подразделений, созданы передовые отряды для разоружения венгерских частей и средств управления войсками, а также для захвата важных военных и государственных объектов и учреждений.

Например, для захвата важнейших объектов в дивизиях были созданы по одному-два специальных передовых отряда в составе батальона пехоты. Батальонам придавались по 150 десантников 108 пдп на бронетранспортёрах, усиленные 10–12 танками. В этих отрядах находились ответственные работники КГБ СССР.

В. Ф. Маргелов

Десантники 4-го вк перед вылетом на задание

Десантники 4-го вдк движутся к самолетам

Рядом с бойцами сани и матерчатые контейнеры, приготовленные к выгрузке

Выброска десанта началась!

Момент отделения парашютиста от самолета

Десантники разбирают лыжи и снаряжение

На земле. Парашютист освобождается от парашюта

Десант идет в атаку

Парашютисты залегли под огнем противника

В. Ф. Маргелов в годы Великой Отечественной войны

Маргелов на Параде Победы, 24 июня 1945 г.

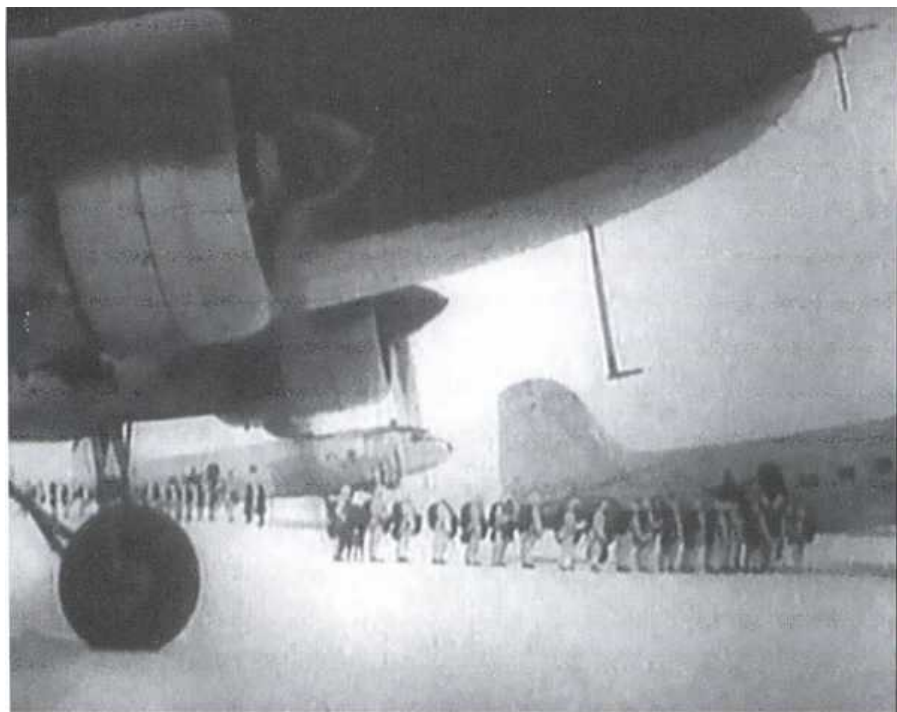

*Министр обороны СССР Г. К. Жуков, назначивший Маргелова на пост
командующего ВДВ*

В. Ф. Маргелов во время посещения одной из воинских частей

Учения ВДВ в 1950-е гг.

Генерал Маргелов обходит строи десантников

В минуты раздумья

В. Ф. Маргелов во время воздушного парада в Тушино

В. Ф. Маргелов приветствует экипаж БМД, впервые десантировавшийся вместе со своей машиной, В составе экипажа был один из сыновей генерала

Учения ВДВ в 1980-е гг.

В. Ф. Маргелов беседует с молодыми десантниками

Василий Филиппович всё это время не находил себе места и практически не покидал своего служебного кабинета. Как боевой генерал Великой Отечественной войны, он рвался непременно в гущу событий, к своим десантникам. И теперь он был уверен, что больше может пригодиться там.

Один раз он даже говорил по этому поводу с маршалом И. С. Коневым, но тот и слушать не стал.

— Но ведь я уже однажды брал Будапешт, — вскипел Маргелов.

— Ты нужнее здесь! Что последует за Венгрией — неизвестно, — ответил командующий войсками Варшавского договора.

Подполковник в отставке Ю. Болдырев о тех событиях рассказывает следующее: «Ситуация была очень сложная — десантников тогда отправили подавлять восстание. Я до сих пор рассказываю курсантам один случай и говорю, что если бы не моя выносливость, меня убили бы ещё 50 лет назад. Так случилось, что я со своим разведзвонком, всего 22 человека, попал в переделку — нас преследовали, а мы израсходовали уже все боеприпасы. Из вооружения остались только ножи. От преследовавших повстанцев нам удалось оторваться километра на три. Местность была открытая — мы друг друга видели как на ладони. Как только они останавливались на привал, мы тоже отдыхали. Они начинают движение — и мы идём. Так нас гнали 25 километров. Но мы всё же дошли до своих, и преследователи были уничтожены. Вот я и объясняю курсантам, что выносливость — обязательное качество для десантника. И я сам, и все мои солдаты тогда остались целы».

Рота капитана Минигулова из 114-го пдп получила задачу разоружить венгерский полк и дивизион самоходных орудий в нескольких километрах западнее Балатона. При штурме казарм полка рота десантников потеряла четырёх убитыми, так как мятежники не успели оказать серьёзного сопротивления.

«— Молодец, — сказал командир полка. — А теперь бери танковую роту и помоги Мухаметшину тюрьму взять».

— И вот подъехали к тюрьме, — рассказывал Шарип Хабеевич. — Мухаметшин контужен, ни черта не слышит, а контрреволюционеры укрепились и сопротивляются. Я попробовал Мухаметшина выслушать, а он и говорить не может как следует. Тогда я приказываю: два залпа по тюрьме из десяти танков. Как они долбанули — всё в дыму, в пыли. И сразу мятежники стали выкидывать белые простыни...

После этого нас бросили на Будапешт. В Будапеште я был четыре раза ранен — нога прострелена, осколок в голове, в плече

и в бок. Рота ушла вперёд. Они роту пропустили. А я шёл в арьергарде. Вот они по нам и рубанули. Шум, стоны... Вокруг все ребята убиты, а я с простреленной ногой упал, но заметил, что стреляют с четвёртого этажа. Рядом со мной гранатомётчик лежит неживой. Я дотянулся до гранатомёта, переполз за большое дерево. Выстрелил. И примерно два этажа на них обрушились. Огонь оттуда прекратился...». (О. Емельянов, К. Коваленко. В награду за «Вихрь».).

«Казарма «Киллиана» была центром обороны, на котором каждый этаж приходилось брать штурмом. Целый день взвод десантников под командованием старшего лейтенанта И. Ящика, отрезанный от основных сил, вёл неравный бой. Вот одно из донесений комвзвода: «4.11.56.21.00. Десантники дрались по-гвардейски. Если погибнем, считайте верными сынами Родины. Осталось 10 человек, которые могут вести бой... Не сойдём с места, пока не выполним приказ». (Б. Костин. Маргелов.).

«Тов. Зинуков М. С. в бою 4 ноября 1956 года проявил личное героизм, — говорилось в представлении на звание Героя Советского Союза гвардии старшего лейтенанта М. С. Зинукова. — Ворвавшись в здание студенческого общежития, огнём обеспечивал успешное продвижение батальона. Отрезанный от батальона, находясь в группе солдат из 7 человек, мужественно в течение часа отбивал попытки мятежников овладеть частью здания, обороняемой его группой, уничтожив при этом 20 мятежников. Четыре раза был ранен, но не покинул поле боя до тех пор, пока не прибыло подкрепление. От потери крови тов. Зинуков умер».

«В Будапешт вошли вечером, — вспоминает старшина М. Акуленко из 31-й гв. влд. — Город выглядел спокойным, сияли витрины, по улицам ходили люди. Помню, меня поразили освещённые будки телефонов-автоматов и справочные книги внутри. Присмотревшись, заметил несколько разрушенных домов и 2 танка без башен.

Новый приказ был — сменить обескровленную роту пехотинцев, безуспешно штурмовавшую здание университета. Не успела наша колонна втиснуться в узкую улицу-ущелье, как начался сущий ад. На нас обрушился шквал огня, из окон полетели гранаты. Из верхних их кидали связками, каждая из которых получила почему-то название «колбаса». Мы кинулись по подъездам, но и там были засады — и снова огонь, пули. Помню такую картину: на фоне зарева — церквушка, с колокольни вдоль улицы бьёт крупнокалиберный пулемёт. Почти напротив церкви наш танк стреляет и не может попасть в колокольню. По асфальту ползут раненые, кто-то в крови, много обгоревших. Но помочь им

не могу.

Нельзя и на секунду выпустить автомат из рук. На рассвете пришёл приказ — роте выйти из боя, пришла смена. Мы отошли за угол. Из 100 человек нас осталось всего 9. Университет позже пал. Было это 6 ноября 1956 года».

«7 ноября в день годовщины Октябрьской революции на улицах Будапешта продолжались бои, — вспоминает полковник в отставке Е. И. Малащенко. — Части дивизии генерала Г. И. Обатурова уничтожали вооружённые группы в центре города, к югу от улицы Ракоци и овладели радиостанцией «Кошуг». Подразделения 321-го гв. пдп получили задачу овладеть казармами Петефи... 100-й гвардейский танковый и 80-й гвардейский парашютно-десантные полки завершили очистку кварталов в треугольнике улиц Фиумэ, Непсинхаз, Ракоци. Мне пришлось ставить задачи и организовывать взаимодействие десантников и танкистов... Десантники стремительно врываются в дома, откуда вооружённые группы вели огонь, и решительными действиями очищали их, уничтожая или разоружая повстанцев».

Всё же, несмотря на порой жестокое и отчаянное сопротивление противника, десантники Маргелова в целом проявили исключительное мужество и героизм. Их отличало упорство и самоотверженность даже в самой невыгодной боевой обстановке.

18 декабря 1956 года закрытым Указом Президиума Верховного Совета СССР за оказание интернациональной помощи венгерскому народу было награждено 10 496 военнослужащих, в том числе 1710 десантников.

Например, только в составе 7-й гвардейской воздушно-десантной дивизии было награждено 972 человека: орденом Ленина — 3, орденом Красного Знамени — 40, орденом Красной Звезды — 184, орденом Александра Невского — 8, орденом Славы 3-й степени — 245, медалью «За Отвагу» — 296 и медалью «За боевые заслуги» — 196.

Звания Героя Советского Союза был удостоен один офицер.

«Подписывая представление на командира роты, Василий Филиппович Маргелов долго не мог вывести тяжкое слово «посмертно», — пишет Б. Костин. — Кроме этого представления, на его столе лежали ещё два подобных: на старшего лейтенанта Волокитина П. Г. и старшего лейтенанта Муравьёва Н. В. А вот подпись под представлением капитана Н.А. Харламова к Звезде Героя командующий ВДВ поставил с превеликой радостью. Гвардейцы Харламова — истинная гордость командующего. Тридцать человек из них были награждены медалью «За отвагу», один — орденом Славы III степени...

Вручение орденов и медалей происходило в штабе Воздушно-десантных войск, в довольно скромной обстановке. Стопка коробочек с правительственными наградами уменьшалась и, наконец, осталась одна, главная. Что припомнилось командующему ВДВ в тот миг? Возможно, крепкое рукопожатие Р. Я. Малиновского, вручившего ему в своё время высшую награду Родины. Когда начштаба объявил фамилию «Харламов» и зачитал Указ, командующий нарушил ритуал награждения: сначала обнял капитана, а потом под аплодисменты вручил ему Золотую Звезду Героя и орден Ленина».

Сам Маргелов никакой награды за эту операцию не получил, хотя именно его десантники успешно выполнили боевую задачу при минимальных потерях.

* * *

Всего же за 19 дней конфликта в Венгрии погибло более 700 советских солдат и офицеров... 7-я и 31-я гвардейские воздушно-десантные дивизии потеряли 85 человек убитыми, 12 — пропавшими без вести и 265 — ранеными.

В последних числах октября 1967 года на фоне дискуссий и идеологической борьбы в руководстве ЧССР произошли студенческие выступления. Когда во время беседы в хостёле Страхов с представителями молодёжного журнала «Млада фронта» студенты Пражского технического колледжа рассказывали про перебои с электричеством и отоплением, в это время как раз и выключили свет. Собравшись на манифестацию численностью около 1500 человек, они двинулись маршем на Градчаны с выкриками: «хотимучиться!» и «хотимсвета!». Чешская милиция за отказ выдвинуть свои пожелания организованно применила к ним водомёты и слезоточивый газ. Именно это событие повлекло ожесточение студенческой среды. Но дальше, как говорится, больше...

«В 1968 г. почти восемь месяцев Чехословацкая Социалистическая Республика (ЧССР) переживала период глубоких перемен, беспрецедентных в истории коммунистического движения, — рассказывается в книге «Россия (СССР) в войнах второй половины XX века». — Эти преобразования стали закономерным результатом нарастающего кризиса в этой относительно благополучной и развитой стране, в политической культуре которой глубоко укоренились преимущественно демократические традиции. Процесс демократизации в Чехословакии, подготовленный реформистски

настроенными силами внутри КПЧ, в течение ряда лет шёл почти незаметно для большинства аналитиков и политических деятелей Запада и Востока, в том числе и для советских руководителей. Они неверно истолковали характер политического конфликта внутри КПЧ в конце 1967 г., который привёл к смещению в январе 1968 г. первого секретаря Президиума ЦК КПЧ А. Новотного. Вместо него был избран А. Дубчек, выпускник Высшей партийной школы при ЦК КПСС, прекрасно говоривший по-русски. В Москве положительно отнеслись к избранию его первым секретарём ЦК КПЧ.

В конце марта А. Новотный подал в отставку с поста президента ЧССР. Вместо него, по рекомендации ЦК КПЧ, на этот пост был избран Людвиг Свобода, против которого советские руководители также не имели возражений. [...]

Затяжной характер политического кризиса, упорное противодействие Новотного и его сторонников Дубчеку, ряд скандальных происшествий 1968 г. (например, сенсационный побег в США генерала Яна Чейны, сопровождаемый слухами о неудавшейся попытке военного переворота в пользу восстановления Новотного), ослабление цензуры — всё это способствовало мобилизации общественной поддержки нового руководства. Заинтересованные в реформах лидеры КПЧ включили свою плюралистическую концепцию социализма «с человеческим лицом» в «Программу действий», принятую в апреле 1968 г. в качестве «Великой хартии вольностей» нового руководства Дубчека. Кроме того, Дубчек разрешил создание ряда новых политических клубов, а также отменил цензуру; в области внешней политики решено было проводить более независимый курс, отвечающий, однако, интересам Варшавского Договора в целом и политики СССР — в частности.

Поразительная стремительность событий в ЧССР в январе — апреле 1968 г. создала дилемму для советского руководства. Отставку ориентировавшихся на Москву сторонников Новотного, а особенно реформистские программы руководства Дубчека и возрождение свободы печати привели, с советской точки зрения, к опасной ситуации в одной из ключевых стран Восточной Европы. Кроме того, руководство ряда стран — участниц Варшавского Договора думало о возросшей, по их мнению, уязвимости границ и территории Чехословакии, перспективе выхода её из Варшавского Договора, в результате которого произошёл бы неизбежный подрыв восточноевропейской системы военной безопасности».

«Пражская весна» по своему характеру резко отличалась от событий в Венгрии в 1956 года. Реформистские перемены в ЧССР,

произошедшие там после января, в сущности, становились опасными. И хотя Дубчека и его сторонников пытались убедить в необходимости замедлить назревавшие перемены, тем не менее советская сторона оказывала на него политический нажим в ходе встреч и переговоров.

Сама же ситуация обострилась из-за категорического отказа чехословацкого руководства принять неоднократные предложения о размещении советского воинского контингента на территории ЧССР.

8 апреля 1968 года командующий Воздушно-десантными войсками генерал В. Ф. Маргелов получил директиву, подписанную Министром обороны и начальником Генерального штаба, согласно которой приступил к планированию применения воздушных десантов на территории ЧССР.

В директиве говорилось: «Советский Союз и другие социалистические страны, верные интернациональному долгу и Варшавскому Договору, должны ввести свои войска для оказания помощи Чехословацкой народной армии в защите Родины от нависшей над ней опасности». Там же оговаривался и такой момент: «...если войска Чехословацкой народной армии с пониманием отнесутся к появлению советских войск, в этом случае необходимо организовать с ними взаимодействие и совместно выполнять поставленные задачи. В случае, если войска ЧНА будут враждебно относиться к десантникам и поддержат консервативные силы, тогда необходимо принимать меры к их локализации, а при невозможности этого — разоружать».

Командующему ВДВ предписывалось после получения сигнала привести в полную боевую готовность в пунктах постоянной дислокации 7-ю и 103-ю гвардейские воздушно-десантные дивизии, вывести их в исходные районы для подготовки к высадке в Чехословакии парашютным и посадочным способами.

«Командующий и управление ВДВ в непосредственном контакте с офицерами и генералами Генерального штаба осуществили планирование применения воздушных десантов в операции, получившей кодовое название «Дунай», — рассказывают сыновья Василия Филипповича. — Как вспоминал командующий ВДВ Маргелов, было разработано три варианта ввода советских войск. После рассмотрения каждого из них Министр обороны остановился на варианте, предложенном десантниками.

Накануне несколько дней и ночей командующий провёл в стенах Генерального штаба, пока не был выработан окончательный вариант.

По приказу Маргелова десантники приступили к подготовке ведения боевых действий в условиях города. Им были доставлены карты Праги».

Высадка 7-й гв. вдд планировалась в районе Праги, а 103-й гв. вдд — в районе Пришбрам, Блатна, Табор. Поставленные задачи дивизиям были уточнены 12 июня. Словом, план подготовки десантирования соединений ВДВ был выполнен, а мероприятия по взаимодействию этих дивизий со всеми силами и средствами, участвующими в десантировании и обеспечении боевых действий воздушных десантов, отрабатывались в течение всего подготовительного периода.

Так в книге «Воздушно-десантные войска» подчёркивается: «Уточнялись боевые задачи, определялись способы совместных действий разведгрупп, места расположения командных пунктов и направления их перемещения. В интересах высадки десанта и действий дивизий организовывалась разведка, задачей которой являлось уточнение в Праге и Брно местонахождения объектов, которые подлежат захвату и охране подразделениями десанта.

Для решения этих задач накануне операции 20 августа в Прагу и Брно прибыли офицеры из штаба ВДВ и ВТА в форме лётного состава Гражданского воздушного флота СССР под предлогом группы сопровождения грузов для Чехословакии. Вся полученная информация передавалась в штабы. С началом высадки личного состава часть из указанных офицеров ВДВ выполняла роль проводников.

Подготовка войск к выполнению предстоящей задачи началась 3 июля 1968 года на основании предварительного распоряжения штаба ВДВ. К 29 июля в местах постоянной дислокации было осуществлено планирование десантирования и боевых действий, произведено доукомплектование соединений до штатов военного времени, выполнены основные мероприятия по всестороннему обеспечению боевых действий.

11 июля командир 103-й гв. вдд полковник А. Яценко, а 12 июля командир 7-й гв. вдд генерал-майор А. Горелов приняли решение на десантирование и боевые действия, которые были утверждены командующим ВДВ.

29 июля 1968 года были получены сигналы на выход соединений в район ожидания. В период нахождения войск в районах ожидания с 30 июля по 16 августа вблизи аэродромов организовывались занятия по боевой подготовке, направленные на выполнение поставленной задачи, при этом особое внимание обращалось на поддержание высокой боевой готовности. Содержание боевой задачи о предстоящих действиях до всех командиров частей, командиров батальонов, рот было доведено

19 августа, а до личного состава с 14 до 17 часов 19 августа».

Почему 19-го? Просто 18-го августа 1968 года на заседании Политбюро ЦК КПСС было принято решение о вводе войск Варшавского договора в Чехословакию.

В этот же день в Министерстве обороны СССР состоялось совещание. Выполнение поставленных задач согласно плану операции «Дунай» было возложено на командующих 1-й танковой армией, 20-й армией, 38-й армией, командующего Группой советских войск в Германии, командующего Южной группой войск, командующего Северной группой войск и командующего ВДВ.

20 августа в 23 часа 20 минут был намечен переход государственной границы Чехословакии. Сигнал «Ч» в день ввода войск (21 августа) «Влтава-666».

В своей книге «Вторжение. Чехословакия» бывший командующий 38-й армией генерал А. М. Майоров вспоминает некоторые детали разговора, состоявшегося на том совещании:

«Маршал А.А. Гречко обратился к генерал-лейтенанту Величко:

— Командарм, через 10–12 часов после «Ч» одной, а лучше двумя дивизиями вам следует соединиться с воздушно-десантной дивизией в районе аэродрома Рузине юго-западнее Праги...

В этот момент командующий ВДВ, генерал-полковник Маргелов, не всегда умеющий совладать со своим темпераментом, выпалил:

— Товарищ министр, воздушно-десантная дивизия вовремя... — Слова, похоже, не поспевали за возбуждённой мыслью десантника, — всё вдребезги разнесём к чёртовой матери.

Гречко замахал на него рукой: дескать, погоди...

— Товарищ министр. Все семь дивизий готовы разнести в клочья любого противника!

— Спокойно, генерал. Конкретно о 98-й дивизии.

— Докладываю. С военно-транспортной авиацией всё согласовано. Дивизия готова к высадке парашютным способом. После получения сигнала не более как через два часа.

— Утверждаю. Садитесь...

Гречко закрыл свою тетрадь. Я посмотрел на часы... Всё мероприятие заняло меньше часа. Точнее, 43 минуты.

...Все двинулись к двери. И вдруг кто-то тронул меня за плечо. Я обернулся и увидел Маргелова.

— Ну что, понял, Саша?

— Так точно, Василий Филиппович.

— А что понял? — осклабился воздушный десантник.

— Действовать надо решительно и твёрдо управлять войсками.

— Е... надо и фамилию не спрашивать — вот что надо!

Я остолбенел. В такое время и такой цинизм из уст прославленного героя войны».

На этом самом совещании Министр обороны СССР Гречко сказал: «Огонь открывать только с моего разрешения». И далее Майоров пишет: «Я взял на себя ответственность и приказал этим командирам на выстрел отвечать залпом».

20 августа десантники Маргелова сидели в самолётах, а в 3 час. 37 мин. 21-го на двух головных самолётах 7-й военно-транспортной дивизии уже высаживались из Ан-12 на аэродроме Рузине под Прагой и в течение всего лишь 15 минут блокировали основные объекты аэродрома.

«В 5 час. 10 мин. высадилась разведрота 350-го парашютно-десантного полка и отдельная разведрота 103-й воздушно-десантной дивизии. В течение 10 минут они захватили аэродромы Туржани и Намешть, после чего началась спешная высадка основных сил. По словам очевидцев, транспортные самолёты совершали посадку на аэродромы один за другим. Десант спрыгивал, не дожидаясь полной остановки. К концу взлётно-посадочной полосы самолёт оказывался уже пуст и тут же набирал ход для нового взлёта. С минимальным интервалом сюда стали прибывать другие самолёты с десантом и военной техникой.

На боевой технике и захваченных гражданских автомобилях десантники уходили в глубь территории, и к 9.00 ими были блокированы в г. Брно все дороги, мосты, выезды из города, здания радио и телевидения, телеграф, главпочтамт, административные здания города и области, типография, вокзалы, а также штабы воинских частей и предприятий военной промышленности. Командиров ЧНА просили сохранять спокойствие и соблюдать порядок.

Спустя четыре часа после высадки первых групп десантников важнейшие объекты Праги и Брно оказались под контролем союзных войск. Основные усилия десантников направлялись на захват зданий ЦК КПЧ, правительства, министерства обороны и генерального штаба, а также здания радиостанции и телевидения. По заранее разработанному плану к основным административно-промышленным центрам ЧССР направлялись колонны войск. Соединения и части союзных войск размещались во всех крупных городах. Особое внимание уделялось охране западных границ ЧССР» (Россия (СССР) в войнах XX века).

О тех днях августа 1968-го вспоминает командир 7-й гв.

воздушно-десантной дивизии генерал Л. Горелов: «Где-то 10 или 12 августа — тревога. У меня пакет: выдвигать дивизию на 9 аэродромов. В Прибалтике все аэродромы задействованы, калининградский аэродром, один белорусский аэродром. Пошла дивизия туда, в исходные районы, там встали. А что делать — ожидать.

Наши ракетные войска, там уже дали команду, погрузили ракеты учебные и возят рядом с населёнными пунктами...

Потом командующий прилетел. Я ему:

— Товарищ командующий, ночевать на аэродроме?

— Что? А где спишь?

— В лесу...

— Ты что командующего отделяешь от войск? Поехали туда!

Поехали, палатку ему поставили. Он отдал приказ, подписанный министром обороны, я отдал приказ войскам, и он улетел. А 21 августа, в 10 часов вечера, как будто, да, в 10, вся дивизия вперёд — на самолёты, и начали погрузку.

450 самолётов, самолётовылетов, везли меня в Прагу, три авиационных истребительных полка — в Германии, Польше прикрывали переброску.

Шли-то на десантирование... а не на посадку. Десант не посадочный, Политбюро два раза решение принимало, выбрасывать или сажать, и приняло мудрое решение — сажать. Если б нас ночью выбросили, то половину дивизии... Знаете, сколько людей было на аэродромах, сколько самолётов, сколько людей бы я погребил?

Посадили. Каждые 30 секунд самолёт садился: раз, раз, с полосы, сразу выгружали, выгружали, выгружали...

И пошли в Прагу.

Но, момент один есть. Дивизия, значит, артиллерия на машинах, миномёты 120 мм на машинах... Ну, самоходки, само собой, и так далее. Но пехота то вся... Только радиостанции у командиров. Ведь у десантников-то не было машин. Это сейчас они на боевых машинах, а у нас не было машин.

Так вот, мы десантировались и пошли, каждый знал куда идти, кто в ЦК, кто куда, но как идти? А на аэродроме сотни автомобилей стоят, это иностранцы, они же и не закрывают эти машины, а десантники все знают, как водить машины, так они угнали все эти машины!

Я когда сидел в Генштабе и смотрел с балкона — вы видели в кино, как батька Махно — вот он играет на гармошке, сидя на тачанке. Так и они: сидят на этих машинах, облепили их, и входят в Прагу.

Вошли. Что нас спасло от кровопролития?.. А вот почему: там

были готовы отряды, готовые заранее, Смарковский руководил, идеолог и другие, которые выступали против Свободы. Они сформировали отряды, но оружие не выдавали, оружие по тревоге — приходи, бери оружие. Так мы знали, наша разведка знала, где эти склады. Мы захватили склады в первую очередь, а потом брали ЦК, Генеральный штаб и так далее, правительство. Первую часть сил мы бросили на склады, потом всё остальное.

Короче говоря, в 2 часа 15 минут я приземлился, а в 6 часов Прага была в руках десантников. Чехи утром проснулись — к оружию, а там стоит наша охрана. Всё...

В 10 часов поступил приказ из Москвы вывезти правительство и Дубчека на аэродром и отправить в Москву, на переговоры. Всех их вывезли туда, но уже вывозили не десантники, а БТРы 20-й армии. Я только помогал их вынимать всех, вытаскивать.

Довезли к аэродрому, получили расшифровку — Дубчека оставить. Остальных отправить самолётом, а Дубчека оставить, чтобы он обратился к народу. Я думаю, дай поеду, посмотрю на Дубчека... Приезжаю, представляюсь ему: «Товарищ Генеральный секретарь, командир седьмой дивизии такой то, здравствуйте!» Он выходит из машины, а тут караул, охраняют, зам. комдив — полковник, начальник караула.

Он мне говорит...

Вот когда я это рассказывал, то министр чуть со смеху не умер!

Говорит: «Товарищ генерал, а у вас нет чекушки, ну, выпить? То есть, 100 грамм, не чекушки, 100 грамм?»

Я говорю: «Товарищ Генеральный секретарь, у нас сухари есть, сухпай есть, всё у нас есть, накормить могу, но водки нету...»

А сержант сзади стоит, говорит: «Товарищ генерал, у меня есть чекушка!»

Твою мать, я как услышал, сержант, в карауле!

Я когда министру рассказывал, он со смеху катался!.. [...]

Получаю телеграмму — встретить командующего. Я его встретил, привожу, говорю: «Товарищ командующий, представляю вам всю дивизию». Я её сам не видел целиком, потому что они стояли по полкам. А тут всю дивизию построил на Рузыне, даже девчат в форме десантной, но последняя колонна — медсанбат. А я тренировался, Маргелову машину дал, себе машину, на машинах встретились, как положено. Привезли посла, все посмотрели парад... А девки красивые идут, б...

Он говорит: «Ох, лет десять назад, да как бы...»

Я говорю: «Товарищ командующий, не прибедайтесь!»

Генерал Горелов очень хорошо помнит, как они с

Маргеловым ехали по Праге.

— Я думал, тут по трупам буду ехать, а все гуляют, — воскликнул Василий Филиппович.

— Вы закройте плащ-накидкой свой мундир, — только и успел сказать комдив, как в один миг командующему на грудь попал спелый помидор. — Вот видите, боевые действия идут!

К слову сказать, уже через 36 часов после начала операции Чехословакия была занята. А ведь участвовало в операции ни много ни мало около 500 тыс. человек и более 5000 единиц бронетехники. В общей сложности в Чехословакию вошли 7 дивизий из ГДР, 2 из Польши и 3 из СССР. При этом все 10 дивизий чехословацкой армии (около 200 тыс. чел.) оставались в течение всего этого времени в казармах.

Таким образом, в военном отношении операция по вводу советских войск в Чехословакию была проведена абсолютно безукоризненно.

На этот раз Василию Филипповичу всё же удалось побывать в Праге. Произошло это перед самым выводом десантников из города. Очень сильно он гордился, когда узнал, что через час после завершения операции американские военные специалисты дали действиям его войск оценку «отлично».

В своём докладе Министру обороны он сообщал: «В десантников бросали камни, плевали, выкрикивали антисоветские лозунги и ругательства, бросались на солдат и делали попытки выхватить оружие, забрасывали контрреволюционными листовками и другой печатной литературой. В этой сложной обстановке десантники-разведчики не растерялись, проявили стойкость и упорство, хладнокровие и выдержку, высокую политическую зрелость и понимание той роли, которая была возложена на них при выполнении ответственной и благородной задачи».

16 октября 1968 г. между правительствами СССР и ЧССР был подписан договор об условиях временного пребывания советских войск на территории Чехословакии, согласно которому часть советских войск оставалась. И хотя, в отличие от Венгрии, боевые действия в Чехословакии не велись, там погибло в результате действий враждебно настроенных лиц 11 военнослужащих, а 87 военнослужащих было ранено и травмировано. Кроме того, погибло в катастрофах, авариях, при неосторожном обращении с оружием и боевой техникой, а также умерло от болезней — 87 человек.

Более 1000 десантников за образцовое выполнение воинского долга будут награждены правительственными наградами. Как всегда орденом не наградят только одного Василия Филипповича.

В декабре 1968 года, подводя итоги перед новым учебным годом, он собственной рукой напишет тезисы для своего выступления: «— Высокая оценка, данная Политбюро ЦК КПСС, Советским правительством и министром обороны, не означает, что у нас нет нерешённых вопросов.

— Мы далеко не всегда будем иметь такой продолжительный срок для подготовки к действиям, поэтому должны работать над сокращением времени выхода к аэродромам и завершения подготовки к десантированию.

— В боевой подготовке... в 1969 году запланировать и провести одно тактическое ротное учение «Ведение боя в населённом пункте». Эти же учебные вопросы включить и в батальонные учения.

— Научить личный состав грамотно и уверенно пользоваться планами городов, учитывая опыт действий в Чехословакии, когда были сорваны и уничтожены дорожные указатели и таблички с названиями улиц, номерами домов. Практический опыт 7-й и 31-й воздушно-десантных дивизий в Чехословакии показал — наиболее целесообразной группировкой является усиленный парашютно-десантный батальон. Требую «сколачивать» это подразделение как основную боевую единицу.

— Учить офицеров, особенно в первые часы десантирования, писать краткие и ясные донесения, а радистов — хорошо работать в условиях радиопомех.

В выводах, представленных в Министерство обороны, Маргелов напишет: «— Необходимо иметь в ВДВ воздушный пункт управления командующего ВДВ на самолётах Ан-12 (Ан-24), оборудованных надёжными средствами связи.

— Штаты шифрорганов штабов Воздушно-десантных войск — дивизий, полков необходимо пересмотреть в сторону их усиления личным составом и оснащения спец-автобусами.

— На базе существующего батальона связи ВДВ сформировать отдельный полк связи.

— Создать для ВДВ переносную, десантируемую в контейнере радиостанцию дальней связи с радиусом действия 3000 км.

— Размещение командного пункта ВДВ в Генеральном штабе нецелесообразно, поскольку создаёт трудности в управлении дивизиями.

Действия 7-й и 103-й воздушно-десантных дивизий ещё раз убедительно подтверждают необходимость оснащения воздушно-десантных соединений боевой машиной ВДВ».

Так что эти два военных конфликта или события вполне можно прибавить ещё к трём войнам Василия Филипповича Маргелова. Он и сам, используя военный сленг, подчёркивал своё

участие в пяти войнах.

Глава 10

«В зоне особого внимания»

Думаю, что многие хорошо помнят художественный фильм, вышедший в Советском Союзе в прокат в 1977 году. Его снял режиссёр-дебютант, работавший ассистентом Озерова на фильме «Освобождение», Андрей Малюков, а сценарий к фильму написал военный корреспондент Евгений Месяцев.

По сюжету фильма готовятся большие военные учения и командир гвардейского воздушно-десантного полка «Южных» направляет в тыл условного противника («Северные») три разведывательно-диверсионные группы для обнаружения замаскированного командного пункта. На всё про всё даётся ровно двое суток, и разведчики-десантники выполняют задание в условиях, максимально приближённых к боевым. Но только третьей разведгруппе лейтенанта Тарасова удаётся избежать западни.

Теперь известно, что съёмки этого фильма удалось начать только благодаря В. Ф. Маргелову.

«Василий Филиппович был человек, как сейчас сказали бы, харизматичный, — рассказывал на одной из творческих встреч режиссёр фильма. — От него просто исходили некие энергетические потоки мощной личности. Было ясно, что за ним стоит биография удивительная, что внутренней силой и энергетикой он мощен. Он и ряд здравомыслящих людей написали соответствующее письмо в политическое управление страны, в Центральный Комитет Коммунистической партии. И лишь таким образом удалось начать работу над этим проектом».

Правда, через шесть месяцев после съёмок А. Малюкову пришлось вырезать лучшие и самые эффектные сцены, например, когда взлетает целый полк Илов. Этот фрагмент был строго-настрога запрещён цензурой.

И всё же режиссёру удалось «сделать фильм, который бы поднял народ, заставил почувствовать гордость за ВДВ, воспитал бы в пацанах чувство гордости и отваги, воспитал бы граждан и патриотов...»

Лично я смотрел этот фильм неоднократно и до сих пор убеждён, что тогда всё это удалось опять-таки не без помощи знаменитого Маргелова.

И пусть разведчики ВДВ уже тогда носили на заданиях специальные маскировочные шапочки и маски, Василий Филиппович лично настоял, чтобы в фильме они были в голубых

беретах. И они были!

Как утверждает Б. Костин, «в титрах кинофильма «В зоне особого внимания» [...] фамилия командующего ВДВ не значится. Однако, по воспоминаниям участников, Василий Филиппович был его душой.

— Сделайте кинофильм ярким, необходимым для тех, кто о десантной службе понятия не имеет. Чтобы парни не по подъездам и кабакам шатались, а имели перед собой пример службы Отечеству и подлинно мужской дружбы и чтобы парней этих любили самые красивые девушки.

Едва фильм прошёл по стране, как конкурс в Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище, и прежде высокий, вырос до 20 человек на место».

К слову сказать, фильм «В зоне особого внимания» получил Главный приз за режиссуру (Фестиваль молодых кинематографистов студии «Мосфильм» — 1977 г.), Главный приз фильму (Фестиваль молодых кинематографистов Москвы, посвящённый 60-летию комсомола — 1978 г.), Серебряную медаль имени А. Довженко (награждены сценарист, режиссёр, оператор, актёры Б. Галкин и М. Волонтир) и Государственную премию РСФСР имени братьев Васильевых.

Так что фильм получился во всех отношениях!

Но были у генерала Маргелова и свои собственные «зоны особого внимания». К одной из них с полным правом можно отнести форму одежды десантников.

Советские десантники до войны носили повседневную общевойсковую форму одежды с голубым (авиационным) приборным цветом. Голубыми были петлицы для всех категорий военнослужащих (золотистая окантовка у командиров и чёрная для политработников, старшин, сержантов и рядовых). Также командиры отличались голубыми кантами на обмундировании. Они же носили тёмно-синюю или защитного цвета фуражку с голубыми кантами на тулье и околыше. До 1939 года к ней крепилась красная звезда, а затем была введена авиационная кокарда — красная звезда, наложенная на двойную золочёную бухточку в центре вышитого золотой канителью лаврового венка. На тулье появились вышитые золотистые крылья со звёздочкой в центре, околыш фуражки стал голубым.

Кроме фуражки, распространённым головным убором была тёмно-синяя пилотка с голубыми кантами и такой же суконной звездой, поверх которой крепилась эмалевая красная звёздочка.

Командиры ВДВ отлётно-подъёмного состава отличались отсутствием на левом рукаве специальной эмблемы (крылатый пропеллер и перекрещенные мечи).

В петлицах десантников крепились обычные авиационные эмблемы: пропеллер с крыльями.

Обмундирование красноармейцев было обыкновенным общевойсковым, отличаясь голубыми петлицами и суконной звездой на зимней будёновке защитного цвета.

С введением погон и последовавшим за этим изменением формы одежды десантники вновь получили авиационные знаки различия.

Например, солдаты ВДВ на общевойсковой форме носили голубые погоны с чёрными кантами, а на них помещались авиационные эмблемы, латунные или выкрашенные по трафарету. Шинельные полевые петлицы защитного цвета окантовывались голубым кантом.

Офицеры-десантники продолжали носить авиационную довоенную фуражку и синие галифе с голубым кантом.

Однако личный состав переформированных в 1942 году из воздушно-десантных корпусов гвардейских стрелковых дивизий, хотя и продолжал долгое время носить форму ВДВ, но всё же постепенно был переодет в общевойсковое обмундирование.

А в 1948 году не кто иной, как Василий Филиппович Маргелов, передаст Военному совету ВДВ просьбу своих солдат и офицеров (и лично свою) пересмотреть форму одежды Воздушно-десантных войск. Сам он предложил ввести авиационную форму, так как она являлась традиционной.

Однако путь к ней окажется долгим и не совсем простым.

Так в 1955 году, в связи с переходом Советской Армии на новую форму одежды, разрабатывались и новые знаки различия для военнослужащих разных видов и родов войск. Не стали исключением и ВДВ. По всем частям и соединениям был объявлен конкурс на разработку новой символики. Были предъявлены и соответствующие требования.

— Только не надо никаких геральдических измышлений. Эмблема должна быть простая и всем понятная. Чтоб любой увидел и сразу понял: не просто добрый молодец стоит, а десантного роду-племени. Пусть каждый солдат и офицер подумает и свой вариант предложит, да чтобы от души делали, а не детские рисунки присылали, — высказал своё мнение на заседании Военного совета Василий Филиппович.

«Войска отнеслись к призыву «дяди Васи» более, чем внимательно: штаб ВДВ буквально завалили письмами с эскизами, которых в общей сложности набралось более 10 тысяч, — свидетельствует ветеран ВДВ В. Круглов. — А победил в конкурсе, ко всеобщему удивлению, рисунок ведущего чертёжника штаба ВДВ Зинаиды Ивановны Бочаровой.

— Знаете, кто больше всех любит десантные войска? — интригуяще спросил Василий Филиппович перед объявлением победителя.

— Да кто же больше вас, товарищ командующий? — пошутили в ответ офицеры.

— Ни черта не знаете, — продолжил Маргелов. — Ходите каждый день мимо и не видите. Чертёжница это наша. С парашютом-то ни разу не прыгала, а войска любит! Всем сердцем, говорит, рисовала. И, правда — наша это эмблема, дух в ней наш, десантный! А вы тут пыжитесь. Учитесь войска любить.

Так плод женской фантазии стал эмблемой самого мужественного рода войск.

Интересно, что когда в 1978 году Василий Филиппович уходил в отставку, он, зайдя в чертёжное бюро к Зинаиде Ивановне, сказал на прощание: «Знаешь, Зинаида, эмблема-то твоя нас с тобой переживёт. И если меня зовут десантник № 1, то ты точно десантник № 2. Спасибо тебе огромное от всех Воздушно-десантных войск!»

В 1969 году были утверждены предложения Министерства обороны СССР по изменению знаков различия и улучшению формы одежды военнослужащих Советской Армии и ВМФ.

Теперь для офицеров и военнослужащих сверхсрочной службы ввели летний хлопчатобумажный китель защитного цвета такой же конструкции, как полевой, но открытый, с застёжкой на четыре форменные пуговицы золотистого цвета и голубыми петлицами на концах воротника, на которых крепились эмблемы воздушно-десантных войск золотистого цвета.

За счёт продления срока носки полевой фуражки с трёх до четырёх лет офицерам и военнослужащим сверхсрочной службы Воздушно-десантных войск был также введён шерстяной голубой берет, на котором спереди размещалась кокарда с эмблемой образца, существующего для повседневной фуражки офицеров авиации и Воздушно-десантных войск.

Вновь введённые берет, летний открытый хлопчатобумажный китель с тельняшкой, брюки защитного цвета в сапоги, сапоги и снаряжение по указанию командира части десанникам разрешалось носить при повседневной и полевой летней форме одежды.

Коснулись изменения и парадно-выходного обмундирования десантников. Для офицеров и военнослужащих сверхсрочной службы был установлен синий цвет.

Для сержантов, солдат и курсантов военных училищ Воздушно-десантных войск введён такой же шерстяной голубой берет, как и для офицеров Воздушно-десантных войск, но с

пятиконечной красной звездой и эмблемой, как на парадно-выходной фуражке. Берет, открытый китель и брюки защитного цвета, тельняшка (выдавалась вместо нательной рубашки), сапоги и поясной ремень эти категории военнослужащих носили в качестве повседневной формы одежды.

Как пишут сыновья В. Ф. Маргелова: «Командующему пришлось долго обивать пороги военных ведомств, пока, наконец, министр обороны не согласился ввести десанникам береты... 30 июня 1967 года командующий ВДВ генерал-полковник В. Ф. Маргелов рассмотрел в ресторане «Прага» рисунки, выполненные художником А. Б. Жуком, новые униформы для десантников, в том числе и два берета. При повседневном ношении предполагалось ношение берета защитного цвета с красной звездой. Однако этот берет так и остался на бумаге. На рисунке десантника в малиновом берете В. Ф. Маргелов поставил резолюцию: «Оставить для парадов в Москве». С правой стороны берета располагался голубой треугольный флажок с эмблемой ВДВ, а спереди — звезда в венке из колосьев. У офицера на берете носилась кокарда с эмблемой образца 1955 года и летняя эмблема (звезда с крыльями).

В таких же беретах и в новой форме парашютно-десантные подразделения впервые прошли по Красной площади на военном параде 7 ноября 1967 года. Несколько позже (в 1968 году) малиновые береты заменили на голубые. 26 июля 1969 года приказом МО СССР № 191 были введены очередные правила ношения военной формы одежды. В них впервые «официально» появился берет голубого цвета (до этого приказов о введении беретов для ВДВ не было). Спереди на беретах для солдат и сержантов прикреплялась звезда в венке, а для офицеров — кокарда ВВС. Красный флажок с эмблемой ВДВ на рисунке отсутствовал, но несмотря на это, носился на левой стороне военнослужащими гвардейских частей, а на парадах в Москве перемещался на правую сторону. Идея ношения флажков принадлежала также командующему ВДВ. В отличие от флажков голубого цвета на малиновых беретах, размеры которых были указаны в технических условиях на изготовление, красные флажки в каждой части изготавливались самостоятельно и не имели единого образца. 4 марта 1989 года в новых правилах ношения одежды было закреплено ношение флажка на беретах всеми военнослужащими Воздушно-десантных войск, десантно-штурмовых частей и частей специального назначения. Правда, морским пехотинцам чёрный берет был введён приказом МО СССР ещё 5 ноября 1963 года, но впервые они прошли в полевой форме по Красной площади на ноябрьском параде в 1968 году».

Красный и его оттенки (от малинового до алого) — самые распространённые цвета беретов воздушно-десантных войск мира, в том числе отрядов ВДВ Франции, ВДВ итальянского корпуса карabinеров, воздушных десантников Дании, Норвегии, Германии, Великобритании, Польши, Чехии, Сирии, Израиля, Египта, Индии, Индонезии, Канады, США, Венесуэлы и Бразилии.

Зелёный цвет во время Второй мировой войны использовали десантники вермахта. В настоящее время зелёные береты — элемент униформы десантных подразделений французского иностранного легиона, а также ВДВ Португалии и Греции.

Синий и голубой — цвета беретов бойцов ВДВ России, Испании, а также воздушно-десантных частей французской национальной жандармерии.

Серый цвет имеют береты военнослужащих ВДВ Югославии.

Другой такой «зоной особого внимания» Маргелова можно назвать кадры его войск. Это в современной армии давным-давно переиначили ёмкие слова Сталина «кадры решают всё». Теперь же говорят в соответствии с духом времени: «В кадрах решают всё».

Поэтому у нас и борются с коррупцией. А тогда кадры действительно решали всё! И генерал Маргелов знал об этом не понаслышке.

Речь идёт о Рязанском Высшем дважды Краснознамённом Воздушно-десантном училище.

Внимание к нему Маргелова было в числе первоочередных задач его работы как командующего ВДВ. В училище — кузницу кадров офицеров-десантников — он лично вложил много сил.

А начиналось всё как обычно, на скорую руку... 2 августа в Куйбышеве на базе пехотного училища было скрытно создано военно-парашютное училище для подготовки военных кадров ВДВ, которое тщательно скрывалось за номером воинской части 75 021. Училище расположилось на крутом берегу Волги, с которого город был виден во всей своей красоте.

Таким образом, был решён вопрос, связанный с восполнением потерь в офицерском составе воздушно-десантных войск, который назрел очень и очень давно, но трудностей на новом месте оказалось с избытком.

«Не хватало ни преподавателей, ни материальных ресурсов, — констатирует Б. Костин. — Назначенный на должность начальника училища полковник Д. И. Высоков, пришедший из ВВС, смутно представлял, чему и как нужно учить будущих офицеров ВДВ. Неоценимую помощь оказал ему отозванный с фронта майор И. И. Лисов. Ивану Ивановичу, как

начальнику учебного отдела, удалось в необычайно короткое время сформировать хоть какое-то пособие тематических циклов изучения материальной части людских и грузовых парашютов, тактики действий десантников в тылу врага».

И ещё: «Инспекция Воздушно-десантных войск Красной Армии не сидела сложа руки и подготовила в начале 1942 года «Наставление по парашютным прыжкам». Училище занимало свои «собственные» самолёты ТБ-3 и Ли-2, а на должность начальника был назначен полковник И. И. Курышев, участник десанта под Вязьму».

Но только всё стало получаться, как новый приказ, и в сентябре 1942 года училище было эвакуировано в Москву, где разместилось в здании Военно-воздушной академии имени Жуковского, которая в свою очередь эвакуировалась в Ташкент.

Снова началось всё с самого начала...

К концу 1943 года фронт оказался на западе и в столицу стали возвращаться «прежние хозяева» освобождённых зданий. Десантному училищу пришлось отправиться в подмосковное Нахабино, где размещались высшие офицерские курсы ВДВ.

За их «широкой спиной», а они выпускали специалистов и начальников парашютно-десантных служб, училище не просто скрылось, но и потеряло всякую самостоятельность.

В 1946 году новый приказ, и командир расформированного 7-го отдельного учебного парашютно-десантного полка, расквартированного в Звенигороде, был направлен с рекогносцировочной группой в Киргизскую ССР (г. Фрунзе) для поиска новой базы.

В результате непростых мытарств была выбрана база расформированных кавалерийского полка и пехотного училища: «Военный городок занимал целый квартал в центре города между улицами Токтогула, Ворошилова, Сталина. Имелись две казармы, столовые, спортивный городок...»

В 1947 году училище переводят в очередной раз. Теперь городом-пристанищем стал г. Покровск, что под Алма-Атой (Казахстан), небольшой городок, называемый «70-м разъездом».

Военнопленные японцы не так давно построили там аэродром и казармы для расформированного авиационного полка. В сорока километрах находился учебный центр училища со стрельбищем.

На двух курсах проходили подготовку начальники парашютно-десантных служб и готовились строевые офицеры.

Большинство курсантов имели за плечами боевой опыт и обучались раньше в Ташкентском, Киевском, Фрунзенском пехотных училищах.

В 1948 году в стенах училища обучались солдаты и сержанты

— фронтовики. Всего за один год и девять месяцев из них готовили офицеров ВДВ.

Только к сентябрю 1949 года училище окончательно сформировало свою структуру и перешло на трёхлетний срок обучения. Тогда уже туда поступала гражданская молодёжь.

Среди основных дисциплин были такие: воздушно-десантная подготовка, тактика, огневая подготовка, военная топография, история военного искусства, иностранные языки.

В конце августа 1949 года генерал Маргелов, будучи командиром 76-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, был направлен командующим ВДВ генералом С. И. Руденко в Алма-Ату с инспекцией училища.

Как пишет Б. Костин, доклад представленный «Маргеловым командующему ВДВ, был обстоятельным. Василию Филипповичу было что и с чем сравнить. Главное, что он чётко представлял истинную потребность в командирах, имевших основательный багаж знаний в десантной науке. Увы, училище, едва вставшее на ноги, похвастаться достижениями не могло. Маргелов прекрасно сознавал, что нельзя требовать от преподавательского состава, который, к слову, был сформирован из самых опытных офицеров ВДВ, невозможного. Прежде всего, необходимо было наладить быт курсантов, обеспечить их парадно-выходной формой. В Алма-Ате, культурном центре Казахстана появляться в затрапезном виде было верхом неприличия, и новенькое обмундирование, которое «пробил» Маргелов, вскоре разместилось на вешалках в ротных каптёрках».

К слову, в докладе также прозвучал факт значительного удаления училища от центра страны, что мешало и материальному обеспечению, и оперативному инспектированию.

Однако голос Василия Филипповича пока услышан не был.

Став командующим, Маргелов свою первую ознакомительную поездку совершил именно в Алма-Ату. Собрав представителей республиканских властей и не выбирая выражений, как он превосходно умел, Василий Филиппович поставил перед ними все насущные вопросы училища ребром.

Сам он не переставал думать о новом месте для единственного училища ВДВ. И только поездка в Рязань, где имелось пехотное училище, окончательно убедила его в необходимости добиваться его размещения в этом городе. В итоге ему это удалось.

В июне 1958 года Постановлением Совета Министров СССР Рязанское пехотное краснознамённое училище было преобразовано в Высшее общевойсковое командное училище с четырёхлетним сроком обучения. И тут Василий Филиппович

убедительно предложил руководству страны рассмотреть вопрос о слиянии этого училища и Алма-Атинского в одно.

1 мая 1959 года из Казахстана в Рязань отправился первый эшелон курсантов десантного училища. А 4 апреля 1964 года училище в Рязани стало называться Рязанским высшим воздушно-десантным командным Краснознамённым училищем. Но офицерские кадры для ВДВ училище стало готовить именно с 1959 года.

С 1962 года оно перешло на новый профиль обучения, когда знания одного из иностранных языков стали обязательными. Теперь в дипломе выпускника в графе «квалификация» стали писать: «офицер со средним военным образованием, переводчик-референт по английскому или немецкому, либо французскому языку».

«О широте взглядов В. Ф. Маргелова может свидетельствовать география военных училищ, где готовили офицеров для Воздушно-десантных войск, — считает Б. Костин. — В Рязани два военных училища, автомобильное и связи, готовили офицеров с «десантным уклоном». В Коломне и Ленинграде обучались десантники-артиллеристы. В Костроме и Тамбове — химики. В Ленинграде и Смоленске — офицеры комплексов ПВО, в Тюмени — офицеры инженерных подразделений. Врачей для ВДВ готовили военные кафедры медицинских институтов в Томске и Саратове, офицеров тыла — Вольское училище и Академия тыла и транспорта в Ленинграде.

Но, пожалуй, особой заслугой В. Ф. Маргелова является создание специализированной кафедры ВДВ Общевойсковой орденов Ленина и Октябрьской революции, Краснознамённой, ордена Суворова академии имени М. В. Фрунзе. В сентябре 1967 года за парты сели первые слушатели из ВДВ. При этом Василий Филиппович настоял, чтобы офицеры-десантники обладали значительным преимуществом и могли поступать в академию с должностей командиров отличных рот, тогда как для «сухопутчиков» устанавливалась планка не ниже заместителя командира батальона».

Сегодня училище (институт) ВДВ в Рязани в своём составе имеет собственно училище, учебный центр, расположенный в 60 км от города, авиационную военно-транспортную эскадрилью и Центральный парашютный клуб ВДВ.

На территории училища имеются общежития казарменного типа для размещения курсантов, учебные корпуса и лаборатории для проведения занятий (в том числе огневой и технический комплексы), стрелковый тир, комплекс воздушно-десантной подготовки и тренажёрные залы для занятий различными видами

единоборств, стадион со спортивным городком, столовая, курсантское кафе, клуб, почта, медицинский пункт, комбинат бытового обслуживания.

Теперь училище готовит командный состав с высшим военно-специальным образованием по двум специальностям: «Управление персоналом», командир парашютно-десантного взвода Воздушно-десантных войск, с присвоением квалификации — менеджер; «Перевод и переводоведение», командир разведывательного взвода парашютно-десантных подразделений Воздушно-десантных войск, с присвоением квалификации — лингвист-переводчик.

Обучение и воспитание курсантов осуществляют 9 военных и 3 гражданских кафедры: тактики, тактико-специальной подготовки, вооружения и стрельбы, гуманитарных и социально-экономических дисциплин, воздушно-десантной подготовки, материальной части и ремонта, эксплуатации и вождения, управления войсками в мирное время, физической подготовки и спорта, иностранных языков, математики и физики, русского языка.

Среди выпускников института 45 Героев Советского Союза, 63 Героя Российской Федерации, тысячи кавалеров боевых орденов и более 60 рекордсменов Вооружённых Сил СССР, России и мира по парашютному спорту.

Всё это и многое другое прежде всего связано с именем В. Ф. Маргелова. Кстати сказать, его имя было присвоено училищу 12 ноября 1996 года распоряжением Президента РФ № 535-рп.

«А с каким желанием шли молодые люди в Рязанское училище! — вспоминают сыновья Маргелова. — Ежегодно, когда летом начинались вступительные экзамены, у здания штаба в ВДВ в Москве на Матросской Тишине по утрам толпились молодые парни, чтобы лично увидеть командующего и упросить его разрешить повторно сдавать математику или русский язык, по которым получена двойка, и быть зачисленными в училище. Были и такие, которые, хватаясь за соломинку, добирались до его казённой дачи во Внуково или московской квартиры. Прячась в кустах возле дачи, терпеливо дожидались появления командующего, видя в этом последний шанс попасть в избранное ими престижное военное училище страны».

Лично знавший Маргелова контр-адмирал в отставке Н. Д. Румянцев сказал про Маргелова следующее: «У Маргелова было много славы, но отсутствовало тщеславие». А ведь не самый маленький кусочек этой славы Василий Филиппович заслужил за училище ВДВ.

Следующей «зоной особого внимания» Маргелова был вопрос

вооружения Воздушно-десантных войск, которое всегда должно быть лёгким и удобным при десантировании.

Например, «к 1960 году в ВДВ стали поступать автоматы АКМС со складывающимся прикладом, — рассказывает Б. Костин. — Ручной пулемёт Калашникова с большой скорострельностью и дальностью сменил ленточный РПД, ручной противотанковый гранатомёт РПГ-9 стал разборным. В разведывательные подразделения поступила снайперская винтовка Драгунова (СВД).

Стремясь обеспечить десант современным оружием, В. Ф. Маргелов заседал на своего заместителя по вооружению генерала С. Е. Горшкова. А тот уже в свою очередь теребил разработчиков, которые в 1974 году порадовали десантников автоматами Калашникова калибра 5,45 мм (АКС-74 и АКСУ-74), пулемётами РПКС-74 (7,62 мм), «Печенегом», подствольным гранатомётом ГП-30 (30 мм), противотанковым гранатомётом на сошках РПГ-70. Такого универсального стрелкового вооружения в то время не имело ни одно подразделение воздушно-десантных войск НАТО».

В одном из документов, подписанном командующим ВДВ генерал-полковником В. Ф. Маргеловым, датированном 10 мая 1967 г., говорится: «Десантный парашют Д-1-8 имеет принципиально новую последовательную схему введения его в действие, что позволило ВДВ и ВТА нормально вести боевую подготовку личного состава по совершению прыжков со всех типов современных самолётов на скоростях полёта до 400 км/ч по прибору и постоянно находиться в боевой готовности десантирования. Это убедительно было продемонстрировано на воздушном параде в 1961 году в Москве и на многих учениях стран Варшавского Договора и дважды получало высокую оценку Маршала Советского Союза тов. Малиновского Р. Я. в его выступлениях на XXII и XXIII съезда КПСС. В настоящее время на парашютах Д-1-8 совершено более трёх миллионов прыжков, и они показали высокую надёжность в действии».

В судьбе этого парашюта, как всегда, принял своё участие Василий Филиппович. Как вспоминают очевидцы, он проявил дальновидность, решительность, взял на себя ответственность, когда судьба нового изделия висела на волоске.

Когда старый и верный парашют Д-1 для прыжков со скоростных самолётов оказался непригоден, потребовалось создать что-то новое.

И вот появляется Д-1-8. Его использование, в значительной степени способствовало бурному развитию транспортной скоростной авиации.

«Он прошёл государственные и войсковые испытания и был

принят на вооружение ВДВ и ВВС, — рассказывает Ф. Лушников. — Первыми его испытателями стали сами изобретатели и их друзья: В. Г. Романюк, Н. К. Никитин, А. В. Ванярхо. С Д-1-8 прыгали из самолётов Ан-8, Ан-10, Ан-12, Ту-4Д и других, и во всех случаях он вёл себя безупречно.

Испытания, а также массовые десантирования на различных войсковых учениях со скоростных самолётов позволили сделать вывод, что предложенная Дорониными схема последовательного введения в действие десантных парашютов не имеет себе равных. Достоинство её состояло в том, что исключалось попадание вытяжных парашютов в стропы основных куполов. Стropы вытяжного парашюта теперь уже не могли зацепиться за ноги, голову, вооружение, снаряжение десантника...

Последовательная схема вступления в действие Д-1-8 в два-три раза уменьшила динамическую нагрузку на человека, потому что скорость падения гасилась постепенно.

Немаловажное значение имел и тот факт, что парашютист сразу же после отделения от самолёта занимал положение ногами вниз по потоку. Он не испытывал ни кувырков, ни сильных вращений, имел хороший обзор окружающего пространства и удобный доступ к вытяжным кольцам основного и запасного парашютов, если бы в случае нужды довелось ими воспользоваться.

Очень важным было и такое обстоятельство. Новый парашют не исключал, а предполагал использование любых, ранее выпущенных серийных куполов, ибо стабилизирующий парашют брал значительную долю динамической нагрузки на себя. Серийные купола оставались прежними.

Всё это дало большой экономический эффект. Если подсчитать стоимость материала, затраченного ранее на производство парашютов, представить в денежном выражении труд заводских коллективов, то получится цифра, составляющая миллионы рублей.

Главное же состояло в том, что в течение двух лет все воздушно-десантные и авиационные части были обеспечены новыми, пригодными для прыжков со скоростных самолётов парашютами.

Доронины создали не только сам парашют. Они разработали применительно к нему оригинальный двухконусный замок стабилизирующей системы, ввели автоматы, раскрывающие парашют, использовали ранец парашюта в качестве силовой системы, принимающей на себя динамические нагрузки. Всё это явилось весомым вкладом в развитие отечественной парашютно-десантной техники, утвердило приоритет нашей Родины в данной

области».

Более того, появление парашютов Д-1-8 значительно сказалось на повышении боевой готовности ВДВ. И ещё этот парашют спас много жизней десантников, отслужив им верой и правдой.

Как выясняется сегодня, очень многие не понимали главной цели генерала Маргелова.

— Чтобы выполнять свою роль в современных операциях, надо, чтобы наши соединения и части были высокоманевренными, укрытыми бронёй, обладали достаточной огневой эффективностью, хорошо управляемы, способны десантироваться в любое время суток и быстро переходить к активным боевым действиям после приземления. Вот по большому счёту идеал, к которому мы должны стремиться, — говорил Василий Филиппович.

А ведь его главной целью была коренная реконструкция войск. Это были 60-е годы уже прошлого столетия.

Так А. П. Колмаков, Ю. В. Назаренко, В. В. Погодин пишут: «Командующий ВДВ и его штаб внимательно следили за всеми новыми разработками по вооружению и технике Сухопутных войск и других видов ВС и родов войск. Наши части в первую очередь оснащались новейшими автоматами и пулемётами Калашникова, ручными гранатомётами, переносными зенитными комплексами, средствами связи, инженерной и другой техникой. Повышалась огневая мощь полков и дивизий. Но до середины 1960-х гг. не был решён главный вопрос — повышение их маневренности на поле боя. А изменившийся характер операций с появлением ядерного оружия настоятельно требовал перехода от пеших действий десантников к действиям на боевых машинах.

Создание боевой машины с достаточно эффективным вооружением и способной быть десантированной парашютным способом в тыл противника стало в этот период генеральной линией деятельности командующего».

Появление в Сухопутных войсках боевой машины пехоты (БМП-1) резко повысило боевую мощь и мобильность мотострелковых подразделений. В целях экономии её попытались использовать и в ВДВ. Но она десанникам не подходила хотя бы из-за того, что её нельзя было десантировать парашютным способом.

«БМД-1 могла десантироваться как на парашютно-платформенных средствах (ППС, весом более 2 т), так и парашютно-реактивной системой (ПРС, весом менее 1 т). Боевой вес принятой в 1966 г. БМП-1 составлял 12,6 т, а потому Ан-12Б мог транспортировать и десантировать только одну БМП-1 и то

посадочным способом» (А. П. Колмаков, Ю. В. Назаренко, В. В. Погодин. Военно-научный комитет Воздушно-десантных войск).

«Только при боевом весе машины до 7,5 (плюс к этому 2 т ППС и небольшого резерва до предельного полётного 10 т) Ан-12Б мог транспортировать и сбрасывать две такие машины за один рейс, что было крайне важно для десантников».

В 1965 году конструкторское бюро Волгоградского тракторного завода начало разработку боевой машины десанта или БМД-1 («Объект-915»).

«Опытно-конструкторская работа по боевой машине продвигалась довольно быстро. Когда подошло время сборки опытных образцов БМД-1, Гавалов (главный конструктор. — Примеч. авт.) позвонил на Челябинский тракторный завод (ЧТЗ), где в ту пору велось серийное производство БМП-1, и договорился, что завод в течение месяца соберёт пару боевых отделений и железной дорогой отправит их в Волгоград. Дело это не быстрое — надо было заказывать заранее железнодорожный транспорт, в том числе «теплушку» с военизированной охраной (ведь груз имел гриф «секретно»), а потом 1,5–2 недели ждать, когда железная дорога доставит его из Челябинска в Волгоград. Каково же было удивление Гавалова, когда он через несколько дней узнал, что оба боевых отделения уже на ВгТЗ. Оказалось, что Маргелов следил за ходом ОКР лично. Когда он узнал, что нужные для сборки опытных образцов два боевых отделения смогут поступить в Волгоград только через полтора месяца, он приказал своим десанникам взять военно-транспортный самолёт, вылететь на нём в Челябинск, там на ЧТЗ прямо из серийного потока взять два готовых боевых отделения и этим же самолётом доставить их в Волгоград, что и было чётко исполнено».

Уже в 1968 году началось серийное производство машины, а весной 1969-го постановлением Совета министров СССР она была принята на вооружение, что стало событием для Воздушно-десантных войск.

К слову, при создании БМД-1 было решено и множество весьма сложных технических вопросов. «Так, например, для десантной машины потребовалось создать особо лёгкий броневой корпус, обеспечивший противопульную защиту. Эта задача была решена НИИСтали.

Весь корпус был выполнен из броневых алюминиевых сплавов, благодаря чему удалось получить полный боевой вес машины 7,6 т. БМД-1 должна была укладываться на грузовую платформу парашютной системы, а после приземления сама (без посторонней помощи) оставлять грузовую платформу на месте

приземления. Для этого машина получила переменный клиренс, позволяющий изменять расстояние между днищем и опорной верхностью гусениц. Этот вопрос был блестяще решён ВНИИ-трансмашем за счёт создания гидропневматической подвески (на БМП-1 была сравнительно простая, чисто механическая торсионная подвеска). Имея такую подвеску, БМД-1 заходила своим ходом на платформу парашютной системы, останавливалась, поднимая обе гусеницы в крайне верхнее положение, и при этом своим днищем БМД-1 ложилась на платформу. В таком положении боевая машина швартовалась к платформе. После приземления боевая машина с помощью системы автоматического отстрела освобождалась от средств десантирования экипажем БМД-1 изнутри, заводился двигатель, гусеницы опускались на землю, экипаж приступал к выполнению боевой задачи».

Весьма любопытно, что командирский вариант БМД-1 у десантников был принят на вооружение в 1971 году, на два года раньше, чем в Сухопутных войсках.

С созданием БМД-1 возник и вопрос управления боем, который по своему характеру стал скоротечным и совершенно непредсказуемым. А кроме того, он разворачивался уже на огромном пространстве.

«В 1961 году, захваченный творческим энтузиазмом десантников, Ю. П. Костенко лично подготовил (конечно, с участием НТК ВДВ) и оформил решение ВПК о проведении опытно-конструкторской работы (ОКР) по созданию на базе БМД-1 семейства машин, в том числе бронетранспортёра для транспортировки 12 человек десанта (экипаж БМД-1 семь человек) и несколько вариантов командно-штабных машин (КШМ), в том числе и машин управления артиллерией». (А. Маргелов, В. Маргелов. Десантник № 1.)

«В период прохождения службы в отделе опытной техники и НТК (1962–1970) я занимался разработкой средств связи (примерно 15 единиц), — рассказывает Б. Г. Жуков. — В этот период появились платформы П-128 и возникла возможность разработки для ВДВ десантируемых автомобильных средств связи (средств связи на бронебазе). Наиболее подходящим был автомобиль ГАЗ-66. Но для этой цели следовало разработать кузов, выдерживающий десантирование с АН-12 (Ан-8) и обеспечивающий монтаж в нём средств связи (в последующем получили название Р-141, Р-142, КШМ «Зонд» и др.).

Кузов был разработан и изготовлен силами Центрального научно-исследовательского института связи МО.

В кузове были смонтированы (силами ЦНИИС МО)

радиостанция Р-140 (в дальнейшем, после принятия на вооружение, — Р-141).

В присутствии представителей промышленности радиостанция была десантирована из самолёта АН-12 в Медвежьих Озёрах.

В указанный период закончена разработка и принятие на вооружение носимой, десантируемой радиостанции Р-129. Разработана и принята на вооружение десантируемая в ГК-30 аппаратура быстрого действия Р-014П, Р-014 Д. В этот период модернизирована радиоаппаратура для сбора десанта (Р-255 МП, Р-255 ПП), а маркерный передатчик Р-128 размещён на платформе П-128.

Силами ВДВ создана носимая, десантируемая в ГК-30, зарядная станция ЭСБ-0,5-ВЗ, которая в последующем выпускалась промышленностью.

Кроме основной работы мне иногда ставились задачи разработки изделий, не связанных со средствами связи. Так, например, я разрабатывал автомат запасного парашюта — АЗП.

После перевода меня из НТК в отдел начальника связи ВДВ, я завершил разработку средств связи, начатых в НТК».

«В Советском Союзе, — рассказывает А. Макаров, — суперпроект десантирования людей в боевой технике родился на рубеже 1960–1970-х годов. До этого боевая техника и люди десантировались отдельно. Порой десантники и машины рассеивались на расстояние до пяти километров...

Довольно длительной была и подготовка к такому десантированию. Боевые машины крепились на парашютно-платформенных системах (которые ещё надо было доставить на аэродром), скорость снижения техники на многокупольных парашютных системах была довольно низкой, к тому же при приземлении купола мешали движению боевых машин.

Десантирование внутри боевой техники значительно повысило бы мобильность десантных подразделений. Находившиеся в БМД воины после приземления могли сразу идти в атаку!

Первая многокупольная парашютная система для десантирования людей внутри боевой техники получила название «Кентавр». Она была создана в 1972 году. Располагалась БМД-1 на специальной платформе, в машине устанавливались упрощённые космические кресла типа «Казбек» — «Казбек-Д». [...]

Следующим после «Кентавра» проектом стал «Реактавр» («Реактивный кентавр»). При десантировании БМД-1 уже не использовались специальные платформы. Вместо нескольких в системе применялся всего один парашют площадью 540

квадратных метров (монтировали и перевозили непосредственно на боевой машине). «Реактавр» позволял БМД-1 снижаться со скоростью вчетверо большей, нежели «Кентавр» (до 25 метров в секунду); в момент приземления скорость вертикального снижения гасилась до нуля за счёт тяги включавшихся у земли реактивных двигателей.

Безусловно, новая система была совершеннее парашютно-платформенных средств. Она значительно увеличивала потенциал десанта при выполнении боевых задач. При этом она имела достаточно высокую надёжность. Расчётный показатель составлял 0,95, то есть на сто применений — пять отказов (для сравнения: надёжность обычного парашюта — 0,99 999). [...]

Испытание «Реактавра» было назначено на 23 января 1976 года. Проходило оно под Псковом, на базе 76-й гвардейской воздушно-десантной дивизии.

Программу подготовки к предстоящему прыжку Леонид Щербаков и Александр Маргелов выполнили полностью. Накануне, чтобы расслабиться, Леонид Иванович отправился поиграть на бильярде. Его соперником оказался командующий ВДВ. Финал решающей партии Щербаков вспоминал с улыбкой. Догадавшись, что подполковник поддаётся, Маргелов-старший огрел его кием по спине. Таковым было благословление легендарного «дяди Васи» — основателя Воздушно-десантных войск перед прыжком...

Метеоданные из района десантирования не радовали. Ввиду ненастной погоды начало испытаний перенесли. Часа через два наконец поступила долгожданная команда на взлёт. Маргелов-старший, обняв сына и Леонида, напутствовал: «Жду с победой!..»

— Мы сели в специальные кресла БМД-1, — вспоминает Леонид Щербаков. — Александр сказал, что у его матери сегодня день рождения. Самолёт взлетел. По связи лётчики предупредили нас о выходе в район десантирования. Пошёл отсчёт времени. Нервы были спрессованы в комок. И вот вытяжной парашют вытянул нас из самолёта. Машину перевернуло. С днища полетели в лицо незакреплённые предметы. И тут неожиданно прервалась связь с землёй...

Мы знали работу системы. Почувствовав сильный рывок, поняли, что открылся основной купол. От сердца немного отлегло. Раскачиваясь, машина шла к земле. Стремительное снижение прервал грохот реактивных двигателей торможения. И тут же — жестокий удар о землю. Всё тело пронзила острая боль. Посадка оказалась далеко не мягкой — реактивные двигатели сработали высокомерно. Но от переполнявшей меня радости я не смог удержаться от крепкого русского словца и воскликнул:

«Саня... мы на земле!»

Это были первые слова, которые слышали после приземления стоявшие на трибунах высокопоставленные лица. По-видимому, от удара связь снова заработала, и усиленный динамиками русский мат пронёсся над военачальниками...»

Уже через сорок секунд после приземления БМД-1 мчалась к огневому рубежу. На месте механика-водителя сидел подполковник Леонид Щербаков, на месте наводчика-оператора Александр Маргелов. В те мгновения офицеры не думали о сковывающей их тела боли. На боевой машине десанта они преодолели реку Великую, другие возникающие на их пути преграды. Успешно отстрелялись из вооружения БМД-1.

После выполнения поставленной задачи прибыли на доклад к командующему ВДВ. Василий Филиппович притянул к себе обоих за воротники и поблагодарил: «Спасибо, сынки!»

Налитая позднее по гранёным стаканам водка лишь на время приглушила боль и тошноту. Как выяснилось в госпитале, у обоих офицеров было сотрясение мозга и травмы позвоночника. Спустя некоторое время Щербакову сделали операцию».

После этого десантирования экипажа внутри боевой машины десанта воздушно-десантная дивизия могла вступать в бой немногим более чем за 20 минут, а не за семь суток, как это было в далёкие времена.

Обновлялся и самолётный парк Военно-транспортной авиации, которая стала переходить на Ан-8 и Ан-12, а затем на самолёты третьего поколения — Ил-76, Ан-22 и четвёртого — Ан-124.

Например, в 1959 году в войска стали поступать Ан-12.

«Ан-12 стал тем самолётом, благодаря которому воздушно-десантные войска СССР превратились в один из мощных инструментов геополитического влияния страны. Советский Союз получил также возможность оперативно реагировать на события, происходившие на планете: помогать потерпевшим от стихийных бедствиях, поддерживать национально-освободительные движения и т. д. Выражая признательность антоновскому коллективу, командующий ВДВ генерал армии В. Ф. Маргелов в 1977 г. ходатайствовал о присвоении ОКБ звания «Коллектив коммунистического труда».

Ударная сила ВДВ значительно возросла после освоения воздушного десантирования с АН-12 не только людей (до 60 чел. с одного самолёта), но и бронированной самоходной техники, правда, по соображениям безопасности сбрасывавшейся на парашютных платформах отдельно от экипажей. Последнее обстоятельство никак не устраивало генерала армии Маргелова,

считавшего надёжность парашютов достаточной и буквально влюблённого в Ан-12. Стремясь доказать принципиальную возможность десантирования людей внутри боевых машин, он решил лично выполнить такой прыжок. Однако Министр обороны СССР Малиновский категорически запретил ему осуществить задуманное. Тогда прыжок выполнил его сын А.В. Маргелов (ныне полковник ВДВ). Эксперимент завершился успешно». (Интернет: Уголок неба. Ан-12.)

«Для выполнения задачи в современных операциях надо, чтобы наши соединения и части были высоко-манёвренными, укрыты бронёй, обладали достаточной огневой эффективностью, хорошо управляемы, способны десантироваться в любое время суток и быстро переходить к активным боевым действиям после приземления», — такую запись обнаружат в тетради Василия Филипповича с грифом «Для служебного пользования».

Глава 11

«Войска Дяди Васи»

Совершенно не случайно десантники именуют ВДВ «Войсками дяди Васи». Фактически в ВДВ он прослужил с 1948 г. по 1979-й. Начнёт командиром гвардейской воздушно-десантной дивизии, а уже через 6 лет возглавит ВДВ, оставаясь командующим до конца.

Правда, будет небольшой перерыв: с 1959 по 1961 год, когда он по недоразумению станет замом, тем не менее он будет продолжать своё великое дело — создавать ВДВ.

Словом, четверть века под командованием Василия Филипповича для ВДВ и есть то самое время, которое называют золотым. Именно в этот период ВДВ претерпели, что называется, кардинальные изменения. Сам же командующий несмотря ни на что шёл в ногу со временем, с развитием техники и вооружения, а зачастую и предвосхищал многие способы ведения боевых действий.

По мнению Б. Костина, если в начале 1950-х годов в действиях десантников доминировали ближний бой и оборона, то в шестидесятых — начале семидесятых десант обрёл достаточную мобильность и способность противостоять танковым ударам, решать оперативно-стратегические задачи.

«В «эпоху Маргелова» ВДВ дважды довелось принять самое активное участие в реальных боевых операциях — в Венгрии (1956 год) и в Чехословакии (1968 год). И там и там десантники продемонстрировали мужество, смекалку, отменную ратную выучку», — подчёркивает А. Викторов.

Сегодня говорят так: «Маргелов для ВДВ — это всё равно, что Пушкин для России». А почему бы и нет, если Василий Филиппович ещё при жизни стал в некотором роде символом времени и человеком-легендой.

Свои войска он не только одел в голубые береты и тельняшки, но и в броню, заставив её летать. Лично сам он разрабатывал групповые прыжки с парашютом с высоты 100 метров, прекрасно осознавая, что внезапность и напор в бою для десантника — залог победы!

Осенью 1967 года газета «Известия» на своих страницах писала: «Нужно сказать, что десантники — воины беспредельного мужества и отваги. Они никогда не теряются, всегда находят выход из критической ситуации. Десантники в совершенстве владеют различным современным оружием, владеют им с

артистичным мастерством, каждый боец «крылатой пехоты» умеет вести бой один против ста.

За дни, проведённые на учении, нам пришлось видеть много умелых действий не только отдельных солдат и офицеров, но и соединений, частей и их штабов. Но, пожалуй, самое сильное впечатление осталось от Воздушно-десантных войск, которые возглавляет генерал-полковник В. Маргелов и лётчиков Военно-транспортной авиации маршала авиации Н. Скрипко. Их воины показали филигранную технику десантирования, высокую выучку и такую смелость, инициативу, что про них можно сказать: они достойно продолжают и приумножают боевую славу отцов и старших братьев — десантников Великой Отечественной войны. Эстафета мужества и доблести в надёжных руках.

К слову, речь в этой статье шла о большом осеннем учении советских Вооружённых Сил под названием «Днепр».

Эти крупнейшие общевойсковые учения «Днепр» проходили с 24 сентября по 3 октября на территории Украинской ССР. На учения были привлечены войска трёх военных округов, а также 76-я и 103-я гвардейские воздушно-десантные дивизии и вся военно-транспортная авиация ВВС СССР.

Василий Филиппович, посещая свои полки в ходе подготовительных мероприятий, обращаясь к офицерам любил повторять:

— Не посрамите меня, зрителей на сей раз будет столько... Да ещё каких!

Просто учения такого масштаба проводились после войны впервые. А насчёт зрителей генерал Маргелов не шутил. Например, с трибун на десантирование десантной дивизии очень внимательно наблюдало всё Политбюро во главе с генсеком Л. И. Брежневым, министры обороны стран Варшавского договора, дипломаты и военные атташе.

В общем, всё как положено...

И вот перед самым началом учений Министр обороны маршал А.А. Гречко с начальником Генштаба маршалом М. В. Захаровым заслушивает всех командующих и начальников служб. Штаб же руководства находился в 150 километрах от Чернигова. Естественно, не избежал доклада и командующий ВДВ. Но предстоящий полёт на «вертушке» испортила погода. Аэродром, на который он должен был приземлиться, заволок густой туман. Но, несмотря на некоторую нервозность, несмотря на запрет всех полётов, вертолёт с командующим ВДВ на борту вылетел! Для мирного времени это был неоправданный риск.

Первым взорвался дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации П. А. Таран:

— Я отдам пилота под суд! Разжалую его!

Но машина, вынырнув из тумана, благополучно совершила посадку.

В. Ф. Маргелов первым обратился к авиационному начальнику:

— Уважаемый Павел Алексеевич, приношу вам и всему лётному начальству самые искренние извинения за причинённое беспокойство. Поймите моё положение: я не мог не прибыть, не выполнить приказ. А командир вертолёта очень толковый офицер, он заслуживает всяческой похвалы. И вылетел он лишь после того, как я подписал ему письменное распоряжение. Прошу вас ни в коем случае не наказывать — он поступил, как на войне...

«При описании событий, происходивших на обширных приднестровских просторах 28 сентября 1967 года, их очевидцы неизменно употребляли слово «впервые». Впервые в рюкзаках десантника лежал не примитивный сухой паёк — сухари да каша, а полноценный набор продуктов: мясные консервы, сгущённое молоко, галеты, пакетики с растворимым чаем, сухой спирт для быстрого приготовления пищи. Питание гвардейцев постоянно было предметом особой заботы командующего. Величайшим грехом тыловиков считал он любую задержку продовольствия или необеспечение солдат и офицеров горячей пищей в полевых условиях.

Впервые в практике десантирования боевых грузов и техники наряду с многокупольными парашютными системами применялись парашютно-реактивные системы. Стремительное снижение платформы на одном стабилизирующем куполе, несколько метров до земли — и мощная реактивная струя, сбивая скорость снижения до минимальной, плавно опускает груз. Срабатывают автоотцепки куполов, и боевая техника после нескольких несложных операций готова к действиям.

Впервые два полнокровных воздушно-десантных соединения находились в воздухе на военно-транспортных самолётах АН-12, доказавших свою практичность и безотказность. Впервые авиация, сопровождающая и прикрывающая такую мощную группировку, действовала на всём протяжении полёта десанта, подавляя наземные средства ПВО «противника», обеспечивала его безопасность и «расчищала» место для приземления. Минуты обработки истребителями-штурмовиками площадки приземления были впечатляющими. Но вот грохот разрывов стих, тройки самолётов переключились на барражирующий полёт, а в воздухе показалась армада транспортных самолётов. И по сей день кадры, снятые кинематографистами на учениях «Днепр», даже у

выдавших виды десантников вызывают невольный восторг и гордость. Гвардейцы не подвели Маргелова», — напишет в своей книге о Василии Филипповиче Б. Костин.

«Доктрина Маргелова» торжествовала и сработала на «отлично»: при такой массовой выброске и высадке — ни единой человеческой жертвы! Оценки Маргеловым собственных заслуг были чрезвычайно скромны. Командующий, подводя итог действиям десантников, в одном из интервью сказал:

«Руководители Коммунистической партии и Советского правительства сердечно поздравили воинов-десантников с отличным выполнением задачи... А она, к слову, была аналогичной той, которую получили 3-я и 5-я воздушно-десантные бригады в 1943 году. Но как не похожи эти два десанта по техническому оснащению! Слово между ними пролегли не двадцать четыре года, а целая эпоха».

«Что такое командир? — любил говорить генерал Маргелов. — Это — шея и жо... Что такое начштаба? Это — голова и сердце. Шея вертится, куда скажет голова, а по жо... всегда первого бьют командира».

Дело в том, что Маргелов от природы был командиром и от природы же категорически не хотел быть начальником штаба. Но это не значит, что он штаб недооценивал или как-то принижал. Его роль он понимал прекрасно. И именно в этой его грубовато-шутливой поговорке было заложено определённое зерно.

«...Когда штаб докладывал командующему расчёт времени на подготовку к операции, важнейшим элементом он считал заботу о том, чтобы дивизии и полки имели достаточное время на подготовку к десантированию, — вспоминает генерал П. Ф. Павленко, долгие годы являющийся начальником штаба ВДВ. — Посоветовавшись в штабе, мы предложили командующему иную, отличную от академической методику расчёта времени, а именно — начинать с готовности войск к выполнению задачи и идти «назад», оставляя для командиров и штабов самый минимум на принятие решений и постановку задачи. Командующий внимательно разобрался и одобрил. С тех пор такой метод расчёта практикуется во всех частях и вполне себя оправдывает.

Хочу отметить, что Василий Филиппович никогда не осуждал за промашки свой штаб перед Генштабом, наоборот, он всегда защищал нас...»

И немаловажное «ещё»: «за многолетнюю практику не было случая, чтобы командующий отнёсся к документу свысока, пренебрежительно или как поступали некоторые командующие, порвал или отбросил его. У Маргелова было какое-то благоговейное отношение к исполненному плану, графику,

приказу или даже телеграмме. И если он с чем-то не соглашался, делал на полях помету простым карандашом...»

И ещё: «На «остепенённых» офицеров и генералов командование всегда смотрело косо, — пишет Б. Костин. — Но командующий ВДВ не особенно этим и гордился. «Знаешь что, — вежливо прерывал В. Ф. Маргелов теоретизировавших докладчиков, — я в теории не силен, ты разъясни мне просто, по-солдатски, как это сделать практически». В этом высказывании сокрыт глубокий смысл. Маргелов не терпел заумных, оторванных от реалий жизни речей, туманных, неконкретных докладов. В этом духе он и воспитывал офицеров штаба ВДВ. Но представлять их некими «штабными крысами» и сидельцами в уютных кабинетах было бы совершенно неверно. Кроме плановых выездов в соединения и части на итоговые проверки боевой и политической подготовки, контроль и помощь постоянно осуществлялись и в повседневной учёбе. Василий Филиппович презирал тех, кто, словно в игре в испорченный телефон, доверял слухам, домыслам, а не увиденному собственными глазами. Такие офицеры в штабе долго не задерживались. Генеральная мысль командующего была такова — части и соединения ВДВ не должны замыкаться в себе. Всё новое, совершенное должно становиться достоянием всех войск. И в этом деле штабу отводилась главенствующая роль. [...]

Именно соединение в годы командования Воздушно-десантными войсками Василия Филипповича Маргелова стало той боевой единицей, на которую опирался штаб ВДВ, и все разработки по боевому применению дивизий Генеральный штаб Вооружённых Сил СССР получал уже в готовом виде, утверждая их с небольшими коррективами. Так были окончательно сформулированы цели и задачи воздушно-десантной операции. На языке документа она сводилась к следующему: «Это — согласованные и взаимосвязанные единым замыслом и планом действия соединений воздушно-десантных войск, авиации и других видов вооружённых сил по переброске, высадке и решению боевых задач в тылу противника для десантной операции зависят от её целей, состава воздушного десанта, дальности и глубины десантирования войск, продолжительности их действий в тылу противника». [...]

Методические пособия по воздушно-десантной подготовке, по тактике действий подразделений ВДВ рождались мучительно, и, по сути, до прихода В. Ф. Маргелова каждый командир действовал на свой страх и риск.

Командующий ВДВ пресёк эту печальную традицию, создав мозговой центр, который получил принципиально новую задачу.

Смысл её был таков: обобщить весь практический опыт, создать наглядные пособия, наставления, учебники, методические разработки с едиными подходами в обучении и воспитании воинов-десантников. Перечислить всю литературу, изданную в бытность Маргелова, стоит большого труда, однако, назвав некоторые книги, мы можем судить о том, сколь скрупулёзно, без ссылок на трудности и целенаправленно велась работа по созданию десантной библиотеки. В неё в разные годы вошли: «Учебник сержанта ВДВ», «Руководство по воздушно-десантной подготовке», «Прыжки с парашютом с военно-транспортных самолётов», «Пособие командиру отделения и бойцу ВДВ» и многие другие.

Следует отметить, что специфика Воздушно-десантных войск всегда заключалась в определённой «автономии». Опыт Сухопутных войск здесь не совсем подходил. Следовательно, всё, что касалось вопросов боеспособности и боеготовности ВДВ, изначально разрабатывалось командующим и его штабом, затем проверялось на учениях и только потом находило своё воплощение в инструкциях, наставлениях и уставах.

По большому счёту реконструкция Воздушно-десантных войск была не только наиглавнейшей целью деятельности Василия Филипповича, но и более того, смыслом всей его дальнейшей жизни. А штаб ВДВ как раз и был тем органом управления, который всё это и проводил в жизнь, управляя войсками и руководя их обучением, воспитанием и повседневной деятельностью на основе решений командующего...

Вспоминает А.В. Кукушкин: «...боевую готовность войск командующий рассматривал значительно шире. Он стремился к решительному развитию инфраструктуры исходных районов, особенно для десантирования соединений первой готовности. В результате этого силами десантных войск были построены в исходных районах пять современных аэродромов. Маршал Гречко А.А. в этом плане не раз ставил Василия Филипповича в пример руководству ВВС.

Участие в учениях Министра обороны или Генерального штаба всегда побуждало Командующего и штаб к ряду решений, направленных на повышение боевой готовности, к мобильности войск, к уточнению взаимодействия с ВТА, со штабами групп войск, приграничных округов и решению других вопросов.

В этой связи вспоминается учение, проведённое маршалом Гречко А.А. на Дальнем Востоке — в стратегической операции войск планировалось применение нескольких крупных воздушных десантов.

Решения командующих фронтов Гречко заслушивал в штабе

руководства, развёрнутом в гарнизоне Князе-Волконское под Хабаровском. От ВДВ к заслушиванию готовились командующий и я — начальник разведки; Маргелов с предложением на применение десантов в операции, я — по оценке сил, средств и вероятных действий противника.

В нервном ожидании вызова к Министру обороны прошло значительное время.

Вдруг появился маршал Гречко и объявил:

— На сегодня всё! Маргелыч, тебя заслушивать не буду. Знаю, десантники всегда в готовности! — и, улыбаясь, добавил: — Мы знаем, каждый твой гвардеец стоит десятка противника!

— Товарищ Министр, целого взвода! — возразил Василий Филиппович.

— Может и взвода! Но вот что, Маргелыч! Подумайте, как в сжатые сроки перебросить твоё войско на этот театр!

Задача была крайне сложной. На её решение подключили всех: ГШ, ВВС, Тыл Вооружённых Сил, командующих войсками СибВО, ЗабВО и ДВО.

Однако напор Командующего и продуманная работа штаба, тыла ВДВ и командования ВТА дали свои результаты.

В течение двух лет на этих ТВД были созданы нужные запасы материальных средств, боеприпасов по номенклатуре ВДВ, средств десантирования; определены аэродромные узлы для промежуточной посадки самолётов ВТА на маршрутах их полёта, дополнительные запасы ГСМ, средств дозаправки и многие другие вопросы.

Уже при новом Министре обороны маршале Устинове Д. Ф. и новом командующем ВДВ генерале Сухорукове Д. С. зимой 1980 года на очередном стратегическом учении Тульская дивизия со всей штатной техникой и запасами в условиях жестоких сибирских морозов за 1,5 суток была перебросена в назначенный район Дальнего Востока».

В марте 1970 года в Белоруссии проводилось крупное общевойсковое учение «Двина», в котором принимала участие 76-я гвардейская Воздушно-десантная Черниговская Краснознамённая дивизия.

На полях и в лесу ещё лежал глубокий снег, однако даже из-за сложных климатических условий военные маневры отменять не стали, так как они были приурочены к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Б. Костин рассказывает: «Какие-либо аналогии относительно схожести двух учений «Днепр» и «Двина» проводить бессмысленно, хотя и на тех, и на других великие реки фигурировали в качестве рубежей, на которых укреплялся

«противник». Ударный кулак «северных» составляла гвардейская Таманская танковая дивизия Московского военного округа, которая взаимодействовала с 76-й гвардейской воздушно-десантной дивизией. Высадка десантников намечалась в тыл оборонительных позиций «южных». Две мотострелковые дивизии должны были взломать оборону и обеспечить наступающим частям выход на оперативный простор.

Была на учениях и красочная имитация ядерного взрыва, были и головокружительные виражи самолётов-штурмовиков. Белоруссия — страна лесов и озёр, и найти площадку для приземления невероятно трудно. Сложно было выбрать и место для трибуны, с которой без напряжения можно было бы наблюдать за выброской десанта. Василий Филиппович, находившийся на вышке рядом с министром обороны маршалом А.А. Гречко и начальником Генштаба маршалом М. А. Захаровым, часто поглядывал на часы и на Генсека, который о чём-то оживлённо беседовал с Петром Мироновичем Машеровым. Погода не радовала, но и не давала повода для уныния. Проутюжили землю истребители-штурмовики, из комментаторской будки прозвучало: «Внимание!» — и взоры присутствующих обратились ввысь. Вот с первых самолётов отделились крупные точки — это боевая техника, артиллерия, грузы, а затем, как горох, из люков Ан-12 посыпались десантники. Но венцом выброски стало появление в воздухе четырёх «Антеев». Считанные минуты — и вот на земле уже целый полк!

Когда последний десантник коснулся земли, В. Ф. Маргелов остановил секундомер на командирских часах и показал министру обороны. Двадцать две минуты с небольшим понадобилось для того, чтобы 8 тысяч десантников и 150 единиц боевой техники были доставлены в тыл «противника». В выброске 76-й гвардейской дивизии, кроме «Антеев», участвовало 280 самолётов Ан-12. Леонид Ильич расчувствовался и крепко пожал командующему ВДВ руку. П. М. Машеров поднял в воздух большой палец. Не скрыли своего восхищения и другие военачальники».

Главным качеством в профессии десантника Маргелов называл дерзость.

«Такую, когда человек готов сражаться против десяти врагов, — говорил он. — В обыденной жизни ценю тоже эти качества. Был у меня случай, чуточку смешной. Участвовал я, будучи командиром соединения, в прыжках с парашютом. Приземляюсь, гашу купол и вижу, как в пяти шагах от меня опускается вытяжной парашют. Не сомневаюсь, что это мой, беру его, и в это время на меня буквально налетает солдат, огромный

детина. Глаза сверкают: «Не трогай, — кричит, — это мой, я за ним следил с воздуха!» И как рванёт у меня парашют их рук. Я едва на ногах удержался. Сначала была мысль догнать нахала и наказать за неуважение к старшему. Потом понял: он не узнал меня. Одеты мы все одинаково: шлем, комбинезон... Потом я построил полк, рассказал, как было дело, и объявил тому десантнику благодарность: «Кто умеет драться за свой парашют, тот и оружие из своих рук не выпустит и за землю свою будет сражаться на совесть».

Воин-интернационалист десантник Василий Васильевич Хома, председатель совета директоров «Международной страховой компании» в Харькове, на вопрос корреспондента, насколько повлияла служба в армии, а конкретнее в десанте, на формирование его характера, отвечает следующее: «Служба в армии, а особенно в воздушно-десантных войсках, формировала характер воина, защитника Отечества. Все без исключения ребята, где бы они ни служили в десанте, гордятся своей службой. Особенно это касается ВДВ времён Советского Союза. Армия сильно меня изменила... Хома, который был до армии, тот бесшабашный парень, увлекавшийся мотоциклами, и тот Хома, который пришёл после армии, — два абсолютно разных человека. За время службы я приобрёл достаточно большой жизненный опыт. Прежде всего, армия сформировала меня как мужчину в плане физической подготовки. В учебке, куда я попал в самом начале службы, я впервые столкнулся с довольно жёстким обращением. Как говорится, никаких компромиссов... Одним словом, готовили из нас настоящих десантников. К таким большим нагрузкам нужно было привыкнуть. Всё делалось бегом. В нашей казарме на втором этаже размещалось 150 человек. Коридор между кроватями назывался у нас «взлётка». С обеих его сторон были турники. По «взлётке» необходимо было передвигаться только бегом, а если десантник проходил под турником, то должен был подтянуться энное количество раз. Или сделать подъём переворотом. Не сделал этого — получи наряд... Каждое утро начиналось с физподготовки, каждое воскресенье — спортивные праздники. Несколько раз в неделю бегали на стрельбища в полном снаряжении. Само собой, прыжки с парашютом. Конечно же, всё это способствовало формированию характера, а кроме того, воспитывало чувство коллективизма. К примеру, если кто-то из наших товарищей не выдерживал нагрузок, мы несли его на себе или на плащ-палатке. По тому, как то или иное подразделение на спортивных праздниках пробежало конкретную дистанцию, оценивались достижения отделения или взвода. Одним словом, чувство локтя прививалось с самого

начала».

А ведь не секрет, что при Маргелове за два года весь личный состав ВДВ обновлялся полностью (за исключением офицеров и сверхсрочников). Это был в некотором роде конвейер войск с его изобретателем Василием Филипповичем. Как-то он даже сравнил себя с Генри Фордом.

Полностью можно согласиться со словами Б. Костина, который в своей книге подчёркивает: «Необходимы были особые изобретательность и умение, чтобы, невзирая на обстоятельства, а порой и откровенную чехарду, сохранить боевой дух частей и подразделений, преемственность и верность традициям, привить навыки и умения во владении новейшим оружием и техникой».

Тот же В. В. Хома на вопрос, что для него означают воздушно-десантные войска, говорит:

«В прежние годы — а служил ещё в советские времена — служба в ВДВ была, скажем так, культовой. И тот, кто прошёл её, никогда не забудет. Как говорил основатель ВДВ Василий Маргелов, никто не может оценить гордость и честь десантника, кто не покидал самолёт на большой высоте, откуда дома и сёла кажутся игрушечными, кто не испытывал упругий порыв ветра, разрывающего на тебе одежду, от которого переполняется вся грудь, а особенно, когда раскрылся купол... Это очень сильные чувства, которые трудно передать и которые невозможно когда-либо забыть».

Словом, не зря созданные Василием Филипповичем войска с любовью называют «Войска дяди Васи».

Основу современного вооружения ВДВ составляют боевые машины БМД-1, БМД-2, БМД-3, 120-мм самоходно-артиллерийские орудия, 122-мм гаубицы, бронетранспортёры, зенитные артиллерийские установки, для десантирования которых используются военно-транспортные самолёты Ил-76 и Ан-22.

Начиная с 1988 года ВДВ участвуют в выполнении «специальных задач». Они пережили трагические события в Армении, Азербайджане, Таджикистане, Грузии, Литве, Приднестровье, Южной Осетии и Абхазии. Десантники выполняли миротворческую миссию и в Югославии. Но самые тяжёлые испытания им пришлось испытать в Афганистане и в двух Чеченских войнах, где от солдат и офицеров ВДВ в полной мере потребовались и мужество и героизм.

И сегодня одним из основных требований к ВДВ остаётся повышенная боевая готовность.

Чтобы понять современное состояние «Войск дяди Васи», прежде хочу остановиться на пресс-конференции с командующим

ВДВ генерал-полковником А. Колмаковым, которая состоялась в 2007 году.

«По словам командующего, в 2007 году завершается перевод войск на контрактный способ комплектования. Последними, кто завершит выполнение Федеральной целевой программы, станут 7-я десантно-штурмовая дивизия, дислоцированная в Новороссийске, и отдельный разведывательный полк ВДВ, расквартированный в Подмоскowie. При этом генерал-полковник Колмаков отметил, что комплектация тульской 106-й воздушно-десантной дивизии будет осуществляться по смешанному принципу. «Те подразделения, на вооружении которых стоит боевая техника последнего поколения, в том числе боевые машины десанта БМД-4, полностью будут укомплектованы контрактниками. Контрактниками будут также все командиры отделений и боевых машин в других соединениях и частях. Личный же состав, не требующий значительной и длительной специализированной подготовки, будет набран из военнослужащих срочной службы», — заявил он.

Александр Колмаков также рассказал об идеологии перехода на трёхфазовую составляющую: две дивизии остаются чисто воздушно-десантными, две — десантно-штурмовыми и одна — десантно-штурмовой горной направленности. «Это наши наработки, утверждённые Генеральным штабом, министром обороны, — сообщил он. — Сейчас обновлённая структура войск имеет в своём составе одно воздушно-десантное соединение — это 106-я дивизия, три десантно-штурмовых соединения — 76-ю и 98-ю дивизии, а также 31-ю отдельную бригаду и одно десантно-штурмовое соединение, предназначенное для действий в горных условиях, — это 7-я дивизия, дислоцированная в Северо-Кавказском военном округе», — уточнил генерал.

По словам командующего ВДВ, как в воздушно-десантной дивизии, так и в десантно-штурмовой 100 процентов личного состава готовы десантироваться парашютным способом. В десантно-штурмовой дивизии, в отличие от воздушно-десантной, в каждом полку имеется один усиленный батальон, способный десантироваться с техникой. Тот же подход применителен и к горной дивизии. Как подчеркнул генерал-полковник Колмаков, Министерство обороны пошло на это, учитывая реальное состояние военно-транспортной авиации. Веским аргументом при таком подходе стала географическая привязка мест дислокации частей ВДВ, в частности 7-й ввд на юге, а также оптимизации организационно-штатного состава войск применительно к задачам, которые на них возлагаются. «Ничего в основе своей не изменилось: остаются те же сроки готовности, не пострадает и

аэромобильность», — заверил Александр Колмаков.

Воздушно-десантные войска в 2006 году получили целую серию боевых машин нового поколения. Особо отметил командующий принятие на вооружение 14 машин БМД-4. «Не по всем параметрам и не везде мы выходим на новую цифру», — сказал генерал-полковник Колмаков, говоря о том, что 8 машин ВДВ недополучили. При этом он выразил надежду, что потребуется непродолжительное время, чтобы всё заработало как часы. «Это отдельные технические моменты, которые нужно поправлять, и они поправляются», — заметил он. Тем не менее, по его словам, боевой потенциал соединений и частей ВДВ к 2010 году увеличится вдвое за счёт поступления в войска нового вооружения и военной техники (ВВТ) и перевода частей и соединений на новую оргштатную структуру.

Говоря о перевооружении войск, Александр Колмаков отметил, что до 2010 года в соответствии с государственной программой вооружений в войска продолжатся поставки боевой машины десанта БМД-4 «Бахча», 125-миллиметровых самоходных пушек 2С25, многоцелевых десантных бронетранспортёров «Ракушка», десантируемых автомобилей общевойсковой назначения КаМАЭ-43501, а также целой серии нового стрелкового и специального вооружения...

По словам генерал-полковника Александра Колмакова, в 2006 году в ВДВ пришли 462 выпускника военных вузов, расторгли же контракт всего 2 офицера. Если взять 2004 год, то тогда строй покинули порядка 60 человек. В 2005 году — 40. Так что тенденция позволяет командующему сделать вывод о том, что «мотивация к службе растёт»....». (В. Денисов, А. Ленин. «Красная звезда», 31 января 2007 г.)

Два с половиной года спустя, в 2009 году, новый командующий ВДВ Герой России генерал-лейтенант В. Шаманов также ответит на вопросы, которые беспокоят многих.

«— В каком же направлении пойдёт дальнейшая реформа Воздушно-десантных войск?

— В направлении наращивания их боевого потенциала. В том числе и их численности. В этом году разворачиваем во всех дивизиях зенитные ракетные полки, в следующем развернём во всех соединениях разведывательные батальоны, а потом усилим каждую дивизию ещё одним десантно-штурмовым полком. Словом, на выходе получим полнокровные 3-полковые дивизии, способные решать любые задачи на любых стратегических направлениях. Ну а в итоге ВДВ по замыслу министра обороны и начальника Генерального штаба станут стержнем сил быстрого реагирования, в которые также войдут десантно-штурмовые

бригады военных округов, части морской пехоты и спецподразделения сил, которые будут призваны оперативно реагировать на любые угрозы...

— Какое перевооружение ждёт вверенные вам войска?

— Безусловно, усилить потенциал войск необходимо за счёт новейших вооружения и военной техники. Например, по направлению РЭБ у нас должны быть не только средства для подавления вражеской ПВО, но и ударные комплексы, способные на два-три часа нейтрализовать все автоматизированные системы управления противника. Мы не видим развитие ВДВ без восстановления и дальнейшего реформирования потенциала военно-транспортной авиации. Причём не только в том виде, в котором она есть сейчас.

Существуют ведь перспективные разработки экрано-планов, самолётов-амфибий, которые позволяют решать задачи в самых разнообразных условиях. Необходимо усилить огневую мощь и дальность поражения наших артиллерийских систем и разрабатывать авиа-транспортбельные компактные ракетные комплексы, способные наносить противнику огневое поражение на дальностях до 100 километров. Это должны быть авиатранспортные плавающие огневые средства на колёсном и гусеничном ходу, пригодные для применения в любых климатических и погодных условиях.

Ну а развивая тему наращивания мобильности войск, сообщу, что военный совет ВДВ поддержал позицию Главного командования Сухопутных войск по возвращению армейской авиации в их структуру. Но при этом наше мнение — вертолётная составляющая должна быть не только в Сухопутных, но и в более мобильных Воздушно-десантных войсках. Реализуя подобные замыслы, считал бы целесообразным развернуть в наших десантно-штурмовых соединениях вертолётные полки, как это было в советское время в ряде десантно-штурмовых бригад.

— А когда войска, наконец, получают новую боевую машину?

— Очень актуальный вопрос. В этом году мы отметили 40-летие БМД-1, нашей старой доброй «копейки», с которой несколько поколений десантников прошли десяток войн и «горячих точек», но полностью отвечающей требованиям современного боя машины у нас пока, увы, нет. БМД-4 имеет мощный огневой комплекс, но её корпус не защищает экипаж ни от управляемых ракет, ни от танковых снарядов, ни от фугасов. Тенденции мирового танкостроения таковы, что трансмиссия, чтобы лучше защитить экипаж, вносится в головную часть танка и боевой машины. У нас же удар принимает не железо, а люди. Такого быть не должно. Поэтому, чтобы получить машину

будущего, необходимы принципиально новые подходы к эргономике, живучести, массе и габаритам военной техники. Начальник Генерального штаба уже провёл несколько совещаний, на которых определил промышленности параметры и ТТЗ к бронетанковой технике будущего. Поэтому ради того, чтобы получить в итоге машину мечты — такую, какой для своего времени была БМД-1, мы готовы ждать и воевать пока тем, что есть...». (К. Ращепкин, А. Лунёв. «Красная звезда», 1 августа 2009 г.)

Информация к размышлению

24.02.2009 г. ИТАР-ТАСС.

«К декабрю текущего года в ВДВ должны быть сокращены более 1,5 тыс. офицеров и расформирована 106-я гвардейская Краснознамённая воздушно-десантная дивизия, дислоцированная в Туле...

«Соответствующая директива уже подписана начальником Генерального штаба ВС РФ и направлена в войска», — сообщили в Минобороны РФ.

В соответствии с директивой к 1 декабря 2009 г. подлежит сокращению каждый четвёртый-пятый офицер из состава боевых частей и соединений, а также частей боевого и тылового обеспечения ВДВ. К этому же сроку должна быть расформирована и 106-я дивизия ВДВ — её боевые полки будут переподчинены другим соединениям, а подразделения дивизионного комплекта (военный госпиталь, инженерно-сапёрный батальон и другие) будут сокращены полностью и перестанут существовать, заявили в Минобороны...»

«Транспортная авиация Воздушно-десантных войск с 1 января 2010 г. передана в состав Военно-воздушных сил России. Об этом сообщил РИА «Новости» источник в российском военном ведомстве. «С начала этого года эскадрилья самолётов Ан-2 и Ан-3, которые используются при тренировочных прыжках десантников, включены в состав ВВС», — сказал источник.

Он также сообщил, что в ближайшее время в состав ВВС будет включена практически вся транспортная авиация видов Вооружённых сил России. «В основном это касается самолётов Ан-12, Ан-26 и Ту-134, которые осуществляют перевозку командного состава и перевозки малых грузов», — сказал источник.

«Решение об объединении транспортной составляющей авиационного потенциала продиктовано необходимостью оптимизации системы управления, а также контроля полётов и

подготовки к ним», — сказал источник...

В 2009 году с помощью Ан-2 были десантированы более 154 тыс. человек и только 35 тыс. были выброшены из самолётов Ил-76, подчинённых военно-транспортной авиации ВВС, сообщил штаб ВДВ. Теперь устоявшаяся система сломана...»

Весной 2010 года с командующим ВДВ Героем России генерал-лейтенантом В. Шамановым встретился и побеседовал корреспондент «Красной звезды» К. Ращепкин.

«На полигоне под Псковом проходит дивизионное командно-штабное учение с управлением 76-й десантно-штурмовой дивизии. Его цель — определить возможности управления соединения при действиях дивизии в качестве оперативного десанта в тылу противника. В качестве «войск обозначения» КШУ привлечено более 1000 человек, а в рамках намеченного на сегодняшний день десантирования запланирована выброска парашютно-десантной роты, 40 разведчиков на управляемых парашютах «Арбалет» и 15 единиц техники. При этом три БМД-2 будут десантированы с экипажем внутри машин (десантирование людей в технике не проводилось с 2003 года). В ходе КШУ, призванного смоделировать и просчитать возможности соединения по автономному ведению боевых действий в тылу противника, будут «обкатаны» недавно поступившие в дивизию образцы техники и вооружения — от самоходных противотанковых орудий «Спрут» до перспективных автомобилей «Ивеко» и «экспроприированных» у грузинской армии квадриклов.

— В интересах боевого применения министром обороны и начальником Генерального штаба ВС РФ принято решение сохранить Воздушно-десантные войска в дивизионной структуре, — сказал, предваряя учение, командующий ВДВ...

И данное КШУ, по его словам, призвано ещё раз подтвердить целесообразность сохранения войск именно в дивизионной структуре. Ну а накануне учения Шаманов побывал на ведущем российском предприятии по разработке и производству средств десантирования техники — Московском конструкторско-производственном комплексе «Универсал», где рассказал представителям предприятий о перспективах развития ВДВ, новых требованиях Верховного Главнокомандующего к боевому применению вверенных ему войск и стоящих в связи с этим перед промышленностью задачах...

А задачи эти более чем масштабны: в ближайшие десять лет ВДВ должны полностью перевооружиться, получив не только новую технику, но и новые средства её десантирования. При этом выделение последних отдельной строкой имело под собой

основание: дело в том, что, начиная с 2000 года, наметился очевидный разрыв между принятием на вооружение новой техники Воздушно-десантных войск и средств её десантирования. Так, принятые на вооружение соответственно в 2004 и в 2006 годах БМД-4 и «Спрут» не имеют средств десантирования до сих пор. Как и ставший основным транспортным автомобилем ВДВ двусосный КамАЗ, и десантный бронетранспортёр «Ракушка». В советское время подобное, по словам Шаманова, невозможно было даже представить: вместе с техникой сразу же принимались на вооружение средства её десантирования. Но в последние годы по ряду далеко не объективных причин эта система разладилась. В результате финансирование разработки и производства заказываемой по линии ГРАУ техники позволило не только принять на вооружение, но и поставить в войска роту на БМД-4, дивизион самоходных противотанковых пушек «Спрут» и более сотни новейших КамАЗов. При этом средства десантирования для БМД-4, «Спрута» и КамАЗа, финансируемые по линии заказывающего управления ВВС, находятся лишь на этапе государственных испытаний.

— Задумав десантировать на этих КШУ несколько «четвёрок», я с удивлением узнал, что в войсках нет ни одной системы, позволяющей десантировать БМД-4, — констатировал командующий...

В целом же ситуацию, при которой развитие средств десантирования заметно отстаёт от создания и поступления в войска новой техники, командующий ВДВ назвал неприемлемой, пообещав, что впредь такого не будет. Не оставил Шаманов без внимания и высказанное промышленниками сожаление, что разработчикам и производителям средств десантирования не всегда удаётся найти понимание в подчинённом ВВС (а не ВДВ) заказывающем управлении, которое возглавляет полковник Игорь Крылов.

— При личной поддержке начальника Генерального штаба, с которым у нас в этом вопросе полное понимание, подобные проблемы и спорные ситуации теперь будут решаться в интересах Воздушно-десантных войск, — пообещал генерал-лейтенант Шаманов».

И ещё несколько откровенных высказываний командующего ВДВ, записанные корреспондентом:

«— В середине апреля, — пояснил Шаманов, — буду докладывать начальнику Генерального штаба предлагаемую нами концепцию сил быстрого реагирования, создаваемых на основе Воздушно-десантных войск.

Эта концепция, по словам генерала, предполагает

возможность быстрого создания и наращивания группировок на любых угрожаемых направлениях и различные сценарии их боевого применения, включая выброску оперативного и оперативно-тактического десанта на занятую противником территорию. Насколько серьёзно командование ВДВ относится к проработке этой концепции, стало ясно, когда Шаманов озвучил, прямо скажем, неожиданную идею: помимо военно-транспортной авиации к переброске грузов для войсковых нужд предполагается привлечь и гражданских перевозчиков, в частности компанию «Волга-Днепр», которая уже давно доставляет американские военные грузы в Афганистан и Ирак.

— В ходе работы над этой концепцией, — пояснил командующий, — мы, проанализировав американский опыт, выстроим свою идеологию быстрого реагирования. Для чего, с одной стороны, просчитав возможности нашей военно-транспортной авиации, определимся, что нам надо отремонтировать, а что — построить, те же, например, большие транспортники Ан-124. С другой стороны, мы должны учесть возможности и нынешних перспективных систем десантирования грузов и техники.

При этом и наращивание парка ВТА, и развитие систем десантирования, по словам Шаманова, будут определяться не предложениями производителей, а логистикой применения будущих сил быстрого реагирования, основу которых составят соединения ВДВ.

«Следующее высказанное промышленникам откровение генерала: проанализировав ситуацию, он пришёл к выводу, что из-за войн и прочих объективных причин вопросами применения ВДВ по основному предназначению уже лет 15 серьёзно не занимались. Но настало время собирать камни, и поэтому он, с одной стороны, решил провести КШУ, в ходе которого смоделировать боевое применение десантно-штурмовой дивизии в новой орг-штатной структуре, а с другой — понять производственные возможности российских производителей систем десантирования техники, особенно флагмана отрасли — Московского конструкторско-производственного комплекса «Универсал».

— Поставленная перед нами Верховным Главнокомандующим и министром обороны ближайшая задача — быть способными десантировать в тыл противника десантно-штурмовую дивизию, вот её мы и должны все вместе решить, — перевёл разговор с руководителями предприятий в конкретное русло командующий ВДВ генерал-лейтенант Владимир Шаманов.

«Побывав с командующим ВДВ на заводе «Универсал», я

поймал себя на мысли, что, похоже, присутствую на переломном моменте в истории войск. Ведь последняя четверть уходящего века создала совсем иной образ десантника, чем он был когда-то воспет в культовом кинофильме о ВДВ «В зоне особого внимания». Этот рождённый Афганистаном и Чечнёй новый, более реальный образ десантника — на броне, в грязи, в бронежилете и каске — запечатлелся и в хрониках пятидневной российско-грузинской войны. Мы и впрямь настолько привыкли воспринимать десант неким передовым ударным отрядом локальных войн и «горячих точек», что, видимо, начали забывать о первичном, классическом предназначении «крылатой пехоты».

— Готовясь к этому КШУ, я удивился, узнав, что последнее, 48-е по счёту, десантирование людей внутри боевых машин приходится аж на 2003 год, — поделился во время визита на «Универсале» генерал-лейтенант Владимир Шаманов.

И добавил, что обстоятельства и войны последних лет чрезвычайно отдалили десант от его классических боевых задач. Никто годами не обращал внимания, что при модернизации БМД-1 и БМД-2 заводчане «за ненадобностью» не устанавливают кронштейны, конструктивно предназначенные для крепления кресел «Казбек», обеспечивающих десантирование экипажа внутри боевых машин».

Откровенно говоря, грустно читать всё это, прекрасно понимая, что хорошо лишь одно: ничего этого не видит и не слышит создатель ВДВ — «дядя Вася» или Василий Филиппович Маргелов. Мне кажется, что он не смог бы пережить всего этого кошмара. Хотя всё сказанное, безусловно, является лишь небольшой частицей всей жуткой картины подлинного состояния современных Воздушно-десантных войск.

Да, они переживают не самые лучшие времена, но это «переживание» затянулось на долгие, долгие годы. Впрочем, если ВДВ всё же удастся сохранить хотя бы сильный дух и славные десантные традиции, которые оставил в наследство В. Ф. Маргелов, тогда надежда есть. Нашёлся бы только второй «дядя Вася», чтобы его войска возродились из руин, в которых оказались благодаря временам, политике и проходимцам от неё.

Глава 12

Портрет без грима

Через некоторое время после возвращения Маргелова с общевойсковых маневров «Днепр» в его кабинете раздался не совсем обычный звонок. Василий Филиппович по привычке взял трубку:

— Слушаю! — как всегда, ответил он.

— Здравствуйте товарищ Маргелов, как у вас идут дела? — спросил голос, похожий на Л. И. Брежнева.

— Стараемся... — растерянно произнёс Маргелов.

— Надо не стараться, а работать! — твёрдо сказал голос, похожий на Брежнева, и лишь добавил: — Поздравляю вас с присвоением воинского звания генерал армии, желаю здоровья и успехов в работе.

Разговор закончился, и Василий Филиппович положил трубку, однако очень долго не мог прийти в себя от услышанного. Ему казалось, что его кто-то разыграл. Он так и сказал находившемуся рядом полковнику:

— Неудачный розыгрыш!

— Мне показалось, что говорил с вами сам Генсек, — попытался убедить командующего полковник М. И. Борисов.

— Показалось, показалось... Креститься надобно...

Дело в том, что за всё время существования ВДВ такого звания не удостоился ни один из командующих. Всего же звание «генерал армии» за 1940–1991 годы было присвоено 133 военачальникам. Причём с 1950 г. по 1969 г. это звание получили 39 человек, а с 1970 г. по 1991 г. — 64.

Прекрасно можно понять волнение Василия Филипповича, ведь он стал генералом армии, 62-м по счёту, постановлением Совета Министров СССР за № 978 от 25 октября 1967 года.

Василий Филиппович Маргелов, по мнению людей, его знавших, обладал тем редким сочетанием качеств, которые могут присутствовать лишь у избранных. Храбрый и не менее мужественный, он обладал мышлением стратега. Это был военачальник от Бога, который мог пойти на риск, который мог предвидеть, который мог ориентироваться уже в ходе начатого им дела.

Да, он много курил свой любимый «Беломор», виртуозно ругался матом и любил держать руки в карманах, что никогда не было дозволено в армии. Но он был настоящим командиром, подлинным генералом, отцом для своих солдат и офицеров.

Маргелов — это типаж исконно народный, экземпляр штучный, а образ неповторимый.

Самым страшным ругательством Маргелова была фраза «Румынский бардак».

«Пошло это с 1944 года, когда при освобождении Румынии в Маргелова выстрелили из-за угла, ранив в щёку, и он, признающий только открытый бой, посчитал это высшим оскорблением. С тех пор, если при проверке какого-нибудь полка он бросал эту фразу, командир в тот же день ложился в госпиталь на увольнение в запас — заслужить прощение было практически невозможно.

В кабинете у него стояли пудовые гири, и при назначении на высокие должности он просил кандидатов «побаловаться» с ними. Мог и выпить, но, закрыв тут же за столом на две-три минуты глаза, вставал бодрый. Зато уж если приезжал на парашютные прыжки, то не уходил с вышки до тех пор, пока не приземлится последний солдат», — рассказывает писатель-десантник Н. Иванов.

Вспоминает Герой России генерал-лейтенант Л. Щербаков: «После окончания в 1968 году Академии бронетанковых войск я был назначен на испытательную работу в НИИ бронетанковой техники в Кубинке. Довелось испытывать много образцов на полигонах Забайкалья, Средней Азии, Белоруссии и у чёрта на куличках. Как-то поручили нам испытание новой техники ВДВ. Работал с коллегами днём и ночью, в различных режимах, иногда запредельных для техники и людей.

Заключительный этап — войсковые испытания в Прибалтике. И вот здесь комдив, уловив мою белую зависть к десантникам, предложил прыгнуть с парашютом вслед за боевой машиной.

Прошёл предпрыжковую подготовку. Ранним утром — взлёт. Набор высоты. Всё шло нормально: из самолёта вышла БМД и провалилась в бездну. Вслед за ней пошёл экипаж. Неожиданно сильный ветер снёс нас на валуны. Радостное чувство полёта под куполом завершилось болью в левой ноге — перелом в двух местах.

Гипс, автографы десантников на нём, костыли. В таком виде предстал перед командующим ВДВ.

— Ну что, допрыгался? — спросил меня Маргелов.

— Допрыгался, товарищ командующий.

— Забираю тебя в десант. Такие мне нужны, — принял решение Василий Филиппович».

А ведь сам он совершил свой первый парашютный прыжок, когда стал командиром дивизии ВДВ, когда ему было уже сорок лет. Всего же за время службы он совершил 60 прыжков.

Последний в 65!»

Что и говорить, любил Василий Филиппович это дело...

«Мне не раз приходилось провожать десантников в первый полёт, принимать их доклады после приземления. И до сих пор не перестаю удивляться, как преобразается воин после первого прыжка. И по земле-то он идёт гордо, и плечи широко развёрнуты, и в глазах что-то необыкновенное... Ещё бы: он совершил прыжок с парашютом! Чтобы понять это чувство, надо обязательно самому постоять у раскрытого люка самолёта над сотнеметровой бездной, почувствовать холодок под сердцем перед этой непостижимой высотой и решительно шагнуть в пропасть, как только прозвучит команда: «Пошёл!» Потом будет много прыжков более сложных — с оружием, днём и ночью, со скоростных военно-транспортных самолётов. Но первый прыжок не забудется никогда. С него начинается десантник, волевой и мужественный человек», — писал В. Ф. Маргелов в своей брошюре «Воздушно-десантные войска».

Рано утром 23 июня 1968 года три военно-транспортных самолёта Ан-12 с десанниками парашютно-десантной роты 108-го гвардейского парашютно-десантного полка 7-й гв. влд на борту вылетели из Каунаса в Рязань. Там они должны были показать своё боевое мастерство при действиях на боевых машинах десанта Министру обороны СССР А. Гречко. При подлёте к городу Калуга (35 км от города) один из Ан-12, где находилась рота и командование батальона, на высоте 4 тысячи метров столкнулся с пассажирским самолётом Ил-14, который самовольно занял этот эшелон. При падении транспортного самолёта произошёл мощный взрыв, который слышали жители Калуги. Погибли 91 солдат и офицер ВДВ.

Командующий ВДВ генерал Маргелов решил установить на месте падения самолёта с десанниками памятник. По его предложению по всем частям и соединениям ВДВ собирали средства на изготовление памятника. В основном за счёт совершения парашютных прыжков было собрано около 250 тысяч рублей. Из собранных денег 75 тысяч рублей были затрачены на сооружение памятника, 125 тысяч рублей на строительство дороги к памятнику (протяжённость 13 километров) и 50 тысяч рублей было потрачено на открытие памятника и организацию доставки и проживания родственников погибших (599 человек).

Памятник (стела и стена длиной 8 метров, с надписью: «Вечная память героям-десанникам и лётчикам»; на стене изображены два барельефа: фигура коленопреклонённой матери и фигура десантника) сооружался бригадой из мастерской Вучетича. Рядом с памятником расположена площадка, где

уложено 96 мраморных плит (91 — для десантников и 5 — для лётчиков). На одной из плит выгравирована фамилия офицера-десантника и внизу написано: «Сын Альберт 4 года». Отец взял его с собой, чтобы отвести к родственникам в Рязань. Памятник был открыт через год после авиакатастрофы — 23 июня 1969 года.

А. Осипов увидел командующего ВДВ и запомнил на всю оставшуюся жизнь: «Ростом он был высокого, крепкого телосложения, лицо — мужественное. Во всю щёку проходил шрам. Когда он приложил руку к фуражке, я заметил, что мизинец был оттопырен в сторону и немного согнут. И голова и рука — это, наверно, результат ранения на фронте».

Рассказывает А. Осипов: «Наша рота в этот момент находилась в классе по изучению минно-подрывного дела. Занятие проводил капитан по минно-подрывному делу. Открылась дверь, и в класс вошёл генерал армии, командование части и батальона. Капитан подал команду: «Встать смирно». Мы дружно встали. Генерал армии Маргелов приставил руку к фуражке и немного глуховатым негромким голосом подал команду: «Вольно, садитесь». Мы сели и продолжали рассматривать генерала армии. [...]

Маргелов стал внимательно рассматривать класс. Класс, на наш взгляд, был оформлен идеально. По каждой теме минно-подрывного дела были красочно оформлены планшеты. На стеллажах были выставлены учебные мины отечественного и зарубежного производства. Здесь также были установлены миноискатели, щупы и всевозможные приспособления для разминирования...

Но Маргелов упорно продолжал разглядывать класс, видимо искал зацепку, уцепившись за которую можно было бы покритиковать командование части. Тактика его была верной. Ведь если приехать и во всём только хвалить, а не критиковать, или вообще ничего не говорить, а просто смотреть, то это будет расхолаживать командование и не будет настрой на повышение боевой готовности личного состава.

В классе воцарилась минутная тишина. Все наблюдали за Маргеловым. Ждали его реакции от увиденного. И она наступила. Он повернулся к доске, внимательно осмотрел её, а затем обратился к капитану: «А ну, начерти мне окружность». Капитан взял мел и стал медленно выводить на доске окружность. Офицеры загадочно посмотрели на генерала армии, друг на друга и стали наблюдать, как выполняет капитан задание. Капитан, наверно, понял, за что может сейчас зацепиться Маргелов. Он закончил чертить окружность и медленно, словно провинившись,

повернулся к генералу армии. Он не успел ничего сказать, как командующий ВДВ поставил ему новую задачу: «Ну, а теперь докажи, что это окружность».

По выражению лица было видно, что он нашёл то, за что можно зацепиться и покритиковать командование, а командованию будет над чем ещё поработать в части улучшения материальной базы учебных классов. Мы поняли, что он поставил капитана в неловкое положение. Из знаний, полученных в школе, мы знали, что окружностью является линия все точки которой удалены на равное расстояние от центра. Доказать начерченную окружность от руки, а не циркулем, было невозможно. Капитан понял, что Маргелов загнал его в угол. Капитан выглядел как школьник, не знающий ответа.

Маргелов пошёл в атаку. Умело, используя недоработку в материальной базе учебного класса, он чётко дал понять, что в военном деле мелочей не бывает...

Надо отдать должное Василию Филипповичу, но говорил он просто и доходчиво даже в самых сложных служебных делах. Как подчёркивает Б. Костин, «но отнюдь не примитивно. Всех подкупала самобытная образность его языка, чёткость и глубина суждений. Василий Филиппович обладал той внутренней целостностью характера, которая не позволяла ему фальшивить в многообразии тем разговоров, бесед, выступлений».

Когда однажды Маргелова спросили, существует ли особый десантный характер, то он, не задумываясь, ответил:

— Безусловно. У меня даже была попытка в нескольких словах очертить образ крылатого пехотинца. Звучит формулировка примерно так. Десантник — это концентрированная воля, сильный характер и умение идти на оправданный риск.

На тактическом учении командующий ВДВ, проезжая по лесной дороге, заметил группу десантников из охранения от передового батальона. Все они, обняв свои автоматы, безмятежно спали, пригретые тёплым утренним солнцем.

— Спим, командир?! — спросил сержанта Маргелов.

— Виноваты, товарищ генерал! — промычал сержант, трясаясь от испуга и неожиданной встречи с самим командующим.

— Давай сюда своё мудовое войско!

С ословевшими от сна и страха лицами отделение построилось в шеренгу.

— Доброе утро, товарищи десантники! Как спалось?! — насмешливо спросил Маргелов. — Кино «Чапаев» все видели?

— Так точно!

— Скажи, сержант, почему погиб Чапаев?

— Караул заснул, товарищ генерал!

— Караул заснул... — передразнил его командующий. — Вы не десантники, а старые мухоморы! Не поспав сутки, раскисли, как бабы после бани! Вам известно, что пока солдат спит, враг не дремлет? Так что же, и дальше будем спать, чтобы врага измотать? Так, что ли?

Простота и грубость Маргелова, по мнению очевидцев, не только не задевала или оскорбляла подчинённых, но и даже импонировала им. Что, впрочем, не удивительно. Так как Василий Филиппович, как фронтовой командир бывал резковат или крут, но жестоким его не видел никто.

А уж пошутить, похохмить любил он от души.

Как-то прислали медики из Военно-медицинской академии командующему ВДВ бумагу, в которой обращались за помощью и просили разведчиков для научного эксперимента по десантной тематике.

Василий Филиппович практически, как «батька» Чапаев, внимательно прочитал: «Москва, Главнокомандующему Воздушно-десантными войсками СССР, Герою Советского Союза генералу армии Маргелову В. Ф.».

Потом попросил прочитать её А.В. Кукушкина.

— Товарищ командующий! Медики не все ваши титулы перечислили. Не указали, что вы — лауреат Государственной премии СССР и кандидат военных наук, — поняв хохму Маргелова, сказал тот.

И Василий Филиппович разрешил выделить разведчиков, при этом добавив:

— Добро, подготовьте распоряжение. А ты, Яков, передай своим пупорезам, чтобы впредь не ошибались, иначе — хрен получают, а не людей! — и рассмеялся.

О знакомстве с командующим ВДВ вспоминает ветеран ВДВ В. М. Белов:

«Началось оно в декабре 1957 года, когда генерал рано утром поднял по тревоге подразделение 51-го гвардейского парашютно-десантного полка. Я там оказался проверяющим от штаба дивизии. Он сделал мне замечание по поводу того, чтобы я не шатался по территории полка, а выводил личный состав на построение для осмотра.

Меня удивило то, что командующий назвал меня не по уставному «лейтенантом», а «сыном». Впоследствии я убедился, что «сынками» у него были все солдаты и младшие офицеры, не участвовавшие в войне. Многих он знал в лицо, особенно фронтовиков, и даже называл по имени. [...]

Командир 106-й Корешков Александр Андреевич был боевой

генерал и личный друг Командующего, тем более что они родились оба в декабре 1908 года. Дни рождения свои отмечали вместе. Особенно запомнилось совместное празднование их 50-летнего юбилея в 1958 году. Чтобы не дразнить партийное руководство Тульской области, отмечали его в лагере Тесницкое (20 км на север от г. Тулы). Катались на санях на «тройках» лошадей в компании ручного годовалого медведя из Архангельских лесов. Летом В. Ф. Маргелов частенько приезжал в Тесницкое, где у него была построена небольшая дача — бревенчатая избушка с полезной площадью не более 20 кв. м, одноэтажная, рядом с проточным озером. Дача же командира дивизии находилась поблизости. Она была больших размеров, но тоже одноэтажная. Здесь было несколько комнат, размещался узел связи с 30-метровой радиомачтой.

На лето большинство частей дивизии размещалось на территории лагеря. Здесь же были и полигоны (стрелковый и артиллерийский), взлётно-посадочная полоса для самолётов Ан-2, полигон для приземления парашютных десантов, площадка приземления тяжёлой техники на многокупольных парашютах.

Никогда не забудутся торжественные картины майских вечеров при открытии лагеря «Тесницкое» на тамошнем озере. В лучах прожекторов, по воде медленно плывёт большой плот, а на нём — оркестр духовых инструментов и хор женщин, офицерских жён. Исполняются русские народные песни и песни военных лет. На берегу озера — концерты художественной самодеятельности Тульского Дома офицеров, накрыты столы для праздничного ужина.

Генерал В. Ф. Маргелов бывал почти на каждом открытии лагеря, особенно в дневное время, когда совершались парашютные прыжки на озеро на точность приводнения. [...]

1959 год стал самым чёрным годом для всех десантников страны. Тогдашний правитель Н. С. Хрущёв уже успел, для ублажения наших вероятных противников из НАТО, сократить на 2 млн человек пехотинцев, танкистов, лётчиков Вооружённых Сил СССР. Дошла очередь и до ВДВ. Из 15-ти дивизий оставили только 6. Наша Тульская дивизия уцелела только потому, что была «парадной» и благодаря заступничеству В. Ф. Маргелова.

Хрущёв не любил десантников, а особенно — их правдивого героического Командующего. Маргелов В. Ф. настойчиво протестовал против сокращений в ВДВ. За это он был отстранён от должности Командующего. На эту должность назначили кавалерийского генерала Тутаринова, который оказался явно «не на месте»...

Тутаринов понимал, что без Маргелова ему не обойтись и

добился возвращения того на должность заместителя командующего ВДВ.

Фактически В. Ф. Маргелов отстранялся от командования, а выполнял инспекторские обязанности по контролю за качеством боевой подготовки в оставшихся дивизиях, которые больше стали походить на кадрированные, т. е. неполного состава. [...]

В 1959, 1960 и частично 1961 году я был прикомандирован к В. Ф. Маргелову как офицер по обеспечению скрытого управления войсками. За это время пришлось летать с ним буквально во все уголки СССР, где оставались части и специальные подразделения ВДВ. Это Прибалтика, Белоруссия, Союзные республики на Кавказе, Казахстан, Средняя Азия и Приморье. [...]

Маргелов был необычайно прост в обращении с подчинёнными, ценил юмор и не был злопамятен. Помню такой случай. Полковая столовая для тульских офицеров на улице Коминтерна готовила вкусные и дешёвые обеды. Офицеры, жившие далеко от расположения полка, обедали здесь. Командование полка не слишком строго относилось к тому, что в холодное время люди употребляли по 100–150 гр. водки. Обедавшие приносили водку с собой, водилась она и у симпатичной буфетчицы Зиночки. В один из зимних дней в полковую столовую 51-го полка внезапно вошёл Маргелов, который имел привычку не оповещать о своём прибытии.

Сначала он подошёл к раздаточному окну, поинтересовался, что готовят на обед, потом подошёл к буфету, сказал комплимент Зине, а потом подсел к столу, где трое офицеров полка готовились приступить к обеду. Пока Маргелов беседовал с поварами, офицеры успели вылить водку из своих стаканов в графин с водой, который стоял на каждом столе. Поговорив с офицерами о службе, Маргелов от обеда отказался, сказал что выпьет только водочки. Налил себе больше полстакана из графина, выпил до дна, поморщился и сказал: «Плохая столовая, даже командующего угощают разбавленной водкой». Никто наказан по этому поводу не был.

В другой раз в этом же Тульском полку Маргелов посетил солдатскую столовую в обеденное время. Ему принесли на пробу более половины котелка гречневой каши, где мясной гуляш преобладал по массе. Маргелов, прежде чем попробовать кашу, подошёл к окну раздачи, отобрал котелок с кашей у солдата. Поковырявшись в котелке и почти не обнаружив в нём гуляша, позвал старшего офицера и дежурного по столовой. В итоге наказали раздатчика пищи.

Рассказывают, что на зимних прыжках на тульском полигоне в районе деревни Хомяково один солдат отказался прыгать, хотя

первый прыжок ранее он уже сделал. Маргелов подошёл к нему и спросил о причине отказа. Тот ответил: «Боюсь прыгать». «А ты со мной не побоишься прыгать?» — спросил генерал. Ему принесли парашют офицера. Вместе сели в самолёт Ан-2, поднялись в воздух. Первым прыгнул генерал, вторым — солдат-«отказник». Личный пример Маргелов ставил во главу угла».

Свидетельствует А. В. Кукушкин: «В управлении командующего в 60-е годы работали полковники Терещенко В. Н. и Реута С. Д., последний мастерски копировал голос и речь командующего. Они вместе воевали, были друзьями и частенько разыгрывали друг друга.

Однажды, будучи оперативным дежурным, как рассказывал Володя Терещенко, — зазвонил телефон. Сняв трубку, я услышал чёткий голос командующего, который начал распекать меня за плохое дежурство, даже пообещал наказать.

Расстроенный непонятно за что учинённым разносом, я повесил трубку.

Вдруг повторный звонок. Снимаю трубку телефона и слышу весёлый смех Сергея Реуты, который спрашивает — сухие ли у меня штаны после такого «вливания»?

Я понял, что это он разыграл меня и испортил мне настроение. Очевидно Сергей был «под мухой» и, зная его полагал, что на этом розыгрыше он не остановится.

Через некоторое время вновь зазвонил телефон. Беру трубку — и снова голос командующего, который потребовал записать указания на завтра... Приняв это за новый розыгрыш и разозлившись на Реуту, я послал его «по матушке» и добавил, чтобы больше не мешал мне работать. [...]

Утром, с прибытием командующего, я доложил ему о состоянии дел в войсках, извинился за вчерашний поступок и попросил разрешения выслушать меня.

— Зайдите вместе с Реутой!

После того как мы доложили о прибытии, командующий, не глядя на нас, сказал:

— Шуты вы гороховые в звании полковников. Вместо дела занимаетесь ребячеством.

И, обращаясь к Реуте, сказал:

— Ну, хохмач, покажи, как ты копируешь командующего?!

— Да я, товарищ командующий... — замялся Сергей.

— Не крути жопой как проститутка, а говори, что я от тебя требую!

Делать было нечего. И Сергей выдал два наиболее расхожих экспромта из «репертуара» Василия Филипповича.

Выслушав, Маргелов слегка улыбнулся и, выдохнув порцию

табачного дыма, объявил нас мудаками и выгнал из кабинета. На этом всё и закончилось».

Следующий эпизод, показывающий характер Василия Филипповича Маргелова во всю его ширь, воспроизводит В.С. Краев: «В июне 1978 года командующий позвонил командиру 7-й воздушно-десантной дивизии генерал-майору Краеву и сказал, что завтра он прилетает в Каунас с очередной комиссией. «Готовься серьёзно, это опаснее, чем комиссия по анонимке полтора года назад». Сказал и положил трубку. Комдив, естественно, не спал всю ночь, терзаясь в догадках, с чего бы вдруг взялась эта очередная комиссия. Самолёт приземлился в первой половине дня. Встречая прибывших у трапа самолёта, генерал Краев обратил внимание, что вслед за командующим из самолёта выходит невысокого роста мужчина в гражданском костюме, возрастом лет за 50. Командующий доклад командира дивизии о состоянии дел прервал словами: «Я тебе заместителя редактора газеты «Правда» привёз, чтобы написать о «румынском бардаке», который ты здесь развёл. Вот ему и докладывай». Владимир Степанович представился этому человеку по всей форме, а тот в ответ протянул руку и сказал только одно слово — Гайдар. Комдив сразу понял, что перед ним капитан 1-го ранга Тимур Аркадьевич Гайдар, работавший в то время редактором «Правды» по военному отделу. Когда комдив и Гайдар обменялись рукопожатиями, Василий Филиппович объявил о своём отъезде в учебную 44-ю дивизию в Гайжюнай, а Гайдар до пятницы остаётся у Краева. «Сегодня вторник, вот вам четыре дня. Покажи ему все гарнизоны и обязательно сбрось его с парашютом, а то он подводник — нырял только в подводную пучину, а вот в бездну пятого океана не прыгал, хотя собирается писать о десантниках. В пятницу доложить мне в твоём учебном центре. Не теряйте времени». С этими словами командующий уехал.

Генерал Краев, зная характер командующего, не исключал, что тот приготовил какой-то сюрприз, например, мог в отсутствие комдива поднять штаб дивизии или часть полков по тревоге с целью внезапной проверки боевой готовности. Поэтому сопровождать Гайдара по отдельно стоящим гарнизонам дивизии он поручил своему заместителю, а сам остался в штабе дивизии. Что же касается требования командующего бросить Гайдара с парашютом, то этому Краев серьёзного значения не придал — решил, что командующий просто пошутил, чтобы попугать Гайдара. Тем более что Тимуру Аркадьевичу уже было за пятьдесят, и рисковать в таком возрасте, чтобы прыгать с парашютом, вряд ли кто решится. Утром в пятницу Гайдар и

заместитель комдива вернулись из ознакомительной поездки по частям дивизии. Тимур Аркадьевич был полон впечатлений и не переставая выражал восхищение десантниками. Время приближалось к 16 часам, отлёт командующего в Москву планировался на 17.00. Генерал Краев с Гайдаром выехали в учебный центр для доклада командующему. Василия Филипповича они нашли в кабинете начальника учебного центра, кроме него там находился заместитель начальника оперативного отдела штаба ВДВ полковник Булатников. Войдя в кабинет и поздоровавшись, Тимур Аркадьевич начал рассказывать командующему о своих впечатлениях. Выслушав его, Василий Филиппович сказал: «Спасибо, подводник, за комплименты десантникам, я об этих войсках, как ты догадываешься, знаю не из уст журналистов. Ответь мне честно, сколько раз ты прыгнул с парашютом?» Гайдар смутился, генерал Краев насторожился. Тогда командующий спросил Краева: «Сколько раз он прыгнул с парашютом?» Пришлось ответить, что ни разу. Василий Филиппович рассвирепел, в гневе повернулся к полковнику Булатникову и приказал вылет самолёта перенести на субботу на 12 часов. Затем повернулся к комдиву и сказал: «В вашем распоряжении 20 часов времени. Уложить два парашюта, провести тщательную предпрыжковую подготовку и завтра с утра совершить с Гайдаром по два прыжка с парашютом!» Владимир Степанович с Тимуром Аркадьевичем поняли, что шутки кончились. Выйдя из кабинета, генерал Краев спросил Гайдара, занимается ли он физзарядкой. Журналист ответил, что не только физзарядкой занимается, но и регулярно играет в большой теннис — на уровне 2-го взрослого разряда. У комдива отлегло от сердца — значит, и сердце и ноги крепкие, а это очень важно для парашютиста. Он сразу же позвонил своему заместителю по воздушно-десантной подготовке полковнику В. А. Ляхову и поставил ему задачу: к 17 часам подготовить парашюты, собрать лучших спортсменов-парашютистов, провести укладку парашютов, провести наземную предпрыжковую подготовку Гайдара и к исходу дня доложить о готовности к совершению прыжков; прыжки назначить на 8 часов утра. [...]

Краев прыгал на спортивном парашюте, с задержкой в раскрытии до 5 секунд, чтобы видеть, как Гайдар отделился от самолёта, и что его парашют полностью — штатно — раскрылся. Убедившись, что всё в порядке, комдив раскрыл свой парашют и, наблюдая за снижением Гайдара, приземлился в 70 метрах от него. Однако Гайдар после приземления оставался лежать на земле... Владимир Степанович быстро освободился от подвесной системы и, с замиранием сердца, бросился к перворазнику,

совершившему первый в жизни прыжок. Тимур Аркадьевич полулежал на правом боку и держался за голеностоп левой ноги. «Что-то с ногой», — сказал он. Краев приподнял комбинезон, осмотрел и прощупал ногу — перелома не было, слегка были растянуты голеностопные связки. Подошла санитарная машина, врач внимательно осмотрел ногу, наложил тугую повязку и констатировал, что всё в порядке, можно идти на второй прыжок. Тимур Аркадьевич посмотрел на врача с изумлением, но послушно сел в машину и поехал с Краевым к месту старта. Надев парашюты и ожидая, когда подрулит самолёт, Гайдар сказал, что не хотел бы рисковать и что, по его мнению, достаточно одного прыжка. С трудом убедили Тимура Аркадьевича сесть в самолёт для второго прыжка. Когда самолёт поднялся в воздух, Гайдар заявил, что ему трудно дышать, и попросил ослабить лямки крепления запасного парашюта. Краев слегка ослабил лямки и пытался разговорами отвлечь Гайдара от ненужных переживаний перед вторым прыжком. [...]

Покидали самолёт в том же порядке, как при первом прыжке. Парашют Гайдара раскрылся без помех, приземлился он на этот раз метрах в 50-ти от Краева. Быстро подбежав к нему, комдив увидел Гайдара, лежащим без движения на спине, глаза его были закрыты, под левым глазом образовалась большая ссадина, изо рта шла кровь. Владимир Степанович осторожно потряс его за плечо. Приоткрыв глаза и слегка разжав зубы, Гайдар пытался что-то сказать, но треть языка беспомощно повисла на прожилке у подбородка. Врач с подъехавшей санитарной машины осмотрел травму и сказал, что нужна срочная хирургическая помощь по приживлению языка. [...]

По приезде Василия Филипповича Владимир Степанович доложил ему о случившемся. Как ни странно, но командующий остался доволен происшедшим, выразив это следующими словами: «Хорошо, что он сам испытал, что с пятым океаном шутки плохи. Теперь эти писаки будут больше уважать наши войска». И, обращаясь к Краеву, добавил: «Напишите письмо главному редактору «Правды» Афанасьеву, что его заместитель совершил журналистский подвиг, в 52 года совершил два парашютных прыжка, испытав на себе всю опасность нашей военной профессии. А Тимуру Аркадьевичу вручите голубой берет, десантную тельняшку и стропорез. Мы принимаем его в строй почётных десантников».

А помните рассказ об участии сына Маргелова, Александра Васильевича, в опасном эксперименте по первому в истории ВДВ десантированию в боевой технике? Риск был смертельный. Сам Александр Васильевич отмечает, что отец не просил и не

приказывал ему участвовать в нём. Он просто в разговоре как-то заметил, что рассчитывает на него.

Перед первым уникальным десантированием генерал отдал сыну «на счастье», по старому обычаю, свою морскую тельняшку, которую хранил со времён войны. За 20 минут Маргелов-старший тогда выкурил целую пачку папирос. Когда убедился, что сын цел и невредим, снова потянулся к пачке, но та была пуста. А уже позднее стало известно, что командующий держал в кармане шинели заряженный пистолет.

А помните случай с солдатом, который обиделся на командира и которого смог успокоить только сам командир корпуса?

Чуть позже в карточке поощрений и взысканий генерала Маргелова запишут: «Выговор за безрассудную храбрость». Подпись: маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский.

Кто бы мог ещё в Советской Армии, я уже не упоминаю современную, похвастаться таким дисциплинарным взысканием?

26 декабря 1978 года Указом Президиума Верховного Совета СССР «За большие заслуги в деле укрепления обороноспособности СССР, за достижения в боевой и политической подготовке Воздушно-десантных войск и в связи с 70-летием со дня рождения» генерал армии В. Ф. Маргелов будет награждён орденом Ленина.

Всего их будет на груди Василия Филипповича четыре: первый Указом ПВС СССР от 21.03.1944 г.; второй Указом ПВС СССР от 3.11.1953 г.; третий Указом ПВС СССР от 26.12.1968 г.; и, наконец, последний.

- А ещё орден Октябрьской Революции (Указом ПВС СССР 4.05.1972 г.);

- два ордена Красного Знамени (Указами ПВС СССР от 3.02.1943 г.; от 20.06.1949 г.);

- орден Суворова второй степени (1944 г.); два ордена Отечественной войны первой степени (25.01.1943 г.; 11.03.1985 г.);

- орден Красной Звезды (3.11.1944 г.); орден «За службу Родине в Вооружённых Силах» второй степени (Указом ПВС СССР от 14.12.1988 г.);

- орден «За службу Родине в Вооружённых Силах» третьей степени (Указом ПВС СССР от 30.04.1975 г.).

Тринадцать орденов, двадцать одна медаль, около десяти знаков — это только перечень советских наград. Если же сюда прибавить награды иностранные, а их у Василия Филипповича было аж тридцать четыре, то «иконостас» получается соответствующий званию генерала армии. Кем, собственно, он

был и останется на века в нашей истории и нашей памяти.

Глава 13

Большая семья генерала

В августе 2002 года в Пскове внук знаменитого генерала Маргелова — Михаил Маргелов, политик, председатель Комитета Совета Федерации по международным делам, ответил на вопросы корреспондента «Псковской губернии» А. Машкарина:

«— Василий Филиппович Маргелов — фигура легендарная. И отношение к его имени соответствующее. Груз ответственности за имя деда Вас не гнетёт?

— Груз, действительно, достаточно тяжёлый. Дед своей известностью задал высокую планку, планку ответственного поведения, которой надо соответствовать. Приведу несколько примеров. Главной причиной того, что я не избрал для себя военную карьеру, была именно фамилия. Достичь того, что сделал дед, было бы, пожалуй, невозможно, а быть на вторых-третьих ролях не хочется. Мой двоюродный брат Василий Маргелов служил в Воздушно-десантных войсках, но служил он под фамилией матери — чтобы избежать параллелей, сравнений с дедом.

У нас в семье не принято такое явление, как блат. Его не было в советское время, нет и сейчас. О том, что мой отец поступил на юридический факультет МГУ, дед, который тогда уже был командующим ВДВ, узнал только от самого сына. То, что я стал начальником управления Президента России Бориса Ельцина по связям с общественностью и в 33 года получил ранг министра, мой отец, который был в это время в зарубежной командировке, узнал от своих кадровиков. Он был очень удивлён. Я не просил его о помощи.

Такая странная семейная традиция для генеральских детей и внуков. Наверное, это объясняется тем, что дед всегда сам пробивался. Это не значит, что в нашей семье нет взаимопомощи, но она всегда была человеческая, а не карьерная. У нас никто никогда не был «золотой» молодёжью и не ощущал себя родившимся с серебряной ложкой во рту.

— Вы не стали военным. Кто-нибудь ещё из Вашей семьи последовал примеру Вашего деда?

— Людей в погонах у нас чрезвычайно много. Старший из сыновей деда Геннадий Васильевич — суворовец, участник Великой Отечественной войны, сейчас генерал-майор в отставке, последнее место его службы — начальник Военно-физкультурного института им. Лесгафта в Ленинграде.

Анатолий Васильевич Маргелов, следующий по возрасту после Геннадия, хотя формально и не носил погоны, всю жизнь занимался системами наведения ракет, у него двести пятьдесят изобретений и открытий. Он — заслуженный изобретатель СССР.

Мой отец, Виталий Васильевич, — генерал-полковник, заместитель директора Службы внешней разведки России.

Затем идут Александр Васильевич — полковник ВДВ в отставке, Герой России, испытатель десантной техники, и Василий Васильевич — майор в отставке, достаточно долго служил на Ближнем Востоке, арабист.

— Многие знают, кем был Ваш дед. А кем была Ваша бабушка, жена генерала Маргелова?

— У деда так сложилась жизнь, что у него было три жены. Первая жена, мать Геннадия Васильевича, вторая Феодосия Ефремовна, моя бабушка, мать Анатолия Васильевича и Виталия Васильевича. Последняя жена — Анна Александровна, мать Александра Васильевича и Василия Васильевича.

Моя бабушка стала женой деда, когда была аспиранткой Минского государственного университета. Она всю жизнь работала школьной учительницей, преподавала биологию.

— Сохранились ли у Вас воспоминания детства, связанные с дедом?

— Когда мой отец с семьёй был в командировке в Тунисе (мне было четыре года), мы поехали в его первый отпуск. Пришли к деду домой, он жил на Смоленской улице в Москве. А я деда боялся — у него был такой громоподобный голос, рокочущий, рыкающий. И вдруг я в его доме увидел журнал «Весёлые картинки» и с удивлением спросил: «А это чей?» Тут в коридор, где я рассматривал журнал, зашёл дед и сказал: «Так это я тебе выписал!»

Только много лет спустя я понял, что означало для этого громоподобного человека, который со своими десанниками держал в страхе пол-Европы и Северной Америки, подумать про внука, которому надо бы выписать «Весёлые картинки»!

Воспоминаний о деде очень много, но это, пожалуй, эмоционально самое сильное.

— Были ли у Василия Филипповича какие-то жизненные установки, которые он завещал своим сыновьям, внукам?

— Вот есть формула: воспитать сына, построить дом, посадить дерево. У деда была своя специфическая фраза. Он считал, что для того, чтобы мужик стал настоящим мужиком, надо познать все тяготы этой жизни: хотя бы раз голодать, хотя бы раз в жизни быть раненым и хотя бы раз посидеть в тюрьме (имелось в виду не за уголовное преступление, а гауптвахта).

По прошествии тридцати семи с половиной лет я действительно считаю, что есть шишки, которые надо набить, чтобы понимать, что такое хорошо, а что такое плохо.

— В современных Воздушно-десантных войсках маргеловский дух ещё жив?

— Жив. Причём не только в российских Воздушно-десантных войсках, но и в бывших республиках Советского Союза.

Есть он и за рубежом. Когда прошлой зимой президент Венесуэлы Уго Чавес приезжал в Москву и был в Совете Федерации, я с ним встречался. И когда он сопоставил фамилии — Маргелов и Маргелов — выяснилось, что Уго тоже полковник-десантник. Чавес сказал, что венесуэльские десантники знают моего деда, и в Военном музее Венесуэлы висит портрет Василия Филипповича Маргелова. Они считают его теоретиком воздушно-десантных войск».

С первой женой, Марией, Василий Филиппович расписался за два года до окончания учёбы в военной школе. В сентябре 1931 года у них родился сын Геннадий. Однако из-за кочевой командирской жизни их счастье не получилось. Мария ушла.

Со второй женой, Феодосией, Маргелов познакомился в Минске, где она работала учительницей. Поженились они в 1935 году, когда Феодосия Ефремовна была уже студенткой Белорусского Государственного университета. В этом браке родились Анатолий и Виталий. Но семье не суждено было сохраниться. Сначала их разъединил поход в Западную Белоруссию, затем Финская война, а уж совсем развела Великая Отечественная. Словом, война есть война...

Там, в период боёв под Ленинградом, и встретил Маргелов свою третью жену — Анну Александровну Куракину. Произошло это событие в конце 1941 года.

Их любовь прошла все жизненные испытания и невзгоды, оставив в конечном итоге большой её след в память своим потомкам.

Родилась Анна Александровна 23 января 1914 г. в многодетной крестьянской семье в деревне Морское Мышкинского уезда Ярославской области. Работала в типографии, закончила рабфак и только затем поступила в медицинский институт, который окончила перед самой войной, в 1941 году. Затем были курсы врачей-хирургов при Военно-медицинской академии и фронт.

На войне Анна Александровна проходила службу в должности командира роты, ординатора 1-го Хирургического отделения армейского полевого госпиталя легкораненых 54-й армии, начальника этого отделения, а дальше на различных

должностях в 8-м Отдельном медико-санитарном батальоне, рядом с мужем.

В начальном периоде войны довелось ей оперировать раненного в ногу командира полка Маргелова, и кто бы мог подумать: в 1943 году они зарегистрируют брак на фронте, а в 1947 году, уже в мирной жизни, как и положено, в ЗАГСе. Всего же она дважды оперировала своего мужа в боевой обстановке.

Войну военный врач-хирург гвардии капитан медицинской службы Анна Александровна закончила с двумя орденами (Отечественной войны второй степени и Красной Звезды) и многими медалями, среди которых была «За боевые заслуги». В полку её называли «Матушкой» и очень благодарили за добрые и умелые руки.

Старший сын Геннадий (от первого брака) жил в Костюковичах у родителей Василия Филипповича. В двенадцать лет сбежал к отцу на фронт. Сначала Василий Филиппович пристроил сына в запасной учебный батальон, а потом, показав обложку журнала «Красный Воин», где был изображён улыбающийся суворовец, предложил ему поступать в суворовское училище.

Анна Александровна подготовила его, и он поступил в Тамбовское училище.

В 1959 году он, уже будучи офицером-десантником, поступил в Академию им. Фрунзе. За время службы в ВДВ совершил более трёхсот прыжков с парашютом. Выпускник Академии Генштаба. Командовал мотострелковой дивизией, был заместителем командующего армией в Бурятии. Последние должности: начальник Военного института физкультуры в Ленинграде и старший преподаватель Академии Генштаба. Кавалер орденов Красной Звезды и «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» третьей степени. Сейчас генерал-майор Г. В. Маргелов живёт в Санкт-Петербурге. У него два сына.

Сын Анатолий (от второго брака) окончил институт в Таганроге. Работал научным сотрудником в оборонном научно-исследовательском институте, где защитил и кандидатскую и докторскую диссертации. Он автор более двухсот изобретений, доктор технических наук, профессор. У Анатолия Васильевича есть дочь и сын.

Сын Виталий — брат Анатолия. В 1958 году поступил на юридический факультет Московского государственного университета им. Ломоносова. После окончания работал в КГБ. На сегодняшний день он генерал-полковник, Почётный чекист, кавалер ордена «За военные заслуги». У него четверо сыновей.

Сын Александр (от третьего брака) в 1970 г. окончил

Московский авиационный институт им. Орджоникидзе. После выпуска работал инженером в Центральном конструкторском бюро экспериментального машиностроения в городе Королёве. С 1971 по 1980 г. проходил службу в Научно-техническом комитете ВДВ. В этот период экстерном окончил Воздушно-десантное училище и Военную академию бронетанковых войск. На его счету 145 прыжков. Совершил два полёта внутри БМД и один совместно с БМД. Герой России, полковник, кавалер орденов Красного Знамени и Красной Звезды.

Сын Василий — брат Александра. Успешно окончил Институт восточных языков при МГУ. Прекрасно овладел арабским языком. Около восьми лет прослужил офицером в системе ГРУ ГШ. Из них шесть лет в арабских странах. Майор запаса. У него есть сын.

Все вместе сыновья Маргелова собирались всего дважды. Первый раз на служебной даче в посёлке Минобороны Внуково, а второй раз на похоронах отца. Тем не менее у них сложились весьма дружеские отношения, ведь при таком человеке, как Василий Филиппович, по-другому быть и не могло!

Летом 1984 года отвечая на вопрос корреспондента о своих сыновьях, генерал Маргелов сказал буквально:

— Старший, Геннадий, генерал, как говорят, наступает отцу на пятки. Виталий — полковник, Александр — полковник, Василий — майор. Только Анатолий не стал военным. Все, кроме него, прыгали с парашютом...»

Василий Филиппович очень гордился, что все они имеют прямое отношение к армии.

После войны Анна Александровна следовала за мужем, работая сначала врачом-отоларингологом, а затем вследствие неудачной операции ей пришлось уволиться.

Война, бесконечные переезды, волнения и неурядицы окончательно подорвали её здоровье. Анна Александровна ушла 30 января 1993 года.

Вскоре после её смерти младшие сыновья нашли связку пожелтевших писем. Как они пишут, из них они «получили потрясающее подтверждение тому, какое верное и любящее сердце билось под гимнастёркой боевого командира в суровые годы войны, а тем более после Победы. Как молодые сердца, несмотря на все невзгоды, жаждали любви и маленького мира на двоих, как стремились друг к другу, хотя и не так часты были их встречи, да и порой не знали они — будет ли следующая встреча... Смерть постоянно витала над ними, вырывая из строя их друзей и близких, и, может быть, именно поэтому такой яркой была их любовь, которую смогли они вместе пронести до конца дней своих. О таком крепком тыле, как была матушка для отца, и

о такой крепкой опоре, как отец был для матушки, могут мечтать
любой мужчина, любая женщина...»

Глава 14

Инспекция и Афганистан

«Василий Филиппович всегда был отцом для солдата, но не всегда слепо служил царям», — так говорит генерал-лейтенант В. Краев. И действительно это так, ибо, несмотря на все успехи ВДВ, несмотря на незыблемый авторитет их командующего, всё-таки Василия Филипповича однажды «попросили». И это оказалось не просто неожиданным, но даже и не особенно кстати...

Генерал армии Маргелов ещё собирался поучаствовать в общевойсковых учениях «Неман» и строил вполне оптимистичные планы на ближайшее будущее.

Дело в том, что в конце 1978 года в Министерстве обороны уже шёл разговор о проведении таких маневров, а штаб ВДВ непосредственно занимался их деталями. Да и сами учения отличались от всех предыдущих абсолютно новым веянием: исключительно оборонительным вариантом. Уже были приглашены иностранные наблюдатели и военные атташе. Но планам командующего сбыться не удалось и причиной тому послужило всего лишь одно обстоятельство — возраст.

Вспоминает А.В. Кукушкин: «Отставка от дел в январе 1979 года для Василия Филипповича очевидно была неожиданной. В декабре 1978-го отметили его 70-летие... Тем не менее юбиляр был полон сил и энергии. На второй день своего юбилея он собрал в комнату отдыха некоторых заместителей, начальников отделов и председателя научно-технического комитета (НТК).

Это было не юбилейное застолье, а, скорее, служебное совещание или совет единомышленников. Угощая нас, Командующий делился своими идеями и планами дальнейшей работы по развитию войск.

К этому времени уже имелись некоторые успехи в развитии идеи десантирования войск на воду. Толчком к этому большому начинанию, смею утверждать, послужили мои доклады Командующему о резком дефиците площадок для крупных десантов в странах НАТО. Анализ местности по снимкам из космоса показывал, что за последние 4–5 лет свыше 30 % ранее перспективных площадок для выброски десантов были застроены промышленными или хозяйственными объектами и утратили свою значимость. Командующий оценил эту разведывательную информацию и сделал соответствующий вывод.

Слухов о скором уходе его на отдых и возможном преемнике не было как в Штабе ВДВ, так и в центральных управлениях

Министерства обороны.

Мы полагали, что и дальше будем работать под патронажем Василия Филипповича.

Сообщение об отставке застало Командующего во время проведения сбора руководящего состава войск. Оно проходило под Москвой в гарнизоне Медвежьи Озёра. Мы, участники сбора, были ошеломлены внезапным появлением на сборе заместителя министра обороны маршала Соколова С. Л. Он объявил, что генерал армии Маргелов В. Ф. уходит в состав Генеральной инспекции при министре обороны, вместо него назначается новый командующий, которого он и представил нам.

Вся эта процедура показалась нам странной, какой-то поспешной и весьма некорректной по отношению к Маргелову. Не берусь судить, знал ли о ней заранее Василий Филиппович или нет, но известие об отставке он воспринял с достоинством, стоически. Поблагодарил участников сбора за совместную службу, пожелал удачи и, наскоро попрощавшись, покинул выпестованные им любимые войска.

Закончилась целая эпоха в жизни войск...»

Свою должность Василий Филиппович передал генералу Д. С. Сухорукову, который два года (1969–1971) был у него заместителем, а затем продвинулся до командующего Центральной группой войск.

Историческая справка

Группа генеральных инспекторов Министерства обороны была учреждена в 1958 году как составная часть центрального аппарата. С тех пор советские военачальники при освобождении от должностей по возрасту или за упущения в работе назначались непременно туда.

Группа генеральных инспекторов имела три категории должностей, в зависимости от ранее занимаемых должностей и воинских званий.

Первая категория: генеральные инспекторы (высшая категория). Занимали маршалы Советского Союза, главные маршалы и адмиралы флота Советского Союза.

Вторая категория: военные инспекторы-советники. Занимали маршалы родов войск и генералы армии.

Третья категория: консультанты при группе. Занимали генерал-лейтенанты и вице-адмиралы.

Зачисление военнослужащих в эту группу осуществлялось специальным решением ЦК КПСС с последующим оформлением

приказом министра обороны СССР. Такой порядок был определён отдельным постановлением правительства.

Инспекторов обслуживал транспорт автобазы Министерства обороны СССР, им предоставлялись служебные дачи (из числа 142 служебных дач МО СССР), телеграфно-телефонная, засекреченная и правительственная связь. За инспекторами также закреплялись адъютанты.

Денежное содержание инспекторов (оклад плюс надбавка за звание плюс процентная надбавка за выслугу лет) составляла не менее 80 % денежного содержания действующих командующих военными округами.

График работы членов группы был свободным и никем и ничем не регламентировался. Каких-либо заданий или регулярных обязательных поручений им не выдавалось.

Некоторые маршалы и генералы назначались председателями государственных комиссий на выпускные экзамены в академии и училища, также они периодически принимали участие в инспектировании войск, разработке отдельных документов (концепции военной реформы и военной доктрины). Кроме того, многие из них писали мемуары, в которых делились боевым опытом. Сами советские офицеры и генералы прозвали эту группу «райской».

Без всякого сомнения, Василию Филипповичу было тесно в новой, скорее декоративной должности. Это подтверждает и А.В. Кукушкин: «Почти через каждые 10–15 дней я специально приезжал в 3-й дом МО, докладывал ему по существу дел, иногда оставлял нужную ему литературу. По операциям израильского спецназа в Уганде (аэродром Энтеббе) и египтян на Крите по его просьбе подготовили специальную информацию со схемами. По этим материалам Василий Филиппович сделал интересный доклад перед своими товарищами — генеральными инспекторами.

В первый год нового бытия он регулярно, как когда-то в Штабе ВДВ, к 9-ти часам приезжал в 3-й дом и поднимался в свой кабинет. Офицеры из Штаба Сухопутных войск при встречах отмечали аккуратность, как они говорили, вашего командующего. Однако невостребованность, отсутствие живого, созидательного труда сделали своё дело. Пропал интерес не только к иностранным армиям, но и к своим Вооруженным Силам.

Невольно думается, как мы бываем расточительны в использовании талантов, людей с огромным жизненным опытом и знаниями.

Последний раз в живом, чрезвычайно полезном и интересном для него виде, видел Маргелова В. Ф. в Сельцах (Учебный центр

Рязанского воздушно-десантного училища) в сентябре 1984 года, когда он председательствовал на выпускных экзаменах курсантов училища».

В 1979 г. произошло ещё одно печальное событие, которое генерал армии Маргелов пережил по-своему, но больше на своём семидесятилетнем сердце. В его начале прекратила своё существование 105-я гвардейская воздушно-десантная дивизия (Фергана).

«Тогдашний министр обороны маршал Д. Ф. Устинов поддержал идею командующих нескольких округов о создании десантно-штурмовых бригад, подразделений спецназа окружного подчинения и десантно-штурмовых батальонов в танковых и общевойсковых армиях. Хотелось, как лучше. Получилось же следующее. Отменены стрельбища, учебные центры, парашютные городки, создававшиеся годами, были брошены на произвол судьбы. Личный состав Ферганской дивизии, имевший профессиональную подготовку для ведения боевых действий в условиях гор и пустыни, передавался в центральные округа, и лишь 345-й отдельный парашютно-десантный полк не затронули преобразования. Однако это было слабым утешением для Маргелова. Мог ли он молчать? Конечно нет! Его преемник на посту командующего ВДВ, генерал Д. С. Сухоруков оказался неспособным противостоять опрометчивому решению верхов: «Против ветра, мол не попрёшь!» — а Василий Филиппович пошёл-таки. В его письме о недопустимости расформирования одной из самых боеспособных дивизий ВДВ, под которым, к слову, поставил свою подпись и И. Х. Баграмян, сквозила боль, утверждалась ошибочность такого решения», — рассказывает Б. Костин.

А ведь это безрассудное решение было принято буквально за три месяца до ввода войск в Афганистан.

Именно туда вместо Ферганской дивизии ВДВ была направлена 103-я гвардейская воздушно-десантная дивизия (Витебск), которая не была подготовлена к действиям в условиях песчаных пустынь и гор.

10 декабря 1979 г. министр обороны СССР Д. Ф. Устинов сообщил начальнику Генштаба Н. В. Огаркову, что Политбюро приняло предварительное решение на временный ввод советских войск в Афганистан. Но когда он поставил ему задачу готовить ориентировочно 75–80 тыс. чел. начальник Генштаба не просто удивился, а даже возмутился.

— 75 тысяч обстановки не стабилизируют, это безрассудство, — сказал он напрямик Устинову.

— Вы что, будете учить Политбюро? Вам надлежит только

выполнять приказания, — осадил Огаркова министр.

Сегодня известно, что всё руководство Генерального штаба, а это и Н. В. Огарков, и С. Ф. Ахромеев, и В. И. Варенников, и главнокомандующий Сухопутными войсками генерал армии И. Г. Павловский до принятия окончательного решения политическим руководством СССР выступали резко против ввода войск.

Из перечня распоряжений по созданию группировки войск в ТуркВО для ввода в Афганистан, отданных Генштабом ВС СССР по устным приказам министра обороны СССР в декабре 1979 г.:

24 декабря... Министр обороны СССР отдал приказ ввести в Афганистан воздушно-десантную дивизию и отдельный парашютно-десантный полк ВДВ...

А в 12.00 25 декабря поступило распоряжение на переход Государственной границы.

Разработанным Генеральным штабом планом операции на ввод советских войск в Афганистан предусматривалось ввести две мотострелковых дивизии по двум направлениям: 5 мед — Кушка, Герат, Шинданд; 108-я мед — Термез, Пули-Хумри, Кундуз. Одновременно осуществлялась высадка 103-й ВДД и 345-го опдп на аэродромы Кабула и Баграма.

Вспоминает командир Витебской воздушно-десантной дивизии генерал-майор И. Ф. Рябченко: «10 декабря 1979 г. в 23.00 мною был получен приказ привести части дивизии в полную боевую готовность и вывести их к аэродромам взлёта.

14 декабря было осуществлено перебазирование дивизии на другие аэродромы в ТуркВО, где части в течение десяти дней производили мероприятия по подготовке к выполнению боевой задачи, которая была поставлена вечером 24 декабря.

25 декабря в 18.00 местного времени началась переброска по воздуху десанта с посадкой самолётов на аэродромах Кабул и Баграм. 26 декабря дивизии задача была уточнена. Приказывалось до 19.30 выйти к объектам в назначенных районах столицы и усилить их охрану, а также воспрепятствовать подходу к Кабулу «вооружённых группировок».

Таким образом, десантники до последнего момента не были посвящены в характер своих действий в Афганистане.

«Для перевозки личного состава и техники было совершено 343 самолёто-рейса, в том числе 66 рейсов Ан-22, 76 Ил-76, 200 Ан-12. Всего на высадку частей и подразделений ВДВ было затрачено 47 часов (посадка первого самолёта в 16.15 25 декабря, последнего — в 14.30 27 декабря). За всё это время в Кабул и Баграм было доставлено 7700 человек личного состава, 894 единицы боевой техники и 1062 тонны различных грузов. К сожалению, не обошлось без жертв — в 19.33 25 декабря при

заходе на посадку в Кабуле врезался в гору и взорвался самолёт Ил-76 (командир — капитан В. В. Головчин), на борту которого находилось 37 десантников.

27 декабря воздушно-десантные подразделения 103-й ввд согласно приказу вышли к важным административным и специальным объектам в столице (ЦК НДПА, зданиям МО, МВД, Минсвязи и др.) и усилили охрану. По существу, над этими объектами установили свой контроль», — констатирует генерал А. Ляховский.

Вспоминает Л. Хабаров: «В конце ноября 1979 года нас подняли по тревоге и вывезли в район аэродрома Какойты. От него до границы с Афганистаном, как говорится, рукой подать. В течение месяца тренировки шли и днём, и ночью. А буквально накануне марш-броска выдали тёплую одежду. Стало понятно, что двинем, видимо, в горы. Так оно и получилось. 25-го ночью стало известно, что через сутки нам предстоит взять город Саланг на территории ДРА. А расположен он за 450 вёрст от границы.

К слову, достигли мы этой точки за два часа до намеченного срока и без единой потери. Противник нас попросту не заметил — большую часть пути преодолели под покровом темноты. Благодаря тактически верному ходу взяли без шума под контроль перевал и выставили охрану тоннеля. Если бы противник его уничтожил, нам бы туго пришлось. А тут такая эйфория — взяли самый сложный объект, можно сказать, голыми руками. Веселились от души, слыша по радио, как ТАСС яростно опровергает просочившуюся в западные СМИ информацию о том, что советские войска вошли на территорию Афганистана. И только примерно через сутки руководство нашей страны признало этот факт...

...Кровушки с той и с другой стороны пролилось немало. Хотя при встречах сегодня мои сослуживцы-десантники с улыбкой вспоминают и свой первый бой. Один из офицеров «долинного» подразделения, тогда ещё не особо пуганный, пошёл проверять посты. В это же время с гребня высокой горы начал спускаться передовой душманский отряд. Не растерявшись, офицер скинул свой бушлат. Его примеру последовали и четверо стоящих на постах десантников. Получилась в результате неожиданная мощная психическая атака на противника: вид людей в полосатых тельняшках, в этих краях невиданных, заставил не менее шестидесяти душманов сначала сгрудиться, а затем пуститься в бегство. Я, конечно, за товарищей порадовался, но, будучи командиром батальона, не мог не устроить подчинённым серьёзную выволочку. Жизнь ведь не раз показала, что подобные просчёты война прощает всё же редко.

В связи с этим не могу не рассказать ещё об одном, теперь уже трагическом, эпизоде первых дней. На перевал пришло сообщение, что душманы окружили малочисленный гарнизон, находящийся в долине. Связь прервалась, и я послал туда на подмогу технику, бойцов, врача. Просился вниз в горы и сержант Анатолий Никитонов, поскольку там уже был его брат-близнец Владимир. Участвовать в операции вместо него доверил другому сержанту Юрию Зобнину. Я знал, что он спокойный, выдержанный, а это в сражении немаловажно.

И на самом деле, эти его качествагодились в том бою. Ребята ещё толком не обстрелянные, попали в окружение. Пулемёты и автоматы противника били по ним в упор. Но, несмотря на почти вышедшую из строя от столкновения со скалой орудийную башню, не спасовали. Без их поддержки нашим боевым товарищам, сражавшимся внизу, было бы не выстоять. Но они вышли всё же победителями из этой переделки. А Володя Никитонов погиб.

Мои товарищи вспоминать своё первое серьёзное «крещение» не любят, говорят, что могли тогда «сработать» и лучше. Но опыт ведения сражения пришёл со временем...

...Меня крепко зацепило в первый раз в восьмидесятом году в Панджшерской долине. В условиях полевого госпиталя оказать необходимую помощь было невозможно, сразу увезли на вертушке в Кабул. По гроб жизни благодарен медикам за то, что им удалось спасти мне руку. Лечение продолжил сначала в Ташкенте, потом в Москве. Вспоминаю теперь, что в те первые годы войны наш батальон был своего рода пожарной командой. Только за девять месяцев похоронили четырёх его командиров. Не могу не назвать начштаба Серёжу Козлова. За мужество ему было присвоено звание Героя Советского Союза — посмертно».

Прекрасно помнит Леонид Васильевич и о том, как шла подготовка к вводу войск:

«Я сам десантник, в Фергане у нас стояла боевая воздушно-десантная дивизия, которая специализировалась на боях в горах и пустыне. Мы были сформированы в специальную дивизию под руководством отличного военачальника, генерала армии, Героя Советского Союза Василия Маргелова. Летом 79-го года нашу дивизию комсостав от комбата и выше — провезли под видом туристов по Афганистану. Я в это время учился на курсах в Москве, уже будучи командиром батальона, и так завидовал нашим ребятам, которые побывали в этой командировке.

После этого проходит совсем немного времени, Маргелова отправляют в отставку и нашу дивизию вдруг расформируют — раздёргивают, комплектуя всего одну воздушно-десантную

бригаду, которая у нас осталась. В неё пришло очень много ребят из других родов войск, с гражданки, необученных — мы их обкатывали днём и ночью уже под границей, когда вышли к Афгану. Странно, не правда ли, поменять спецов на абсолютно неподготовленных парней? Кстати, в Афганистан, в горы и пустыни, дивизию из Витебска бросили с лесов и полей. Да даже если бы простого колхозника от сохи и мотыги заставили принимать военные и политические решения, он бы, руководствуясь простым здравым смыслом, не поступал так глупо, как поступало наше руководство.

Были абсолютно непонятные и нелогичные правила игры — переливание из пустого в порожнее, бессмыслица. Мы захватывали территорию, вкладывая в это огромные усилия и человеческие жизни. А потом получали совершенно непонятный приказ: уйти, оставить завоёванное. Разве можно разбрасываться тем, что далось такими усилиями?

Военные решения мне были абсолютно непонятны, как и кадровые вопросы: если человек был личностью, его старались убрать, а ставили простых пешек, по принципу чего изволите. Из этих удобных людей делали героев, награждали. Достойных же нередко просто задвигали.

Знал ли генерал армии Маргелов обо всём этом? Думаю, что да, ведь у него было множество преданных воспитанников, которые побывали и там.

Сам он говорил, что одной бы своей Ферганской дивизией за сутки обеспечил бы взятие Кабула и выполнение последующих боевых задач, заняв горные перевалы, ведущие в Пакистан. Также Василий Филиппович высшим баллом оценивал проведение Кабульской операции. Он только до конца своих дней не одобрял ввод войск в Афганистан, далеко вперёд предвидя серьёзнейшие осложнения для государства в политическом и экономическом плане. Втягивание в непонятную политическую авантюру было для Маргелова фактом слишком болезненным. Не для неё он создавал свои войска.

Например, генерал А. Лебедь так напишет о своём участии в одной из операций: «Операция «Кольцо», в которой я принимал участие (возможно, по недостатку опыта), показалась мне, мягко выражаясь, не до конца продуманной. На протяжении пяти дней мы окружали, чесали, продвигались, маневрировали. Нас обстреливали, мы давали сдачи. Но в основном бой шёл с каким-то невидимым, неуловимым противником. Потери, слава богу, были невелики, но и результаты тоже: трофеи — несколько автоматов, несколько муляжков, патронов, гранат. Мужчин не было: женщины, дети, верблюды, ослики. Взгляды хмурые,

ненавидящие, равнодушные — всякие. Не было только весёлых.

На шестой день операции с утра, когда петля стянулась до диаметра 4–5 километров, народ повалил валом. К обеду у меня было огромное количество пленных (если их так можно назвать) в возрасте от 12 до 70 лет. Это неимоверное количество народу заискивающе улыбалось, кланялось, жестикулировало и всеми доступными способами пыталось объяснить, что все они вместе и каждый в отдельности попали сюда случайно. С помощью мегафона было объявлено, что юношам до 16 лет и старикам свыше 60 лет разрешается покинуть толпу и убраться восвояси. В течение часа толпу ополовинили. Но всё равно осталось много людей. Попытки как-то упорядочить эту бурлящую массу ни к чему путному не привели. Все прикидывались идиотами, крутились, вертелись, непрерывно перемещались. Никакие уговоры, окрики переводчика не помогали. Доморощенный переводчик сержант Азимов (таджик по национальности) представил мне двух седобородых аксакалов, которые назвались муллами. Меня осенило: с максимальным почтением, поздоровавшись я попросил уважаемых отцов помочь мне навести порядок и рассадить задержанных по сотням. Аксакалы отёрли бороды, взгромодились на камень и пронзительными голосами на две стороны начали кричать, размахивая руками. Произошло маленькое чудо. Минут через 15 на большом пустыре сидело 17,5 шеренги, из чего я сделал вывод: батальоном, в котором находилось на тот период 211 человек, я прихватил 1750 душ. Поблагодарив отцов за помощь, я задумался. Все эти люди попали в кольцо окружения. На протяжении 5 суток они отходили, кто-то из них наверняка оказывал сопротивление, большинство были крепкие мужики, но за руку никто схвачен не был. Держать такое количество людей на открытой площадке до темноты, а тем более в темноте — невозможно. Куда и как их девать — неясно. [...]

Размах операции «Кольцо» был рублёвый, итог получился копеечный. Все вернулись злые, неудовлетворённые, но война, даже такая специфическая, как в Афганистане, скучать, злиться и вообще проявлять какие-либо другие эмоции длительное время просто не представляет возможности. Что там мыслило вышестоящее командование — точно неизвестно, но ни о чём серьёзном, крупном было не слышать, и мы занялись решением мелких текущих вопросов, или, другими словами говоря, проведением небольших (1–2 суток) тактических операций».

Но, несмотря на всё это, Василий Филиппович гордился своими десанниками. Они его не подкачали и там.

К слову, поиск и совершенствование форм боевой деятельности 40-й армии в Афганистане происходили в течение

всей войны.

По утверждению Е. Никитенко, окончательно там сложились следующие формы боевой деятельности: «проведение операций по разгрому наиболее опасных группировок вооружённой оппозиции; оборона коммуникаций, режимных зон, важных народнохозяйственных объектов; засадные боевые действия частей и подразделений в общей системе внезапных и скрытных ударов войсками армии; боевые действия по реализации разведывательных данных дежурными силами и средствами армии; боевые действия по проводке колонн с материально-техническими средствами на особо опасных направлениях; прикрытие государственной границы».

Например, «наиболее крупная операция по поддержке афганской армии была проведена в районе Хост по уничтожению базового района Джавара, продолжавшаяся с 17 ноября 1987 года по 25 января 1988 года с целью прорыва многолетней военной и экономической блокады округа и срыва планов контрреволюции по отторжению его территории от Афганистана.

Замыслом операции предусматривалось встречными ударами главных сил армии из Гардеза и части сил 108-й мотострелковой дивизии из Хоста после массированных ударов авиации и артиллерии прорвать блокаду округа и нанести поражение главной группировке противника; силами этой дивизии и 191-го отдельного мотострелкового полка захватить предперевальный участок, а силами 103-й воздушно-десантной дивизии — перевал Сатекундав. Затем, наращивая усилия вводом в сражение 56-й отдельной десантно-штурмовой бригады, 345-го отдельного парашютно-десантного полка и соединений правительственных войск, занять господствующие высоты вдоль главной коммуникации, блокировать маршрут на всём его протяжении, уничтожить основные группировки противника в районе Хоста, расширить безопасную зону и тем самым обеспечить проводку колонн с материальными средствами в Хост. Размах операции составлял 15 км, темп наступления 5–6 км/сутки, продолжительность — два с половиной месяца. Всего в боевых действиях принял участие 51 батальон».

О боевых действиях десантников говорит и такой факт: «В ходе боевых действий в Республике Афганистан советские воздушно-десантные войска (103-я воздушно-десантная дивизия, 345-й отдельный парашютно-десантный полк, 56-я отдельная десантно-штурмовая бригада) использовались чаще всего как мотострелковые соединения и части. Однако, анализируя характер проводимых ОКСВ операций, можно заметить, что они редко обходились без применения воздушных десантов и

десантно-штурмовых действий. Воздушные десанты обычно высаживались с вертолётов на господствующие высоты и в районы пересечения коммуникаций. Их активные действия в тылу в сочетании с ударами войск с фронта сковывали маневр противника и создавали предпосылки для успешного завершения операций. Причём боевой опыт показал, что наибольший эффект достигался при неоднократной высадке тактических воздушных десантов в рамках одной операции.

К примеру, в период боевых действий в провинции Нангархар в феврале 1983 года в качестве десанта в течение шести дней было высажено 2380 человек. Глубина десантирования составляла 15–20 км от передовых подразделений советских войск. Ежедневно высаживалось по четыре-шесть десантных групп численностью от 210 до 1050 человек каждая. Некоторые десанты в течение одного дня высаживались даже дважды (повторное десантирование проводилось, как правило, на маршруты отхода подразделений вооружённой афганской оппозиции в горы). Многим высадкам воздушных десантов предшествовали воздушно-штурмовые атаки, заключавшиеся в согласованных действиях вертолётных и десантно-штурмовых подразделений, а также поддерживающих их сил и средств. В ходе воздушно-штурмовой атаки преследовалась цель уничтожить или захватить важный объект противника».

К слову, в Афганистане было убито, умерло от ран и болезней, погибло в катастрофах, в результате происшествий и несчастных случаев — 14 453 советских солдата и офицера (в т. ч. пограничных и внутренних войск). Среди них 2114 десантников.

Василий Филиппович скорее всего так и не узнал этой цифры.

Глава 15

Последний прыжок в бессмертие

2 августа 1980 года в Центральном доме Советской Армии, что располагался у станции метро Новослободская, прошло торжественное собрание, посвящённое пятидесятилетию Воздушно-десантных войск.

«Небольшой президиум: кто-то из ЦК КПСС, начальник Генерального штаба маршал Н. В. Огарков, космонавт А.В. Филипченко, оба командующих ВДВ — бывший и действующий, несколько солдат и офицеров — отличников боевой подготовки, — воспроизводит детали того дня Б. Костин. — Ни наград, ни адресов от общественности, ни воспоминаний ветеранов ВДВ, а ведь им было чем поделиться. И полнейшее умолчание о десантниках, воюющих в Афганистане. Обратимся... к воспоминаниям В.С. Краева, который к тому времени был генерал-майором:

«Заседание открыл не то начальник политуправления ВДВ генерал Близнюк Д. С., не то его заместитель полковник Смирнов. Затем слово для доклада было предоставлено Сухорукову Д. С. В сорокаминутном докладе Дмитрий Семёнович только один раз упомянул фамилию Василия Филипповича Маргелова, и то при перечислении других командующих, которые были до него. Причём не отметил, что из 50 лет существования ВДВ около 25 лет ими командовал генерал Маргелов, что именно он их практически возродил после упадка в середине 50-х годов, перевооружил, поднял их престиж и авторитет не только в Советской Армии, но и в мировых военных кругах, сделав их элитой Вооружённых Сил. К сожалению, таких слов зал не услышал. Если бы Сухоруков, назвав фамилию Маргелова В. Ф., добавил хотя бы два-три слова, характеризующие вклад Василия Филипповича в становление и развитие ВДВ, я уверен, весь зал стоя устроил бы овацию... Но видно, этого устроители торжественного вечера больше всего и боялись».

Командующий ВДВ генерал-полковник Д. С. Сухоруков завершил доклад, после которого зазвучал гимн СССР. Это значило, что речей и поздравлений больше не будет. Собравшиеся в недоумении выходили из зала. Имевшие на руках особые билеты с пометкой «Приглашаем на товарищеский ужин» потянулись к залу, где были накрыты столы. Маршал Н. В. Огарков подошёл к В. Ф. Маргелову, намереваясь взять его под руку, и услышал такие слова: «Я сегодня не вполне здоров,

товарищ маршал». Огарков выразил сожаление, пожал Маргелову на прощание руку, произнёс несколько дежурных фраз. Василий Филиппович спустился со сцены в опустевший зал, направился к выходу».

В общем, праздник не удался. Да не просто праздник, а великий праздник, солидный юбилей, к которому он имел самое что ни на есть прямое отношение. Он ждал его, готовился к нему, но всё оказалось впустую. Снова волнение и боль на сердце.

Опускались руки...

Как-то Маргелов поделился сокровенным, что собирается написать воспоминания о войне и послевоенной службе. Название он уже подобрал: «Правда и только правда».

— Напишу, — говорил он сыновьям. — Анна Александровна отпечатает. Размножу с десятков экземпляров, раздам сыновьям и близким друзьям.

И всё-таки мемуаров он так и не написал, а жаль.

Но прошло время, и 2 августа 1986 года праздник всё же состоялся: «...по решительному настоянию врачей удавалось на некоторое время «уложить» Василия Филипповича в военный госпиталь имени Н.Н. Бурденко. Давали о себе знать раны, особенно та, злосчастная, полученная в Западной Белоруссии. Хирургическая операция, проведённая на горле, была успешной, но говорить теперь он мог только шёпотом. Пропал голос, которым он поднимал свой полк в атаку, распевал любимые песни, вводил в дрожь нерадивых командиров, великолепно декламировал стихи и сердечно называл гвардейцев своими сынами. Они-то и не позволяли командующему впасть в уныние, не оставляли в одиночестве.

2 августа 1986 года родные отправились к «Бате» в госпиталь. На столе одно за другим появлялись излюбленные яства Василия Филипповича — малосольные огурцы, варенье, картошка, селёdochка, квасок, бутылка «Маргеловской». Едва сели за стол — стук в дверь. Порученец чертыхнулся, а открыв её, изумился. В проёме стояли два атлетически сложенных парня. Под пиджаками — тельняшки с голубыми полосами, на головах береты, в руках — арбузы с «выгравированной» датой «2.08.1986 год». «За стол!» — произнёс Маргелов, но гвардейцы, переминаясь с ноги на ногу, почти в один голос ответили: «Все не поместимся».

Настала очередь удивляться Маргелову.

— Как не поместимся?

— Понимаете, товарищ командующий, нас человек двести.

— Где все они?

— Всех к вам не пускают.

— Что ж вы за десантники, если не можете охрану снять?

— Так шуму-то столько будет, а вас не велено беспокоить.

— Ладно, обойдёмся без шума. Поладим с охраной полюбовно.

Картина, представшая взору Василия Филипповича, которого поддерживал под руку сын Александр, была трогательной и впечатляющей. Парадный строй стоял во дворе буквой «П». Тельняшки и береты, голубые погоны, награды Отечества. Раздалась команда «Смирно! Равнение направо!». А затем в полнейшей тишине все внимали своему кумиру, представшему перед ними словно из легенды.

Легендарный «десантный маршал» и получивший к тому времени широкую известность во всём военном мире его сын Александр начали «обход войск» символического праздничного парада. Десантники встречали их криками «Ура!», которое перекатывалось от шеренги к шеренге по мере приближения к ним двух Маргеловых, наглядно олицетворявших преемственность героических поколений.

Василий Филиппович часто останавливался, здороваясь за руку с каждым из участников этого парада, и всем задавал один и тот же вопрос: «Сынок, а ты за что получил свою награду?» Ребята чётко докладывали, где и при каких обстоятельствах получили свои боевые знаки воинской доблести. Подавляющее большинство из них были «афганцами». Но были и такие, кто называл Чехословакию или другие «горячие» точки в стране и за границей.

Генерал по-отечески их благодарил и призывал не стыдиться своих подвигов, ибо свой долг они выполнили честно.

Закончив торжественный обход своих «десантных сынков», командующий остановился перед строем и начал шёпотом произносить поздравительную речь, которую вслед за ним громким голосом повторял сын Александр.

На фоне звенящей тишины его голос воспринимался жадно слушающими гвардейцами как живой, настоящий голос их кумира. Родным и близким, стоявшим поодаль, также казалось, что они слышат голос отца — от волнения голос Александра стал слегка хриловатым, как и у генерала до операции на горле. Вся эта картина выглядела очень трогательно и волнующе. Укрывшись за деревом от посторонних глаз, порученец судорожно глотал успокоительные таблетки, вытирая украдкой слёзы.

Это был самый лучший парад в жизни Василия Филипповича.

В 1990 году генерал армии Маргелов с нетерпением ждал шестидесятилетнего юбилея ВДВ. Но до него он не дожил буквально пять месяцев...

Один из десантников напишет потом: «Помню, построили нас, и ответственный офицер тихо так говорит: «Из штаба

сообщили — умер Маргелов». День был такой солнечный, небо ясное. И замер строй...»

Свой последний прыжок в бессмертие Герой Советского Союза, лауреат Государственной премии, генерал армии Маргелов совершил 4 марта 1990 года, когда до развала Советского Союза, которому он верой и правдой служил всю свою жизнь, оставалось совсем немного.

День был такой солнечный, небо ясное... Самая идеальная погода для полётов и парашютных прыжков.

* * *

В наградном листе на Маргелова Василия Филипповича, который датирован 1944 годом, есть очень много фактов для понимания природы этого военачальника и создателя Воздушно-десантных войск. Это документ не просто подтверждающий его право быть Героем того государства, но и указатель на некий незримый путь от «Золотой Звезды» до «Звезды» генерала армии, который уже тогда был предначертан ему звёздами небесными.

Итак, НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество — МАРГЕЛОВ ВАСИЛИЙ ФИЛИППОВИЧ.

2. Звание — полковник.

3. Должность, часть — командир 49 Гвардейской стрелковой дивизии.

Представляется к званию «ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА».

4. Год рождения — 1908.

5. Национальность — русский.

6. Партийность — чл. ВКП(б) с 1929 г.

7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне (где, когда) — Участник Отечественной войны с декабря 1941 года, а также участник войны с белофиннами в 1940 году.

8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне — Дважды ранен в боях с белофиннами в 1940 г. и дважды при походе в Западную Украину — 1939 г.

9. С какого времени в Красной Армии — с 1928 г.

10. Каким РВК призван — Кадр К. А.

11. Чем ранее награждён (за какие отличия) — Орденом Красного Знамени — 1943 г. и орден «Красная Звезда» — 1943 г.

12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи — г. Молотов, улица Орджоникидзе, дом № 59 кв.138.

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

Обороняясь на фронте свыше 50 км на левом берегу р. ДНЕПР 49 гв. сд. 10.3.44 г. получила задачу форсировать р. ДНЕПР и во взаимодействии с 295 СД овладеть г. ХЕРСОН. В течение полутора суток, полковник МАРГЕЛОВ перегруппировал силы дивизии, сосредоточил их южнее САДОВАЯ в готовности к выполнению задачи.

Одновременно одним полком с боями форсировал р. Днепр в районе КАЗАЦКАЯ и развивая успех на запад во взаимодействии со 2-м ГВ. МК начал свёртывание обороны немцев на правом берегу. В ночь на 12 и 13.3.44 г. основные силы дивизии преодолевая упорное сопротивление противника на подручных и местных переправочных средствах форсировали р. ДНЕПР и устье р. ИНГУЛЕЦ и захватили плацдарм на правом берегу в районе САДОВАЯ. Не давая противнику закрепиться, дивизия совместно с 295 СД развивает стремительное наступление на ХЕРСОН и ударом с Северо-Востока в 12.00 13.3.44 овладевает городом.

Командир дивизии — полковник МАРГЕЛОВ чёткой постановкой задач подчинённым частям, тщательной подготовкой форсирования р. Днепр и боя на правом берегу, обеспечил успешное выполнение боевой задачи. В течение всего периода форсирования находился на переправах и лично руководил действиями частей, одновременно осуществляя руководство правым флангом через свой штаб.

Своей настойчивостью, высокой требовательностью, хорошей организацией взаимодействия пехоты с артиллерией, полковник МАРГЕЛОВ обеспечил своевременное выполнение задачи по овладению г. ХЕРСОН без серьёзных потерь и нанёс противнику большой урон в живой силе и технике.

За умелое управление войсками при форсировании р. Днепр и овладении г. Херсон, проявленные при этом инициативу, настойчивость и личную храбрость полковник МАРГЕЛОВ достоин присвоения звания «ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА».

II. Заключение вышестоящих начальников:

Командующий 28 Армией генерал-лейтенант/А. Гречкин/.
Член Военного Совета генерал-майор /А. Мельников/.
16 марта 1944 г.

Достоин присвоения звания «ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА».
Командующий Войсками 3 Украинского фронта генерал
армии/Р. Малиновский/.
Член Военного Совета 3 Украинского фронта генерал-
лейтенант /Желтов/.
Апреля 1944 г.

Заключение наградной комиссии НКО ВЕРНО

Начальник отдела кадров фронта полковник/Бочаров/.
2 мая 1944 года.

Присвоено звание Героя Советского Союза с вручением
ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Указ от 19.03.44 г.

* * *

«Маргелов! Это имя не оставляет равнодушным ни одного десантника любого звания, любого поколения. [...] Маргелов в ВДВ был всё! Маргелов в сердцах и умах был выше Знамени. За Маргелова десантники не думая готовы были умереть. Даже трудно себе представить сомнения в любых действиях, связанных с решением командующего Маргелова», — говорится на сайте Тверского союза десантников.

Это пишут маргеловцы из «Войск дяди Васи». Его питомцы, каких уже по всем уголкам России великое множество.

Маргелову устанавливают памятники и бюсты, его именем называют улицы и учреждают медали. Уже есть музеи Маргелова и даже сняли фильм про Маргелова. Про Маргелова пишут книги и продолжают рассказывать и старое, и новое...

То есть Василий Филиппович не просто ушёл в бессмертие — он всегда с нами.

Видимо, это и есть тот самый рай, о котором мы так часто говорим, но про который ничего не знаем. Василий Филиппович заслужил своё место и там!

Приложения

Публикации, статьи, интервью, труды и книги

1. Молодой, развивающийся род войск. Герой Советского Союза генерал-лейтенант В. Маргелов. «Красная звезда» от 28 декабря 1957 года;

2. Воздушно-десантные войска совершенствуют мастерство. Генерал-полковник В. Маргелов, Герой Советского Союза, командующий ВДВ. «Техника и вооружение» № 5, 1963 год;

3. Равняться на передовых. Генерал-полковник В. Маргелов, Герой Советского Союза, командующий ВДВ. «Военный вестник» № 8, 1963 год;

4. Совершенствовать полевую выучку десантников, Генерал-полковник В. Маргелов, Герой Советского Союза. «Военный вестник» № 5, май 1964 года;

5. Крылатые войска. В. Маргелов, генерал-полковник. «Ядерный век и война». Военные обозрения. М.: Известия, 1964 год;

6. Крылатая пехота. Генерал-полковник В. Маргелов, Герой Советского Союза, командующий Воздушно-десантными войсками Советской Армии. «Крылья Родины» № 8, август 1965 год;

7. Воздушно-десантные войска. Генерал-полковник В. Маргелов. «Военный вестник» № 7, 1967 год;

8. Воздушно-десантные войска Советской Армии. Генерал-полковник В. Маргелов. «Военная мысль» № 8, 1967 год;

9. Родина может на нас положиться. Беседа с командующим ВДВ СССР, Героем Советского Союза генералом армии В. Ф. Маргеловым. Бюллетень для комсомольских газет № 15. Беседу вёл А. Плешаков.

10. Воздушная гвардия. В. Ф. Маргелов, генерал-армии. Интервью Е. Месяцева. Сборник «Есть встать в строй!». М.: Молодая гвардия, декабрь 1967 года;

11. Гвардейская атака с неба. В. Ф. Маргелов, генерал армии, командующий ВДВ, Герой Советского Союза. «Смена» № 18, сентябрь 1968 года;

12. Отвага и выучка. Генерал армии В. Маргелов, командующий ВДВ Советской Армии, Герой Советского Союза, кандидат военных наук. «Огонёк» № 8, февраль 1970 года;

13. Войска мужества и мастерства. Генерал армии В. Маргелов, кандидат военных наук. «Военный вестник» № 7, 1970 год;

14. «Стремительность, отвага, дерзость...» Командующий Воздушно-десантными войсками генерал армии «В. Ф. Маргелов, Герой Советского Союза, кандидат военных наук. Журнал «Старшина Сержант», № 7, 1970 год;

15. Десантный характер. Беседа с командующим ВДВ, Героем Советского Союза, генералом армии Василием Филипповичем Маргеловым. Беседу вёл А. Данилов. «Советский воин» № 4, 1973 год;

16. Тенденции развития применения воздушных десантов. Герой Советского Союза генерал армии, кандидат военных наук В. Маргелов. «Военная мысль» № 12, 1974 год;

17. Развитие теории применения воздушно-десантных войск в послевоенный период. Герой Советского Союза кандидат военных наук генерал армии В. Ф. Маргелов. «Военно-исторический журнал», № 1, 1977 год;

18. В постоянной боевой готовности. Генерал армии В. Ф. Маргелов, командующий Воздушно-десантными войсками, Герой Советского Союза, кандидат военных наук. «Военный вестник», № 7, 1977 год;

19. Воздушно-десантные войска. В. Ф. Маргелов. М.: Знание, 1977 год;

20. Советские Воздушно-десантные. Руководитель кандидат военных наук В. Ф. Маргелов. Военно-исторический очерк. Военное издательство МО СССР, Москва 1980 год (переиздание 1986 года);

21. Воля к победе. Генерал армии В. Ф. Маргелов, Герой Советского Союза. «Красная Звезда», от 19 января 1984 года;

22. В дальних гарнизонах ближе перспектива. Советы молодому офицеру. Генерал армии В. Маргелов, Герой Советского Союза. «Военный вестник» № 2, 1984 год;

23. Мы, десантники. Генерал армии В. Ф. Маргелов. «Неделя» № 19, 1984 год;

24. Немеркнущий подвиг. Герой Советского Союза генерал армии В. Ф. Маргелов. «Советский воин» № 8, апрель 1984 года;

25. Вступительное слово генерала армии, Героя Советского Союза В. Ф. Маргелова к книге И. И. Громова и В. Н. Пигунова «В бой уходили десантники». Минск, 1989 год.

Десять афоризмов от Василия Филипповича Маргелова

1. «В случае войны парни в голубых беретах будут брошены в пасть агрессору, с целью разорвать эту пасть».

2. «Не можешь пить водку — пей воду, не можешь пить воду

— ешь землю!»

3. «Офицер-десантник должен быть таким, чтобы молодые женщины, любуясь им, если не отдавались, так думали об этом».

4. «Не становись на пути десантника — ты рискуешь стать загадкой для хирурга».

5. «Этих ребят в голубых беретах невозможно сломать, испугать морально и физически. Хоть мне и 68, но с ними я пойду куда угодно. За ночь мы вырежем пол-Румынии, за неделю захватим Европу. Жаль только, что служить им всего 2 года, а то бы я сделал из них настоящих головорезов».

6. «Сесть в седло — достаточно и задницы, а чтоб удержаться в седле, нужна ещё и голова».

7. «Даже смерть не является оправданием невыполнения боевого приказа».

8. «Сбит с ног — сражайся на коленях, идти не можешь — лёжа наступай».

9. «Патроны есть — еда найдётся!»

10. «Десантник должен знать только два действия математики: отнять и разделить».

Двенадцать сталинских благодарностей

1. Приказом Верховного Главнокомандующего от 13 марта 1944 года за участие в освобождении городов БЕРИСЛАВА и ХЕРСОНА;

2. Приказом Верховного Главнокомандующего от 28 марта 1944 года за участие в освобождении города НИКОЛАЕВА;

3. Приказом Верховного Главнокомандующего от 10 апреля 1944 года за участие в освобождении города ОДЕССА;

4. Приказом Верховного Главнокомандующего от 4 ноября 1944 года за участие в овладении городом СОЛЬНОК;

5. Приказом Верховного Главнокомандующего от 24 декабря 1944 года за участие в овладении городами СЕКЕШФЕХЕРВАР и БИЧКЕ;

6. Приказом Верховного Главнокомандующего от 13 февраля 1945 года за участие в овладении городом БУДАПЕШТ;

7. Приказом Верховного Главнокомандующего от 25 марта 1945 года за участие в овладении городами ЕСТЕРГОМ, НЕСМЕЙ, ФЕЛЬШЕГАЛА и ТАТА;

8. Приказом Верховного Главнокомандующего от 3 апреля 1945 года за участие в овладении городами МАДЬЯУВАР и КРЕМНИЦА;

9. Приказом Верховного Главнокомандующего от 5 апреля

1945 года за участие в овладении городами МАЛАЦКИ, БРУК, ПРЕВИДЗЕ и БАНОВЦЕ;

10. Приказом Верховного Главнокомандующего от 13 апреля 1945 года за участие в овладении городом ВЕНА;

11. Приказом Верховного Главнокомандующего от 13 апреля 1945 года за участие в овладении городами КОРНЕЙБУРГ и ФЛОРИДСДОРФ;

12. Приказом Верховного Главнокомандующего от 8 мая 1945 года за участие в овладении городами ЯГОМЕР-ЖИЦЕ, ЗНОЙМО, ГОЛЛАБРУНН и ШТОККЕРАУ.

Воздушно-Десантные войска при Маргелове (1954–1978)

1955 год — транспортно-десантная авиация выведена из состава ВДВ и на её базе основана военно-транспортная авиация;

принят на снабжение ВДВ морской десантный парашют военно-транспортная авиация получила самолёт Ан-8 («летающий кит»).

1956 год — воздушно-десантные войска подчинены Главному штабу Сухопутных войск (до 1964 года);

на опытном учении, где изучались возможности действий войск в условиях ядерной войны, вслед за реальным ядерным взрывом мощностью 40 килотонн в район 500–600 метров от эпицентра взрыва через 40 минут на вертолётах Ми-4 были высажены 272 десантника с лёгким вооружением;

для выполнения боевых задач в венгерских событиях привлекались части 7-й и 31-й воздушно-десантных дивизий.

1957 год — выпущен тяжёлый транспортный самолёт Ми-6 (61 десантник);

в воздушно-десантные войска поступил Ан-12.

1958 год — парашютно-десантный полк 106-й воздушно-десантной дивизии десантировался на опытных тактических учениях в сложных климатических условиях Заполярья;

принята на вооружение самоходная артиллерийская установка СУ-85.

1959 год — на вооружении ВДВ появилась парашютная платформа ПП-127;

на снабжение ВДВ принят модернизированный парашют Д-1-8;

1976 год — успешно испытана парашютно-реактивная система «Реактавр» (один купол). Новую технику испытывали Л. Щербаков и А. Маргелов.

1977 год — советские десантники вместе с кубинскими и эфиопскими подразделениями провели успешную операцию в районе Африканского Рога, в ходе которой были разгромлены сомалийские войска в Огаденской пустыне.

1978 год — в крупных общевойсковых учениях в Белоруссии принял участие парашютно-десантный полк 103-й гв. воздушно-десантной дивизии. Впервые он в полном составе с техникой и вооружением десантировался с самолётов Ил-76.

***Из акта приёма Наркомата Обороны СССР С. К. Тимошенко от
К. Е. Ворошилова (8 мая 1940)***

...3. Авиадесантные части не получили должного развития.

Организация воздушно-десантных частей (маломощные бригады) отстаёт от современных требований и требует пересмотра в сторону создания более сильных соединений и развития парашютного дела.

Существующая двойственность подчинения — по линии УБП (боевая подготовка) и по линии ВВС (снабжение специмуществом и обеспечение самолётами) отрицательно сказывается на управлении и боевой подготовке авиадесантных частей.

***Из Приказа о боевой и политической подготовке войск на 1941
учебный год***

№ 30 21 января 1941 г.

...XV. ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНЫЕ СОЕДИНЕНИЯ.

1. В боевой подготовке частей и соединений воздушных десантов главное внимание уделить отработке взаимодействия воздушных десантов с подвижными соединениями и авиацией.

2. Совершенствовать тактическую подготовку взвода, роты и батальона воздушно-десантных бригад для решения самостоятельных задач в тылу противника.

3. Во всех десантных бригадах провести воздушно-десантные учения в разное время суток с фактической выброской на парашютах и высадкой с самолётов;

— в зимний период по два ротных и по одному батальонному учению;

— в летний период по одному ротному, по два батальонных и по одному бригадному учению.

На остальных учениях выброску (высадку) частей и подразделений обозначать небольшими группами.

4. Практически отработать и свои парашютные прыжки с самолётов — зимой, ночью, в сумерки, на рассвете, с малых высот (300–600 м).

В совершенстве овладеть техникой подвески, отцепки и приведения в боевую готовность тяжёлого вооружения и автотранспорта.

5. В огневой подготовке по всем видам оружия добиться отличных и хороших результатов. В каждом отделении подготовить пару снайперов.

6. Практически отработать материально-техническое снабжение воздушного десанта, действующего в тылу противника, при помощи авиации.

7. Военным советам округов (фронта) и армий:

— закрепить за воздушно-десантными соединениями авиационные части с различными типами самолётов для переброски личного состава, материальной части и грузов;

— привлекать воздушно-десантные части и соединения на все общевойсковые и тыловые учения, а командиров и их штабы привлекать на командно-штабные учения и полевые поездки.

Из Директивы о задачах огневой подготовки военных округов, объединений, соединений, частей на летний период 1941 года

№ 34 678 17 мая 1941 г.

...Боевую подготовку воздушно-десантных соединений продолжать в соответствии с требованиями приказа № 30, добиваясь полного и качественного выполнения поставленных задач.

Новые воздушно-десантные соединения к 1 августа научить:

— совершать парашютные прыжки с оружием и снаряжением со средних высот (600–700 м) в светлое время;

— производить подцепку под самолёт и производить переброску в тыл противника тяжёлого вооружения: танков, артиллерии, миномётов, крупнокалиберных пулемётов на мехтяге, их отцепку и приведение в боевую готовность после приземления;

— выполнять боевые задачи взводом, ротой и батальоном после приземления в тылу противника, научить прикрывать свою выброску дымами как с самолёта, так и выброской дымовых

шашек. Особенно тщательно отработать ночные действия парашютных и десантных частей в тылу противника.

До 15 сентября во вновь сформированных соединениях провести по одному ротному, батальонному и бригадному воздушно-десантному учению с фактической выброской с самолётов на парашютах. На остальных учениях выброску обозначить небольшими группами.

Во всех воздушно-десантных соединениях командно-штабные учения проводить с фактической выброской на парашютах или высадкой с самолётов, отрабатывая при этом полностью все вопросы организации и проведения воздушно-десантной операции.

<i>Приказ об улучшении руководства Воздушно-десантными войсками Красной армии</i>

№ 0329 29 августа 1941 г.

В целях улучшения руководства воздушно-десантными войсками Красной Армии приказываю:

1. Сформировать по прилагаемому штату аппарат управления воздушно-десантными войсками Красной Армии.

2. Утвердить положение.

3. Подчинить воздушно-десантные войска непосредственно командующему воздушно-десантными войсками Красной Армии, изъяв их из подчинения фронтам действующих армий.

4. Для начальствующего состава воздушно-десантных войск установить среднюю зарплату между окладами начсостава ВВС и стрелковых войск^[1].

Для рядового и младшего начальствующего состава воздушно-десантных войск Красной Армии установить курсантский паёк и заработную плату в размере на 25 % больше, чем в стрелковых частях соответствующих специальностей других родов войск^[2].

5. Установить, что за каждое участие в боевой десантной операции весь состав, принимающий непосредственное участие в таковой, получает: начальствующий состав — месячный оклад; рядовой и младший начальствующий состав — по 500 рублей.

6. Снабжение воздушно-десантных войск всеми видами имущества и запасными частями, а также хранение запасов всех видов довольствия на центральные и окружные довольствующие управления Красной Армии.

7. Назначить:

Командующим воздушно-десантными войсками Красной

Армии генерал-майора Глазунова В. А.

Военный совет воздушно-десантных войск Красной Армии в составе: генерал-майора Глазунова В. А., членов Военного совета полкового комиссара Беякова И. С., полковника Иванова Е. В.

Начальником Главного управления воздушно-десантных войск Красной Армии, — он же первый заместитель командующего — полковника Иванова Е. В.

Комиссаром Главного управления воздушно-десантных войск бригадного комиссара Кизевича С. Г.

Зам. командующего воздушно-десантными войсками Красной Армии полковника Досика А. М.

Начальником штаба воздушно-десантных войск Красной Армии генерал-майора Ионова П.

Народный комиссар обороны СССР И. Сталин:

«Утверждаю».

Народный комиссар обороны СССР И. Сталин.

29 августа 1941 г.

Положение о Воздушно-десантных войсках Красной армии

1. Воздушно-десантные войска Красной Армии являются специальным родом войск и состоят из парашютных, посадочных и авиационно-планерных частей.

2. Воздушно-десантные войска находятся в распоряжении Народного комиссара обороны СССР и только с его разрешения могут быть использованы в операции для решения следующих задач:

— содействовать наземным войскам в окружении и уничтожении противника;

— дезорганизовать управление войсками противника и работу его тыла;

— захватывать и удерживать важные рубежи, переправы и пункты в тылу противника;

— захватывать и разрушать аэродромы и авиационные базы противника;

— обеспечивать высадку морского десанта путём захвата прибрежного района.

3. Во главе воздушно-десантных войск Красной Армии стоит командующий воздушно-десантными войсками.

Формирование, укомплектование и снабжение воздушно-десантных войск осуществляется Главным управлением воздушно-десантных войск Красной Армии.

Начальник Главного управления воздушно-десантных войск

является одновременно первым заместителем командующего воздушно-десантными войсками Красной Армии.

Главное управление воздушно-десантных войск ведёт свою работу по заданиям и указаниям Военного совета воздушно-десантных войск.

4. При Военном совете воздушно-десантных войск Красной Армии создаётся:

а) штаб, б) инспекция, в) политический отдел, г) авиаэскадрилья управления и связи.

5. Главное управление воздушно-десантных войск организуется в составе: а) управления формирования и комплектования, б) управления вооружения, снабжения и эксплуатации, в) отдела ВУЗ, г) канцелярии.

6. Задачи штаба:

а) руководство оперативной подготовкой штабов воздушно-десантных соединений;

б) разработка наставлений, инструкций и указаний по боевому применению и материальному обеспечению воздушных десантов;

в) изучение и обобщение опыта боевого применения воздушных десантов Красной Армии и иностранных армий;

г) подготовка и проведение воздушно-десантных операций под руководством командующего воздушно-десантными войсками.

7. Задачи инспекции:

а) Разработка указаний и программ по боевой подготовке наземных и лётных частей воздушно-десантных войск;

б) инспектирование хода боевой подготовки и проверка боевой готовности наземных и лётных частей воздушно-десантных войск.

8. Задачи управления формирования и укомплектования:

укомплектование воздушно-десантных частей командным составом, младшими командирами и красноармейцами, определение пригодности каждого по физическим и политикоморальным признакам для службы в воздушно-десантных войсках.

Воздушно-десантные войска укомплектовываются:

а) начсоставом воздушно-десантных войск за счёт Главного управления кадров Красной Армии;

б) начсоставом для авиационных и авиационно-планерных частей за счёт Управления кадров ВВС Красной Армии;

в) младшим начсоставом — за счёт выпусков из воздушно-десантных школ младшего начальствующего состава;

г) рядовым составом из числа лучших красноармейцев

наземных войск и призывников.

9. Задачи управления вооружения, снабжения и эксплуатации:

а) составление расчётов и распределение вооружения, снаряжения, парашютно-десантного и авиационного имущества;

б) контроль за выполнением заказов на вооружение, снаряжение и авиационно-десантное имущество, проверка хранения и эксплуатации его в частях и складах текущего довольствия;

в) составление планов и осуществление контроля за выполнением опытного строительства воздушно-десантного имущества;

г) организация и контроль за правильностью эксплуатации материальной части самолётов, планеров и десантного оборудования.

10. Задачи отдела ВУЗ — руководство учебными заведениями и курсами, разработка методических указаний и программ подготовки курсантов и слушателей, контроль за выполнением сроков и качества прохождения программ в школах и на курсах усовершенствования.

11. Авиационное обеспечение воздушно-десантных операций осуществляется ВВС Красной Армии, на которые возлагается:

— обеспечение боевой и разведывательной авиацией боевых действий воздушных десантов;

— дополнительное (к имеющимся в составе воздушно-десантных войск) выделение транспортных самолётов и самолётов боевой авиации, могущих быть использованными для переброски личного состава и грузов воздушных десантов.

Из книги Ф. Д. Свердлова «Ошибки Г. К. Жукова (год 1942)»

...4-й Воздушно-десантный корпус (в дальнейшем будем называть его просто 4-й ВДК) в составе двух воздушно-десантных бригад (которые будем именовать — ВДбр) — 9-й и 214-й, был высажен в тылу врага примерно 19 февраля 1942 года. Высадка производилась в районе Великополье. В 4-м ВДК числилась и 8-я ВДбр, но поскольку её высадка происходила раньше и совершенно в другом районе, то до апреля месяца бригада реально не могла быть включена в состав корпуса и действовала отдельно, подчиняясь группе войск Белова. До высадки в тылу врага корпусом командовал генерал-майор Левашёв. Но он был убит в период, когда самолёты пересекали линию фронта, осколком зенитного снаряда противника. Поэтому после приземления в

командование корпусом вступил начальник штаба полковник А. Ф. Казанкин. О высадке корпуса фронт предупредил Белова гораздо раньше, чем тот начал действовать, но Белов долго не имел с ним связи и не знал о его участии, районе действий. 4-й ВДК имел задачу наступать с тыла навстречу частям 50-й армии, которая должна была прорвать оборону немцев, перерезать Варшавское шоссе и, таким образом, пробить брешь к группе войск Белова.

25 февраля корпус начал наступление и довольно успешно продвигался вперёд. К 28 февраля он почти полностью выполнил поставленную перед ним задачу, овладев населёнными пунктами: Ключи, Дереновичи, Татьянаовка, Иванцово и Жердовка. Но его действия были полностью изолированы от группы Белова, а кроме того, наступление 50-й армии заглохло в самом его начале.

Таким образом, стоящая перед корпусом задача не могла получить своего полного завершения. Внезапность, с которой корпус появился в тылу врага и стал успешно действовать, была упущена и вскоре он должен был прекратить наступление и сам попал в тяжёлое положение. Немцы бросили против него до трёх дивизий, и корпусу пришлось в течение всего марта вести очень тяжёлые бои, в которых он нёс весьма ощутимые и совсем неоправданные потери. 1 апреля 4-й ВДК был атакован танками и пехотой противника, которые, быстро продвигаясь, овладели Куракино, Пречистое и Дубровня. Создалась явная угроза окружения корпуса и партизанского отряда Жабо, который действовал с ним. Нужно было срочно принимать меры, спасти положение. Остановив наступление по прорыву к армии Ефремова и прекратив бои по ликвидации Угринского гарнизона, Белов бросил навстречу десантникам 2-ю гв. кавдивизию, 117-й лыжный батальон и 8-ю ВДбр, которую со 2-го апреля переподчинил корпусу. Десять дней шли тяжёлые бои. 2-я гв. кавдивизия овладела станцией Вертехово, деревнями Баскаковка, Мал. Мышенка, Вербилово и не позволила противнику расправиться с десантниками. 11 апреля 4-й ВДК был подчинён Белову, и всё последующие бои они теперь вели вместе.

Стоит ли повторять, что и в данном случае фронт допустил старый способ действий: удар растопыренными пальцами. Если бы десантный корпус был усилен теми же частями, которые Белову пришлось потом бросать ему на выручку, а операция 50-й армии лучше подготовлена, успех был бы обеспечен. При таких действиях не только была бы успешно выполнена задача, поставленная перед корпусом и 50-й армией, но и потери были бы значительно меньшими и, что главное — они оправдывались бы достижением основной цели.

Но не надо размахивать кулаками, после того как драка закончена с большими потерями и 4-й ВДК, и группы Белова.

1 апреля Белов предложил Жукову собрать все части 1-го гв. кавкорпуса и 4-го ВДК (8-я, 9-я и 214-я ВДбр) и нанести удар на юг, навстречу Болдину. Для прикрытия остальной занимаемой территории он предлагал оставить две партизанские дивизии, 329-ю стр. дивизию, отряд Жабо, лыжные батальоны и ряд других подразделений.

Командующий фронтом долго молчал и только через десять суток, 11 апреля, ответил. В ответ Жуков отклонил предложение Белова. Он считал, что опасность для наших войск, видите ли, преувеличена, что «пятиться» нельзя, что ослаблять группировку в районе Дорогобуж тоже нельзя (там 1-я гв. кавдивизия располагалась во втором эшелоне обороны), и, что, наконец, 50-я армия в данный момент не готова к прорыву через Варшавское шоссе на север в направлении Милятино.

Но всё перечисленное Командующим фронтом не соответствовало действительности. Последующие события показали, что: во-первых, нужно было проделать «брешь» на «Большую землю», откуда Белов мог бы получить всё необходимое для удержания занимаемой территории и, вообще, поставить всю южную часть немецкой группировки под угрозу окружения. Во-вторых, такая операция полностью исключила бы успех противника против группы войск Белова и не случилось бы того, что произошло в мае-июне 1942 года. Впоследствии группа понесла слишком большие потери, совершенно неоправданные, всё равно отдала противнику всё то, о чём так беспокоился Жуков. Наконец, кроме всего, ссылка на то, что 50-я армия не готова к наступлению, была неправильна. Почему? Да потому, что 13 и

14 апреля 50-я армия перешла в наступление (указание, где утверждалось, что армия не готова к наступлению, было получено Беловым 11 апреля). 2-я гв. кавдивизия и 8-я ВДбр довольно успешно продвигались навстречу 50-й армии, и в этих боях были моменты, когда между ними и войсками 50-й армии оставался всего лишь 2-х километровый разрыв. Группа разведчиков Кононенко несколько раз переходила к войскам Болдина и возвращалась обратно. Следовательно, генерал Белов был прав! А Жуков? Его действия в данном случае трудно объяснимы...

Опыт проведения воздушно-десантных операций

...Наиболее характерными задачами, решавшимися

воздушными десантами, были:

— содействие наступавшим сухопутным войскам в увеличении темпов наступления, глубины операции, сокращении сроков её проведения;

— обеспечение форсирования в высоком темпе водных преград путём захвата плацдармов, переправ, мостов и удержание их до подхода сухопутных войск (десант союзников при форсировании р. Рейн в районе Везель в марте 1945 г.);

— оказание помощи сухопутным войскам и силам флота в захвате важных военно-политических центров, аэродромов, крупных железнодорожных узлов, портов, а также срыв мобилизации и развёртывания войск противника, дезорганизация тыла страны (десанты фашистской Германии в Норвегии, Голландии, Дании);

— содействие высадке на побережье морских десантов путём захвата плацдармов, выгодных рубежей на них, воспреещение подхода резервов противника к участкам высадки (десант США на остров Сицилия 10 июля 1943 г., десанты союзников в Нормандии в июне 1944 г. и на юге Франции в августе 1944 г., немецкий десант в районе г. Нарвик и др.);

— захват крупных островов, имевших важное стратегическое значение (Критская воздушно-десантная операция в 1941 г.).

Перечисленные задачи решались воздушными десантами, как правило, успешно, что положительно сказывалось на ходе военных действий вооружённых сил, применявших воздушные десанты. Так, при нападении на Польшу гитлеровское командование десантировало на её территории большое количество диверсионных групп с задачей затруднить проведение мобилизации, нарушить управление страной и вооружёнными силами, сорвать развёртывание и снабжение армии. Ввиду того что вооружённые силы Польши и страна в целом были не готовы к войне и, в частности, к борьбе с воздушными десантами, последним удалось оказать существенное влияние на ход германо-польской войны.

Вторжение фашистской Германии в Норвегию и Данию началось с воздушно-десантной операции, что позволило сухопутным войскам и ВМФ в короткий срок захватить крупные города страны, воздушные и морские базы. Аналогично осуществлялось вторжение немецко-фашистских войск в Голландию и Бельгию.

Последней крупной и успешной воздушно-десантной операцией, проведённой фашистской Германией, была операция по захвату острова Крит, длившаяся 10 суток. Ввиду отсутствия внезапности она протекала с большими трудностями. Потери

гитлеровцев составили 6 тыс. человек и 250 самолётов, но цель была достигнута.

Япония применяла свои воздушно-десантные войска главным образом при ведении военных действий в бассейне Тихого океана. Наиболее крупный десант в составе 700 человек был высажен на остров Суматра 14–16 февраля 1942 г. Десант овладел аэродромом и способствовал высадке на остров морского десанта. С аналогичными задачами высаживались десанты на остров Целебес (11 января 1942 г.), Тимор (20–21 февраля 1942 г.), Лейте (6 декабря 1944 г.) и др. Обычно задачи, возлагавшиеся на воздушные десанты, решались успешно.

Наибольший боевой опыт получили воздушно-десантные войска США и Англии при ведении военных действий в Европе. Первая воздушно-десантная операция для содействия высадке морского десанта в Сицилии была проведена в июле 1943 г. В операции участвовали два полка 82-й воздушно-десантной дивизии США и одна воздушно-десантная бригада Великобритании, насчитывавшая 6100 человек.

Крупнейшая воздушно-десантная операция также для содействия высадке морского десанта была проведена в июне 1944 г. в Нормандии. Десант захватил ряд мостов, необходимых для расширения плацдарма, задержал выдвижение резервов противника к району высадки, дезорганизовал оборону немецких войск ударами с тыла.

В августе 1944 г. союзники для обеспечения высадки на побережье юга Франции морского десанта провели крупную воздушно-десантную операцию. Было осуществлено десантирование группы в количестве 9732 человек, что способствовало высадке на побережье их главных сил с моря.

Также успешно были выброшены воздушные десанты при наступлении союзных войск в Голландии во второй половине сентября 1944 г. Эта операция характерна стремлением прорвать оборону противника на узком участке (3,2 км) во взаимодействии с крупным оперативным воздушным десантом в составе трёх воздушно-десантных дивизий и одной бригады.

Воздушные десанты, одновременно высаженные на направлении предстоящего наступления ударной группировки на глубине 30, 60, 90 км, должны были овладеть мостами, переправами на водных преградах, плацдармом на р. Рейн, тем самым обеспечить стремительное наступление на глубину до 100 км и выход к побережью залива.

Из опыта этой оригинальной и смело задуманной воздушно-десантной операции наибольшего внимания заслуживают следующие моменты. Перед высадкой десанта ВВС США и Англии

нанесли удары по ближайшим аэродромам, огневым позициям зенитной артиллерии, опорным пунктам и казармам в районах высадки. Как известно, высадка трёх дивизий в Нормандской операции заняла ночь и день. Здесь первый эшелон десанта, доставленный в район выброски на 1544 транспортных самолётах и 491 планере, был десантирован за 1,5 часа, второй — за 2 часа (высаживался с 1360 самолётов и 1203 планеров). Хотя воздушные десанты в основном выполнили свои задачи, прорвать оборону на всю запланированную глубину не удалось, плацдарм на р. Рейн не был удержан. Воздушные десанты понесли огромные потери. Последнюю воздушно-десантную операцию на западе союзники провели в марте 1945 г. Утром 24 марта в полосе наступления 21-й группы армий (район Везель) на удалении 8–15 км от р. Рейн, в пределах тактической зоны, был высажен воздушно-десантный корпус двухдивизионного состава в целях захвата важных в тактическом отношении участков местности, нарушения системы обороны и воспреещения подхода к плацдарму вражеских резервов.

В течение двух часов в район высадки транспортными самолётами и планерами (использовалось 1595 самолётов и 1347 планеров) было доставлено более 17 тыс. человек, 286 орудий и миномётов, 614 лёгких бронеавтомобилей, сотни тонн различных грузов.

Представляет интерес порядок обеспечения силами истребительной авиации пролёта транспортных самолётов и планеров: 890 истребителей осуществляли их непосредственное сопровождение, 1253 — окаймляли район высадки с целью недопущения авиации противника, 900 истребителей-бомбардировщиков уничтожали средства ПВО в полосе пролёта десанта.

Высадка воздушного десанта явилась полной неожиданностью для фашистского командования. Сопrotивления со стороны немецких войск десант почти не встретил. В целом десант свои задачи выполнил.

Воздушно-десантная операция

Согласованные и взаимосвязанные единым замыслом и планом действия соединений воздушно-десантных войск, авиации и др. видов вооружённых сил по перевозке, выброске (высадке) десанта и решению боевых задач в тылу противника для достижения оперативных или оперативно-стратегических целей.

Проводится в целях захвата важных военно-экономических

объектов (р-нов) противника в его тылу, нарушения управления, содействия сухопутным войскам в разгроме противостоящих группировок противника, а также его резервов.

Воздушно-десантные операции начали проводиться во время Второй мировой войны. В послевоенный период в связи с повышением возможностей военно-транспортной авиации и развитием ВДВ значение воздушно-десантной операции возросло.

Для подготовки десантируемых войск и военно-транспортной авиации назначаются исходные районы для десантирования. Для выброски (высадки) войск в тылу противника выбираются районы десантирования. Задача воздушному десанту ставится на весь период его боевых действий в тылу противника и обычно расчленяется на ближайшую и дальнейшую. Для переброски войск десанта по воздуху в район десантирования назначается полоса пролёта военно-транспортной авиации с десантом. Непосредственно перед началом и в ходе десантирования авиация и другие средства поражения подавляют объекты ПВО и войска противника в полосе пролёта авиации, в районе десантирования и в прилегающих к ним районах. Полёт военно-транспортной авиации с десантом прикрывается от ударов авиации противника силами и средствами ПВО (над своей территорией) и истребительной авиацией (над территорией противника). Боевые действия воздушного десанта ведутся с предельной решительностью и активностью, для выхода к назначенным объектам широко применяя маневр.

Воздушно-десантная операция заканчивается после соединения воздушного десанта с наступающими войсками.

Бой в Аргунском ущелье. Документ из штаба ВДВ

Министерство Российской Федерации.

В период с 29 февраля по 3 марта с.г. незаконными вооружёнными формированиями численностью около 2,5 тысячи боевиков была предпринята попытка прорыва из района Улус-Керт, Зоны, Дачу-Борзой в направлении Махкеты, Киров-Юрт, Элистанжи, Ведено.

По имеющимся данным, полученным по завершении боя, общее руководство прорывом осуществляли полевые командиры Бакуев, Арсанов и Хаттаб.

Главный удар противником был нанесён в период с 29.02 по 1.03 в полосе действий 104 пдп (парашютно-десантного полка) 76 вдд (воздушно-десантной дивизии), при этом основные усилия боевиков численностью до 1200 чел. были направлены против

боевых порядков 2 пдб (парашютно-десантного батальона)... Противник на этом направлении имел почти 20-кратное превосходство.

Хронология боя такова:

28 февраля 2000 г. на основании распоряжения начальника оперативного штаба Восточной группировки полковой тактической группе 104 гвардейского пдп была поставлена задача: до 14.00 29.02.2000 г. завершить выход на рубеж в

4 км юго-восточнее Улус-Керт. Частью сил полка блокировать район населённого пункта Сельментаузен и не допустить прорыва незаконных вооружённых формирований в направлении Махкеты, Киров-Юрт, Элистанжи, Ведено.

В 7.00 29 февраля 6 пдр (парашютно-десантная рота) с 3 пдв (парашютно-десантным взводом), 4 парашютно-десантная рота, две разведгруппы рр (разведроты) 104 пдп были сняты с блокпостов и сосредоточены на командном пункте ПТГр (полковой тактической группы) 104 гвардейского пдп, где получили боевую задачу по выходу на указанный рубеж. Возглавил подразделения лично командир 2 пдб подполковник Евтюхин М. Н.

Выход на указанный рубеж осуществлялся в пешем порядке. В 12.30 29.02 разведывательный дозор 6 пдр в 2 км южнее Улус-Керт обнаружил группу боевиков численностью до 20 человек. Завязался бой. По решению командира батальона 6 пдр начала отход в район господствующей высоты отм. 776.0 (5965), где находились управление 2 пдб и 3 пдв 4 пдр. После отхода 6 пдр вместе с 3 пдв 4 пдр, рг рр 104 пдп заняли оборону на высотах 776.0 и 787.0.

Боевики подтянули подкрепление и начали обстреливать подразделения батальона с нескольких направлений, огонь вёлся из стрелкового оружия и миномётов. В 23.25 началась массированная атака боевиков «волнами», используя русла рек и открытые фланги.

Бой 2 пдб поддерживали артдивизион 104 пдп и вертолёты армейской авиации. Попытки командования оперативной группы ВДВ, ПТГр 104 гвардейского пдп деблокировать окружённую группировку из-за сильного огня бандформирований и сложных условий «междуречья» успеха не принесли.

Со стороны боевиков поступали предложения сдаться. В это время артиллерия полка и главные силы группировки ВДВ продолжали вести огонь по боевикам.

В 03.00 01.03, воспользовавшись затишьем, 3 пдв 4 пдр под руководством зам. командира 2 пдб майора Доставалова А.В. отм. 787.0 (5866) прорвались к 6 пдр через заслон боевиков.

В 05.00 01.03 боевики, не обращая внимания на свои потери,

перешли в атаку со всех направлений и вплотную приблизились к позициям 6 пдр. Командир батальона вызвал огонь артиллерии на себя. В 6.10 01.03 связь с командиром 2 пдб подполковником Евтюхиным М. Н. оборвалась.

В динамике боя с началом появления потерь командующим ОГ ВДВ была поставлена задача командиру 104 пдп на совершение маневра 1 пдр в район боевых действий для деблокирования 6 пдр и подготовки маршрутов для эвакуации раненых и погибших.

1 пдр предприняла попытку переправиться через реку Абазулгол на участке 1 км южнее уреза воды 520.0 (6066), однако попала в засаду и под миномётным и пулемётным огнём противника была вынуждена закрепиться на берегу. При поддержке артиллерии были предприняты ещё несколько попыток переправиться через реку, однако интенсивность огня противника не уменьшалась. Только с утра 2.03 рота смогла прорваться в район боя, несмотря на то, что в течение всего огневого боя и артиллерия полка, и артиллерия ОГ ВДВ и старшего начальника вела ответный огонь, наносили удары вертолёты армейской авиации.

2 марта в район боя под огнём противника прорвалась группа прикрытия от 1 пдб 104 пдп численностью 80 человек и группа эвакуации раненых и погибших (4 пдр 104 пдп численностью 50 человек).

Характер действий противника не изменился. Бандформирования продолжали предпринимать попытки прорваться мелкими и большими группами через боевые порядки подразделений и частей Введенского направления, неся при этом значительные потери.

По данным радиоперехвата, агентурной разведки (полученным по завершении боя), свидетельству очевидцев, местных жителей, а также сдавшихся в плен боевиков, бандиты в ходе боя потеряли до 400 человек, в том числе был убит полевой командир Идрис, разгромлены две банды полевых командиров Идриса и Абу Валида.

К сожалению, в результате 4-дневных тяжёлых боёв, десантники также понесли большие потери. 3 марта с.г. из района боевых действий были эвакуированы тела 84 погибших военнослужащих.

Личный состав подразделений, участвовавших в бою, проявил массовое мужество и героизм, не пропустив на своём направлении многократно превосходящего по численности противника.

Командир 2 пдб гв. подполковник Евтюхин Марк Николаевич,

получив ранения, умело управлял боем, не оставил захваченного рубежа, лично эвакуировал раненого гв. сержанта Супонинского А.А., который в последующем предпочёл сражаться рядом с командиром батальона до последнего патрона, защищая его и видя, как он погиб.

Заместитель командира 2 пдб гв. майор Доставалов А.В., получив команду командира батальона, несмотря на сильнейший огонь боевиков, прорвался через кольцо окружения с личным составом 3 взвода 4 пдр и вышел на усиление 6 пдр.

Командир разведывательного взвода гв. старший лейтенант Воробьёв А.В., проявив личную храбрость и находчивость, уничтожил полевого командира Идриса.

Командир самоходной артбатарей гв. капитан Романов В. В., являвшийся старшим группы артиллерийских корректировщиков, после потери обеих ног в результате разрыва мины продолжал корректировать огонь артиллерии.

Командир 6 пдр гв. Молодов С. Г. при захвате хорошо укрепленного опорного пункта боевиков, получив ранение при эвакуации раненого, продолжал управлять ротой.

Гв. рядовой Владыкин Е. А., видя мучения раненых в условиях сильного холода, попытался произвести вылазку за спальными мешками для них, однако был захвачен боевиками и жестоко избит. Получив удар прикладом автомата в голову, потерял сознание (боевики посчитали его убитым). Очнувшись от холода полураздетым, сумел вернуть свой пулемёт и выйти в расположение своих войск.

Проявив выдержку, хладнокровие, верность воинскому долгу, ни один из воинов-десантников не поддался на провокации боевиков, неоднократно призывавших сложить оружие и сдаться в обмен на жизнь.

Каждый из гвардейцев принял для себя единственное решение — не допустить прорыва боевиков, понимая, что это может привести к непоправимым последствиям, так как за их спиной находились командные пункты, огневые позиции артиллерии, населённые пункты, освобождённые от бандитов.

Список источников и литературы

1. Ан-12. Уголок неба. Интернет.
2. АПРФ. Ф. 3, Оп.64, Д. 484.
3. АПРФ. Ф. 3, Оп. 64, Д. 485.
4. Аптекарь П. Советско-Финские войны. М., 2004.
5. Белов М. И. Армия победных операций. М., 2000.
6. Белов В. М. Интернет: Союз десантников России. Ветераны вспоминают.
7. Бешанов В. Ленинградская оборона. М., 2005.
8. Бубыга Н. Интернет: «Российская газета». Бой в Аргунском ущелье.
9. Васильев Б. Офицеры. М., 2003.
10. Васильев Б. Век необычайный. М., 2003.
11. Военная одежда Вооружённых Сил СССР и России (1917–1990-е годы). М., 1999.
12. Воздушно-десантные войска России. М., 2000.
13. Воздушно-десантные войска Вооружённых Сил СССР (1946–1991). Интернет.
14. Войцехович В. В. Интернет: Воспоминания ветеранов. Правительство Москвы, Префектура Юго-Восточного округа г. Москвы.
15. Гончаров В. Воздушные десанты Второй мировой войны. М., 2003.
16. «Власть» № 31 от 8 августа 2000 г. Рождённые летать и ползать.
17. Великая Отечественная война 2 (1). Приказы НКО 1937–22.06.1941 г. М., 1994.
18. Великая Отечественная война 13 (1–2). Приказы НКО за 1941-й г. М., 1997.
19. Википедия (свободная энциклопедия). 13-й гв. Севастопольский Краснознамённый учебный мотострелковый полк. Интернет.
20. Википедия (свободная энциклопедия): 3-я гв. стрелковая дивизия. Интернет.
21. Википедия (свободная энциклопедия): Парад Победы. Интернет.
22. Википедия (свободная энциклопедия): Вяземская воздушно-десантная операция. Интернет.
23. Википедия (свободная энциклопедия): Иван Васильевич Тутаринов. Интернет.
24. Википедия (свободная энциклопедия): «В зоне особого внимания». Интернет.

25. Википедия (свободная энциклопедия): Рязанское Высшее Воздушно-десантное училище имени генерала армии Маргелова В. Ф. — Военный институт.

26. Википедия (свободная энциклопедия): 7-я гв. воздушно-десантная Краснознамённая ордена Кутузова

2 степени дивизия. Интернет.

27. Википедия (свободная энциклопедия): Объединённая Белорусская военная школа имени ЦИК БССР. Интернет.

28. Википедия (свободная энциклопедия): дисциплинарный батальон. Интернет.

29. Википедия (свободная энциклопедия): Воздушно-десантные войска. Интернет.

30. Википедия (свободная энциклопедия): Леонид Григорьевич Минов. Интернет.

31. Википедия (свободная энциклопедия): 80-я стрелковая дивизия. Интернет.

32. Викторов А. О дяде Васе и его войсках. «НВО» от 14 октября 2005 г.

33. Военный энциклопедический словарь. М., 1993.

34. Гайдученко И. «Вечерний Харьков» от 2 августа 2006 г.

35. Глезеров С. Показательный суд. «Вести» Ленинградская область от 8 мая 2008 г.

36. Гольбрайх Ефим Абелевич. Я помню. Интернет.

37. Гондусов В. С нами бог и Маргелов. «Братишка», декабрь 2008 г.

38. Гончаров А. Идут полки Маргелова. «Красная звезда» от 2 августа 2002 г.

39. Горбатов А.В. Годы и войны. М., 1989.

40. Горелов А. Прага 1968 год. «Искусствовоины» № 4, июль 2008 г.

41. Гриф секретности снят. Потери Вооружённых Сил СССР. М., 1993.

42. Денисов В., Ленин А. «Красная звезда» от 31 января 2007 г.

43. Деревенц А. Сквозь две войны, сквозь два Архипелага. М., 2007.

44. Емельянов О., Коваленко К. В награду за «Вихрь». М., 2007.

45. Иванов Н. О Маргелове В. Ф. Герои В. О. В. Днепропетровщины. Интернет.

46. «Известия ЦК КПСС» № 1, 1990 г.

47. История Военного искусства (учебник). Монино, 1995 г.

48. Карасёв А.В. Ленинградцы в годы блокады. М., 1959.

49. Карпов В. Маршал Жуков. Опала. М., 1994.

50. Колмаков А. П., Назаренко Ю. В., Погодин В. В. Военно-

научный (научно-технический) комитет ВДВ. М., 2004.

51. Копылов И. С. Оренбургское лётное. М., 1976.

52. Костин Б. А. Маргелов. ЖЗЛ. М., 2005.

53. Командармы. Военный биографический словарь. М., 2005.

54. Комкоры. Военный биографический словарь. Том 1. М., 2006.

55. Кравцов А. Чтоб я так жил. «АиФ», 1991 г.

56. Круглов В. Эмблема ВДВ. «Красная звезда» от 2 августа 2007 г.

57. Кукушкин А.В. Знакомство с генералом Маргеловым. «Искусство войны» № 4 (9), июль 2008 г.

58. Кучинская В. Без мужества десантника нет. «Областная газета» № 137(259) от 26 ноября 2007 г.

59. Лебедь А. За державу обидно. М., 1995.

60. Лисов И. И. Секунды, равные жизни. М., 1997.

61. Лисов И. И. Советские воздушно-десантные войска. РККА.

62. Лушников Ф. История создания парашютов Д-1-8. Десантура. Ру. Интернет.

63. Ляховский А. Трагедия и доблесть Афгана. М., 1995.

64. Майоров А. М. Вторжение. Чехословакия. М., 1998.

65. Макаров А. Укрощение «Кентавра». Десантура. ру. Интернет.

66. Маргелов А., Маргелов В. Василий Маргелов. Десантник № 1. М., 2001 г.

67. Маргелов В. Ф. Воздушно-десантные войска. М., 1977.

68. Машкарин А. Три заповеди генерала Маргелова. «Псковская губерния» 01–07 августа 2002 г.

69. Мачнева О. Участник Парада в гостях у инопланетян. «Вечерняя Казань» № 76 (2598) от 9 мая 2003 г.

70. Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. М., 2002.

71. Минина А. «Уральский рабочий» от 14 февраля 2009 г.

72. Москаленко Ю. Кому на войне благоволила удача. Школа жизни. Ру. «Биографии». Интернет.

73. Ненахов Ю. Войска спецназначения во Второй мировой войне. Минск, 2000.

74. Никитенко Е. Восток дело тонкое. М., 2004.

75. Осипов А. Посещение бригады генералом армии Маргеловым. Проза. Ру. Интернет.

76. Перечни наименований объединений, соединений и других формирований Вооружённых Сил. Справочник. М., 2005.

77. Пыльцын А.В. Штрафной удар. М., 2005.

78. Ращепкин К., Лунёв А. «Красная звезда» от 1 августа 2009 г.

79. Ращепкин К. «Красная Звезда» от 25 марта 2010 г.

80. РГВА. Ф. 4, Оп. 11, Д. 65.
81. РГВА. Ф. 4, Оп. 11, Д. 81.
82. РГВА. Ф. 4, Оп. 12-а, Д. 96.
83. Ржешевский А. Тернистый путь генерала Варенникова. М., 2009.
84. Россия (СССР) в войнах второй половины XX века. М., 2002.
85. Савченко А. Первый воздушный десант, 2006 г. Интернет.
86. Самойленко Я. «Из опыта управления воздушными десантами в годы войны. ВИЖ» № 12, 1979 г.
87. Свердлов Ф. Д. Ошибки Г. К. Жукова (год 1942). М., 2002.
88. Смыслов О. С. Награды Великой Победы. М., 2010.
89. Смыслов О. Прошли не годы — жизнь как будто. Смоленск, 2007.
90. Советские воздушно-десантные. М., 1986.
91. Тверской союз десантников. Интернет.
92. Хабаров А.В. «БМБ» № 3–4, 2008 г.
93. ЦАМО. Ф. 32, Оп. 11 309, Д. 15.
94. ЦАМО. Ф. 33. Наградной лист на Героя Советского Союза Маргелова В. Ф.
95. ЦАМО. Ф. 33. Выписки из наградных листов на Маргелова В. Ф.
96. ЦАМО. Выписки из личного дела генерала армии Маргелова В. Ф.
97. Чайкина Ж. Двинский дебют. «Сейчас» № 4, 2008 г.
98. Шувалов Н. Мы становимся солдатами. Ленинград, 1973.
99. Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1985.
100. Элькин Даниил Арнольдович. Я помню. Интернет.
101. Яковлев Н.Н. Жуков. М., 1992.

Примечания

Слова «установить... войск» вписаны А. Мехлисом вместо «приравнять к лётно-подъёмному составу ВВС».

Весь абзац вписан Л. Мехлисом.